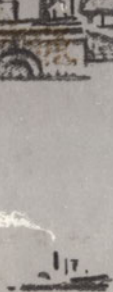

ВОЛЫТ СУСЛОВ

РАССКАЗЫ О ЛЕНИНГРАДЕ

ВОЛЫТ СУСЛОВ РАССКАЗЫ О ЛЕНИНГРАДЕ

ВОЛЫТ СУСЛОВ

80 коп.

Издательство
«Детская литература»

ВОЛЬТ СУСЛОВ

РАССКАЗЫ О ЛЕНИНГРАДЕ

Рисунки и оформление
С. ЯКОВЛЕВА

ЛЕНИНГРАД
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Ленинградское отделение
1988

Стоит над Невой город.
Большой и красивый.
Носит он гордое имя: Ленинград.
И еще называют его городом трех революций.
И еще он город-герой.
Город-солдат.
Город-труженик.
Город-порт.

У каждого города есть свое лицо, своя судьба, своя история. У Ленинграда она не такая уж и длинная, по сравнению с другими городами. Но это славная история! Был город Санкт-Петербург, просто Петербург, Петроград. А в 1924 году получил имя Владимира Ильича Ленина и стал Ленинградом.

Вырос он на древней Новгородской земле. Прямо на болотах появились его дома и улицы. Великие мастера и неизвестные труженики строили его мосты, возводили дворцы и сажали сады. В тесных, закопченных цехах старых заводов, в литейках и кузницах создавались его памятники, ажурные решетки — рождалась сама красота. Из тех же цехов вышли первые пароходы и паровозы нашей страны, первые рельсы железных дорог, сотни умных машин, невиданные доселе станки.

...Набегают на каменные ступени волны Невы. Поднимаются над ними каменные арки мостов, угрюмые крепостные бастиионы, лежат на берегах реки гранитные набережные, гранитные цоколи зданий. Могучий город над Невой стоит! Украшают его золотые шпили, пышно разукрашенные стены дворцов, торжественные здания Академии наук и Академии художеств и — совсем не нарушающие красоту их ансамблей дома-«корабли» на правом берегу реки, здание новой гостиницы «Ленинград».

Новые времена приносят свои взгляды, решения, конструкции, но вырастают-то они не на пустом месте. Сегодняшние градостроители учатся у старых мастеров, стремятся сохранить все лучшее, что создано ими. Не случайно в Ленинграде взято под охрану государства более двух тысяч памятников зодчества.

Если в Ленинград приезжают гости, город к ним приветлив. Он распахивает перед гостями более трёх с половиной тысяч улиц, приглашает на просторы площадей, отворяет двери старинных дворцов, включает знаменитые петергофские фонтаны, стелет под ноги аллеи садов. В Ленинграде более восьмисот парков, садов и садиков, почти двести бульваров. И у каждого свое лицо!

Ровесник нашего города Летний сад — это еще и своеобразный музей скульптуры. Ботанический сад — еще и научная лаборатория. Сквер Марсова поля — сад-памятник. Парки Петродворца — чем не столица фонтанов!

Ленинград часто называют музеем под открытым небом. Справедливо называют. Многие его улицы — экспонаты музея архитектуры. В городе есть Музей городской скульптуры, но и сам он — город памятников. Прямо под открытым небом стоят могучие монументы, триумфальные арки. Его уже невозможно представить себе без Медного всадника, без бронзового Пушкина на площади Искусств, без памятника Владимиру Ильичу Ленину у Финляндского вокзала. Прямо на речной волне стоит экспонат Центрального Военно-морского музея — легендарный крейсер «Аврора», памятник, экспонат и музей. Есть даже памятник длиной в 200 километров. Зеленым поясом Славы окружил он город, пройдя по рубежам героической обороны в годы Великой Отечественной войны.

На берегах Невы великие ученые открывали законы природы, а великие поэты слагали бессмертные строки своих стихов. Идут год за годом, но живут не старея полотна выдающихся художников и звучит музыка, рожденная над Невой.

Биография города пишется именами его улиц. С давних времен живут в Ленинграде трудовые улицы: Рабочая, Заводская, Ремесленная, Мастерская, Чугунная, Гончарная, Хрустальная, Железная... Перекликаются с ними переулки: Кирпичный, Фонарный, Прачечный, Сахарный, Свечной, Смоляной, Мучной, Поварской... То, что это город морской, подтверждают Морской проспект и Галерный проезд, Шкиперский проток и набережная Красного Флота, улицы: Якорная, Барочная, Матросская, Боцманская, Лоцманская, Мичманская, Капитанская.

Великий Октябрь принес новые имена улицам города. Появились в нем улица Восстания, шоссе Революции, проспект Стачек, бульвар Профсоюзов, улицы Комсомола, Краснопутиловская, десять Советских и тринадцать Красноармейских!

Подвиг ленинградцев в годы Великой Отечественной войны хранят площадь Мужества, проспекты Непокоренных и Народного Ополчения, площадь Победы, улицы Краснодонская, Гвардейская, Добровольцев, Маршала Говорова, Летчика Пилютова, Танкиста Хрустицкого, Солдата Корзуна...

На десятках домов висят мемориальные доски, сверкают золотом строки по мрамору: «Здесь жил В. И. Ленин...», «Здесь работал Владимир Ильич...», «Здесь занимался...», «Здесь выступал с докладом...», «...руководил марксистским рабочим кружком...», «участвовал в собраниях передовых рабочих...», «...прибыл, чтобы принять непосредственное участие

в первой русской революции», «В этой комнате скрывался...», «...проводил партийные совещания о подготовке вооруженного восстания...», «...непосредственно руководил вооруженным восстанием»...

Их более двухсот пятидесяти — мест, связанных с жизнью и революционной деятельностью Владимира Ильича в городе, носящем его имя. Это имя живет и в названии района, проспектов, улиц, заводов, институтов, Домов и Дворцов культуры. Но главное — мечты Ильича, его заветы, дело, за которое он боролся, постоянно живут в труде и заботах ленинградцев.

Много нового пришло в город, первым поднявшим над собой красное знамя свободного труда. Родился в нем первый договор социалистического соревнования, возникли первые ударные бригады, первый встречный план. Здесь, на берегах Невы, были созданы первые советские турбины, тракторы и блюминги, первый в стране домостроительный комбинат и собран первый крупнопанельный дом. В Ленинграде родились первые профессионально-технические училища.

Что такое сегодняшний Ленинград? Конечно, не только улицы и жилые дома. Работают в нем более ста шестидесяти производственных и научно-производственных объединений. Трудятся более тридцати учреждений Академии наук СССР, около четырехсот научно-исследовательских институтов и проектно-конструкторских организаций. Поутру около шестисот школ распахивают двери, встречая своих учеников, 41 вуз принимает студентов, свыше 120 тысяч юношей и девушек спешат в 207 профессионально-технических училищ.

В Ленинграде работает 47 музеев. Если же к ним прибавить еще их филиалы, постоянно действующие

выставки и выставочные залы, то цифра эта возрастет до 119.

Всегда рады посетителям 2,5 тысячи библиотек города и, конечно, все его 16 театров.

С какой бы стороны ни подъезжали вы сейчас к Ленинграду, всюду вас встретят новостройки. За годы Советской власти площадь города увеличилась почти в 6 раз.

И он продолжает строиться.

Все дальше и дальше, сметая пустыри, уходят его четкие проспекты. Конечно, они тоже получают имена. И в них звучит уже новый, современный Ленинград.

Первой улицей, возникшей после Великой Октябрьской революции в Ленинграде, была Тракторная улица. В 1924—1927 годах на месте старых пустырей выстроились в ряд трех- и четырехэтажные дома для рабочих «Красного путиловца». Завод как раз в ту пору начал выпуск первых тракторов. И улицу новую в честь них назвали Тракторной.

Вслед за ней застроился домами проспект Пятилеток.

Никогда раньше не было да и быть не могло Рабфаковской улицы, — а тут появилась! Тысячи людей стали учиться грамоте, сели за столы рабочих факультетов — в честь них и улица появилась.

Меняется труд людей — меняется и город. Приходят на заводы и фабрики новые машины, появляются новые специальности. Новые улицы не замедляли и это отметить своими именами. Шагаем мы теперь по магистралям, читаем: «Проспект Энергетиков», «Проспект Энтузиастов», «Проспект Металлистов», «Проспект Науки», «Бульвар Новаторов», «Турбинная улица»...

И еще появились в Ленинграде площадь и улица Мира. Улицы, названные именами породненных городов.

Носит город имя любимого вождя.

Живет его заветами.

Осуществляет его мечты и планы.

Трудится.

Строит.

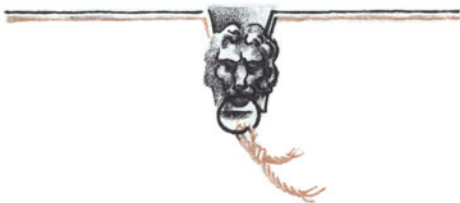
Растет.

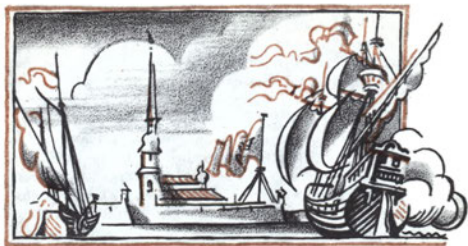
Этот новый город не забывает старых своих мастеров. Сыновним поклоном благодарит их за все, что они сделали и чему научили пришедших на смену.

Старинное и новое бок о бок живут над Невой. Слава дедов и слава внуков.

А внуки — народ пытливый, любознательный. Стремясь вперед, они обязательно хотят знать: как это было? Кто строитель? Создавалось кем? Когда?

Из поколения в поколение передается эта живая память...

ЗА КРЕПОСТНЫМИ БАСТИОНАМИ

Каждый день ровно в полдень катится над волнами Невы эхо выстрела. Прохожие, услышав его, на свои часы поглядывают, сверяют. Удивленным гостям поясняют охотно:

— Это Петропавловка бьет. Полуденный выстрел.

Стреляет пушка. Гремит с Нарышкинского бастиона. Вылетает из ствола орудия сизый клубочек дыма и тут же рассеивается. Петропавловка словно напомнить хочет, что она крепость, выросла для сражений с врагом в грозное для страны время.

Шумели в ту пору над Невой леса густые, еловые; хлюпали да чавкали болотины прибрежные, терялись в их кочках речушки малые. Суровая на вид была земля, угрюмая. Да какая ни есть, а своя, русская. С давних времен именовалась она Водской пятиной Новгорода Великого. Да еще Ижорской землей.

Ходили на нее войной ливонские рыцари, захватывали шведы. Строили свои крепости.

На месте древнего русского посада Ниена швед Делагари большую по тем временам крепость выстроил — Ниеншанц. Стояла она при впадении в Неву реки Охты. Ниеншанц — на Малой Охте, посад Ниен — на Большой. В Московском государстве Ниеншанц тот был известен под именем Канцы. На свой лад предки наши шведское слово переделали.

Знали русичи, что были в Ниене пильные заводы, торговые площади, склады, церковь лютеранская, строились корабли. Швартовались к его причалам суда с товарами русскими: льном, пенькой, паклей, салом, собольими да куньими мехами... Не все русские суда разгружались в Ниеншанце, иные и дальше плыли! В польский Гданьск, в шведский Стекольный (так наши предки город Стокгольм величали), а то и до самого Рима!..

Но это только отдельные лодьи да шичики. А государству Московскому выход к морю был закрыт. Могло ли оно с этим смириться? На древних русских землях чужаки сидят, реку Неву на замок заперли. И стало быть, подступиться не смей! Никак не могли предки наши взаперти сидеть, от морей отрезанными.

Весною 1703 года пришли к стенам Ниеншанца иные корабли, не торговые. Царь Петр I со своим войском пришел.

Совсем недавно отвоевал он у шведов другую русскую крепость — древний Орешек, что стоял у истоков Невы из Ладоги. 92 года владели Орешком шведы — владение закончилось.

Настала очередь Ниеншанца.

Крепость встретила петровских солдат высокими

толстыми стенами, пушками на валах, войском в 600 человек.

Русских же было больше. Только в разведку послал фельдмаршал Б. П. Шереметев двухтысячный отряд. Тот свою задачу выполнил: к стенам крепости пришел, неприятельскую заставу сбил, занял место у крепостного вала.

В Ниеншанц послали парламентариев, предложили крепости сдаться. Шведы ответили отказом.

Тогда заговорили пушки. Всю ночь над крепостью гремело и сверкало, а на рассвете русские увидели белый флаг: Ниеншанц пал.

Победа была легкой (всего за 8 дней с малыми потерями управились!), но не окончательной. В море стояла шведская эскадра, а в карельских лесах ждали удобного для нападения часа немалые силы шведского генерала Крониорта. Отвоеванные берега надо было укреплять и оборонять.

...До наших дней сохранился любопытный документ: «Журнал, или Поденная записка, блаженные и вечnodостойные памяти государя императора Петра Великого...». В том «Журнале» записано:

«По взятии Канец отправлен был воинский совет, тот ли шанец крепить или иное место удобнее искать (понеже оный мал, далеко от моря и место не гораздо крепко от натуры), в котором положено искать нового места, а по несколько дней найдено к тому удобное место — остров, который называется Луст-Еланд, где в 16 день мая (в неделю пятидесятницы) крепость заложена и именована Санктпитебурх...».

Тут, очевидно, все верно, ибо журнал сей редактировал сам царь.

Но что же за остров был выбран? Есть сведения о том, что незадолго до тех лет шведский король

подарил его одному из своих приближенных. Новый владелец острова решил устроить здесь для себя летнюю дачу с увеселительным садом. Крестьян, что жили до него на острове, не долго думая, прогнал. Построил небольшую мызу и велел слугам разводить сад. Он-то и дал островку имя Луст-эланд, или Лустгольм, что означало Веселый, Увеселительный. Но хлынуло весеннее половодье, смыло шведскую мызу, унесло жалкие саженцы намечавшегося сада. Рассердился швед! Повелел переименовать остров и величать его отныне не иначе как Чертов остров.

На этом-то островке и была заложена крепость. Должна она была защищать Неву, не пускать в ее просторы никакие вражеские корабли.

За постройкой крепости царь следил строго. Распорядился, чтобы возведением каждого из шести бастионов ведал (и за то ответ держал!) один из его приближенных. Бастионы и по сей день носят их имена: А. Д. Меншикова, Г. И. Головкина, Н. М. Зотова, Ю. Ю. Трубецкого, К. А. Нарышкина. Один в честь царя был назван Государевым.

Имена царских сподвижников сохранились. Не сохранилось ни одного имени строителя — тех, кто насыпал валы крепостные, рыл канавы, строил бараки и казармы. А было их много!...

Первыми на строительство крепости были брошены солдаты генерала Репнина, в недавнем прошлом новгородские мужики, олончане, карелы. Вскоре присоединились к ним казаки, татары, калмыки. 1 марта 1704 года последовал указ, по которому 85 мест российских обязаны были поставить на строительство 40 тысяч работных людей.

В любую погоду, стоя по пояс в воде, выгребая землю руками, перетаскивая ее в подолах своих ру-

бах, трудились «подкопщики». Неделями хлеба не видели, перебивались пустой капустой да репой. Жили в шалашах да землянках. Адмирал Апраксин в одном из своих рапортов удивлялся: «Зело ужасает меня включенная роспись о умерших и больных солдатах, и отчего такой упадок учинился, не можем рассудить...».

Но строили ведь! Надсмотрщики докладывали: «у фортификации песок носят и глину мнут», «подвывают леса», «сеют известь», «каменщики стены кладут», «штукатуры мажут», «паяльщики паяют желоба свинцовые для стока воды».

Есть сведения, что к началу октября 1703 года основные работы были уже закончены, а 4 апреля 1704 года «на государевом раскате, в великий четверток, зажегся маячный фонарь». Стало быть, не только земляные валы к тому времени были насыпаны, но и пушки на них поставлены, и маяк зажжен. Дескать, плывите гости, купцы заморские, в новый град Петров!

Поначалу крепость на острове называли просто «новостроенной», но после закладки церкви Петра и Павла все чаще стали именовать ее Петропавловской.

А вокруг рос город.

Почти одновременно с закладкой крепости появился и первый в городе дом. Вернее, домик. Он так и называется: Домик Петра I. Если вы сейчас приедете на Петровскую набережную, то увидите его, спрятавшегося под тенистыми кронами небольшого сада. Совсем маленький домик: без каменного фундамента, без печей и дымоходов, всего лишь 12 метров в длину и 5,5 метра в ширину.

Из крепких сосновых бревен срубили его солдаты — точно так, как ставили избы в своих деревнях.

Было в домике две комнаты: кабинет и столовая. Были еще сени и небольшой чуланчик — спальня. Застеклили семь широких окон мелкими стеклами, потолок и стены внутри обили холстиной. Наружные стены раскрасили под кирпич. Очень уж хотелось царю видеть свой город каменным!

Петербуржцы сохранили первый домик своего города. В 1731 году над ним построили навес, а в 1844-м и весь домик убрали в каменный футляр.

Вокруг тоже стали дома вырастать. Слева воздвиг себе трехэтажный дворец сибирский губернатор Матвей Гагарин, справа в двухэтажном здании под черепицей разместился «Правительствующий Сенат». Рядом с дворцом Гагарина вырос дворец вице-канцлера Шафирова — на этаж поменьше, но зато богато отделанный внутри. Правда, вскоре за чрезмерное казнокрадство князь Гагарин был казнен. За ним проворовался и вице-канцлер. Дом у него отобрали в казну, и в нем 27 декабря 1725 года родилась Российская Академия наук — торжественно открылось ее первое заседание.

Неподалеку выросла и первая площадь. Прямо на болотные кочки настлали бревна, на них набили доски — получился помост. Вот вам и площадь. По имени церкви, построенной здесь в честь взятия Выборга, площадь называли Троицкой. В молодой северной столице была она и главной, и единственной. Все тут было на ней и рядом: первый порт города, таможня, Гостиный двор, типография, «австерия» (как царь Петр русский трактир переименовал). Был на этой площади и городской рынок, прозванный Обжорным. Читали на ней царские указы, устраивали смотры войскам, праздновали воинские успехи и рубили головы непокорным.

Домик Петра I

Аустерия

Петровские ворота

Крепость от города не отгораживалась. В стенах ее прорубили ворота. Первоначально их было четверо: Петровские, куда попадали с моста, нависшего над Кронверкским протоком, Невские, выходившие прямо на Неву, Васильевские и Никольские, специально прорезанные между Головкинским и Зотовым бастионами для вылазок, если вдруг враг нападет с северной стороны, с суши.

Если сейчас встать под Петровскими воротами, то прежде всего удивит толщина стен — 20 метров! Над воротами царский орел черные крылья распластал. Из свинца отлит! Весит побольше тонны! В петровское время над Государевым раскатом еще и желтый флаг на ветру трепетал. На нем двуглавый орел держал в своих когтях сразу четыре моря — Белое, Черное, Каспийское и Балтийское.

Бегал по крепости, прыгал через канавы «полковник от фортеции» Доменико Трезини — первый архитектор города над Невой. До приезда в Россию строил он дворцы датскому королю. Там-то и заприметил его русский посол Измайлов, соблазнил перебраться в строящийся город.

В Санкт-Петербург Доменико Трезини приехал в 1706 году и почти 30 лет отдал строительству крепости. Из земляной перестраивал ее в каменную, строил казармы, склады. Немало бумаги извел, вычерчивая план собора. И то сказать: государь желал видеть будущий храм похожим на корабль! Дескать, вышла Россия к морю — пускай плывет! Пожелал царь, чтобы выросла у того корабля мачта.

Поползли вверх каменные стены колокольни. Вызолачивались в огне медные листы. Отливалась для верхушки шпиля фигура ангела размером больше человеческого роста.

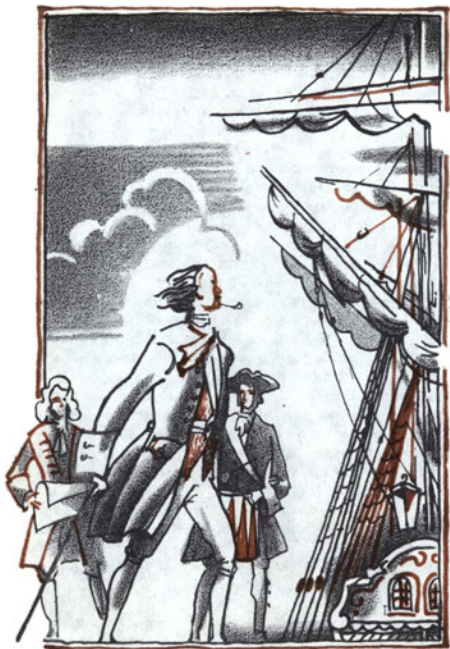
В одной из старинных книг такая запись сохранилась: «По крепости шло в 1719 году золочение 198-футового шпиля соборной башни, от подошвы имевшей вышины 345 футов. Шпиц обит медными листами весом в 744 пуда 26 фунтов». Если древние футы перевести на наши единицы измерения, то высота колокольни от ее основания составит 122,5 метра.

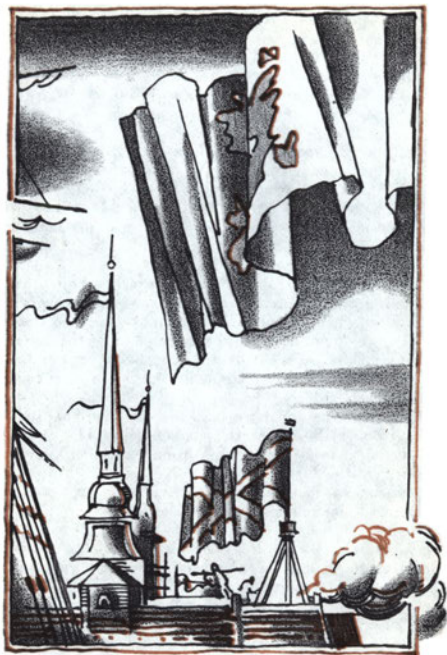
Позже, в 1731 и 1733 годах, для большего укрепления крепости возвели еще два рavelина: Иоанновский и Алексеевский. Укрепили кронверк.

Долгое время считалось, что полуденный выстрел тоже ввел Петр I. Это не так. Впервые заговорили о нем в 1735 году, когда академик Делиль предложил проект, «чтобы дать каждому Санкт-Петербургскому обывателю способ, как исправно заводить по солнцу стенные и карманные часы». В ту пору Петербургская Академия наук уже имела свою обсерваторию, могла точно определить полуденный час. Вот Делиль и предложил: «...того ради надлежало бы однажды выстреливать из пушки точно в самый полдень и для того надобно бы было приказать тем, которые бы имели стрелять с Адмиралтейского бастиона, что против обсерватории, чтоб они на каждый день были готовы немного прежде полудня к выстрелу, в ту самую минуту, как с обсерватории дастся им сигнал, каков определен быть имеет».

Хотя и не сразу, но с предложением академика согласились. Пушку установили не на Адмиралтейском валу, а в Петропавловской крепости, и с 1736 года она исправно сообщала петербуржцам время полудня.

Этот обычай просуществовал до 1 июля 1934 года. Старые пушки крепости пришли в полную негодность и замолчали. Но прошло еще 23 года, и исполком

Ленгорсовета вынес специальное решение: возродить историческую традицию. На стены Нарышкинского бастиона подняли две 152-миллиметровые гаубицы. Эти орудия стояли у стен Ленинграда в годы блокады, на их стволах и лафетах сохранились следы «осколочных ранений». Теперь им предстояла другая служба.

Ровно в 12 часов дня 23 июня 1957 года эхо выстрела снова прокатилось над волнами Невы.

Нам, однако, пора возвращаться во времена более давние. Царь Петр I успел взобраться на колокольню, полюбоваться панорамой строящегося города. Но до завершения строительства собора он не дождался: оно закончилось лишь в 1733 году.

Миновал еще год, и рядом с храмом-кораблем появился домик настоящего корабля — знаменитого ботика Петра I, прозванного «дедушкой русского флота». Сейчас этот ботик хранится в Центральном Военно-морском музее. А они так и стоят рядом: храм-корабль, мачта-колокольня и домик настоящего корабля.

Пушкам же на крепостных валах так и не довелось принять бой. Шведы были разбиты под Полтавой. В Финском заливе, защищая город с моря, встал Кронштадт.

У крепости началась другая история, грустная. Готовилась она к подвигу ратному, а стала царской тюрьмой.

Еще при Петре I, в 1718 году, появился в ней первый узник — царевич Алексей. Последними узниками были перешедшие на сторону революции в феврале 1917 года солдаты Павловского полка. Между этими двумя датами и лежат 200 лет истории царской тюрьмы.

Они стояли чуть наискосок друг против друга — царский дворец и крепость. Только Нева разделяла их.

«Петропавловская крепость — гнусный памятник самодержавия на фоне императорского дворца, как роковое предостережение, что они не могут существовать один без другого».

Эти слова написал декабрист А. М. Муравьев. Один из тех, кого А. И. Герцен назвал «молодыми штурманами будущей бури», о подвиге которых спустя годы Владимир Ильич Ленин писал: «В 1825 году Россия впервые видела революционное движение против царизма».

14 декабря 1825 года они вывели на Сенатскую площадь свои восставшие полки. Их было немного. На стороне Николая I было куда больше войск и, главное, пушек. И он, едва провозгласив себя императором, сказал первое царственное слово: «Пли!»

Восставших расстреливали у памятника Петру I, на льду Невы, хватали по городу и — в крепость, в крепость!

Неудачей закончилось и восстание Черниговского полка под Киевом.

Их допрашивали в Зимнем дворце, в здании Старого Эрмитажа. Потом везли в каретах с зашторенными окнами. Коменданту крепости генералу Сукину царь-сыщик направлял записки: «Присылаемого Рылеева поместить в Алексеевский рavelин», «Присылаемого Бестужева поместить в Алексеевский рavelин под строжайший арест», «Присылаемого Якушкина заковать в ножные и ручные железа; поступать с ним строго и не иначе содержать как злодея».

Комендант Сукин в точности выполнял приказы, но в страхе докладывал: «Во вверенной мне крепости

не осталось ни одного свободного каземата, ни арестантского покоя...».

Лязгали и скрипели замки. Крепость-тюрьма принимала в свои камеры-казематы около шестисот офицеров и гражданских чинов, около семисот солдат...

Почти никто из них не бывал в крепости ранее. Но каждый знал, что это самая страшная тюрьма. Многим было известно и то, что еще Екатерина I бросила сюда Ивана Посошкова — автора «Книги о скудости и богатстве». Писал в ней Посошков, что «крестьянам помещики не вековые владельцы». За что и был сочтен государственным преступником, умер в каземате.

Другая Екатерина, Вторая, заточила сюда Александра Радищева. «Бунтовщиком хуже Пугачева» объявила она автора «Путешествия из Петербурга в Москву». Из крепости он вышел закованный в кандалы и был отправлен за тысячи верст — в Илимский острог. 2 года спустя его судьбу разделил другой литератор и просветитель — Николай Новиков.

И вот теперь они, декабристы...

«Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа, — сказал о них впоследствии В. И. Ленин. — Но дело их не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом».

Революционеры-разночинцы!.. Герои «Народной воли»!.. Почти все они прошли через казематы Петропавловки: М. В. Петрашевский, Н. А. Серно-Соловьевич, М. Л. Михайлов, Н. Г. Чернышевский,

Д. И. Писарев, Н. В. Шелгунов... Следом за ними — М. А. Бакунин, П. Н. Ткачев, П. А. Кропоткин, А. И. Желябов, Н. А. Морозов, С. Л. Перовская... В своем последнем письме друзьям народоволец А. И. Баранников писал: «Живите и торжествуйте. Мы торжествуем и умираем».

Среди всех казематов Петропавловки самой страшной тюрьмой был Алексеевский рavelин. Узник, попавший сюда, терял свое имя и фамилию. В документах о нем только номер тюремной камеры свидетельствовал, что он еще жив. Врач этой тюрьмы, некто Вильямс, признался однажды: «Я старик, и голова у меня тут поседела на службе, а я не помню, чтобы отсюда куда-нибудь увозили иначе, как на кладбище или в сумасшедший дом».

Но все больше людей поднималось на борьбу с самодержавием, и камеры не пустовали.

...3 марта 1887 года «по обвинению в государственных преступлениях» в тюрьму Петропавловской крепости был заключен Александр Ульянов.

Заключенный не ждал помилования. Знал, что царь жесток. Поэтому-то они и хотели казнить его. И он, Александр Ульянов, собственными руками делал динамит, собирал бомбы. Две из трех. На чердаке одного из домов в Парголове.

Недоумевали профессора университета:

— Александр Ульянов — злоумышленник?! Юноша, только что получивший золотую медаль за лучший реферат? Тот самый студент четвертого курса, которого решено было оставить в университете для продолжения научной работы? И он в тюрьме?!.

Профессора не знали того, что кроме учебников по биологии Ульянов читал еще и запрещенные правительством книги Н. Чернышевского, К. Маркса,

Ф. Лассалья, что никак не мог он примириться с изгнанием из университета лучших преподавателей, запрещением студенческих сходок, с нищетой в деревнях, с бесправием во всей стране.

Имя Александра Ульянова было в списках лучших студентов. Но с некоторого времени замелькало оно и в тайных документах полиции. Дошли до нее сведения, что студенты готовят большой митинг у могилы Добролюбова на Волковом кладбище. Сам министр внутренних дел приказал запретить панихиду, «имея в виду вредное направление литературной деятельности Добролюбова».

Министру ответил Александр Ульянов. Прокламацией, размноженной на гектографе и распространенной среди студентов. «17 ноября 86 г. исполнилась 25-летняя годовщина смерти Добролюбова, — говорилось в ней. — ...Темное царство, с которым он боролся, не потеряло своей силы и живучести до настоящего времени... Грубой силе, на которую опирается правительство, мы противопоставим тоже силу...».

Покушение на царя не удалось. Александр попал в засаду.

Его допрашивал жандармский ротмистр Лютов. Допрос длился долго, но протокол его оказался предельно кратким. Назвав свое имя, фамилию и звание, на все остальные вопросы Александр Ульянов отвечать отказался.

Не все участники покушения были столь же стойкими. Полиция накапливала улики. Но узник камеры № 47 Александр Ульянов по-прежнему молчал. В протоколах допросов остались его краткие ответы: «Лица, помогавшие в Вильно достать азотную кислоту, мне известны, но я отказываюсь их назвать», «...кто доставлял ко мне и кому я возвратил снаряды,

кто вместе со мной набивал снаряды динамитом, я назвать и объяснять не желаю». Он говорил только правду и при этом никого не предал. Прочитав показания Ульянова, даже царь сказал: «От него, я думаю, больше ничего не добьешься».

На допросах было трудно.

Еще труднее было увидеться с мамой...

Анна Ильинична записала со слов Марии Александровны грустный рассказ об этом свидании:

«Когда мать пришла к нему на первое свидание, он плакал и обнимал ее колени, прося простить причиняемое ей горе; он говорил, что кроме долга перед семьей у него есть долг и перед родиной. Он рисовал ей бесправное, задавленное положение родины и указывал, что долг каждого честного человека бороться за освобождение ее».

О том же Александр Ульянов сказал и на суде: «Среди русского народа всегда найдется десяток людей, которые настолько преданы своим идеям и настолько горячо чувствуют несчастье своей родины, что для них не составляет жертвы умереть за свое дело».

Приговоренных к смерти узников под усиленной охраной перевезли в Шлиссельбургскую крепость. 8 мая 1887 года Александра Ульянова не стало.

Узнав о смерти старшего, горячо любимого им брата, Владимир Ульянов сказал:

— Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо идти.

Не путем террора и покушений, а путем создания массовой боевой партии рабочего класса.

Два века молчали орудия Петропавловской крепости. Только лишь вестовая пушка отсчитывала

полдни. Но пришел день, когда выстрелили и другие. Прямой наводкой по царскому дворцу.

25 октября 1917 года холостой выстрел пушки с Нарышкинского бастиона и поднятый на мачте Флажной башни фонарь просигналили «Авроре»: «Пора!» Над Невой прогремел исторический выстрел крейсера революции. Начался штурм Зимнего дворца.

Через Неву до крепости донеслась перестрелка. И тогда она сама — ее солдаты, вставшие на сторону революции, открыли огонь. Из 3-дюймовых орудий. Один из снарядов разорвался в комнате, за стеной которой дрожали от страха члены Временного правительства.

К утру всех их, арестованных восставшим народом, доставили в Петропавловскую крепость. Один из министров «временных» даже возроптал, пожаловался коменданту крепости М. С. Урицкому: дескать, в камерах сыро, тесно...

— Вы сами строили эти казематы, — ответил Урицкий. — Пеняйте теперь на себя.

ГЛАВНАЯ ПЛОЩАДЬ

В каждом городе есть своя главная площадь. В праздники идут по ней колонны демонстрантов, на парадах солдаты чеканят шаг. Гости приедут — непременно сведут их на главную площадь, покажут.

В Ленинграде такая главная площадь — Дворцовая. Та, первая, что возникла на правом берегу Невы, Троицкая площадь, главной не стала. Город постепенно перебирался на левый берег Невы, и на старой Троицкой площади становилось все тише и тише...

На левом же берегу выросли здания Адмиралтейства, появилась судостроительная верфь. Вдоль Невы стали селиться люди знатные. Ближе всех к Адмиралтейству поставил свой дворец командующий русским флотом адмирал Ф. М. Апраксин. Дальше — вице-адмирал Крюйс, вице-адмирал Браун. Так царь повелел: земельные участки вблизи новой верфи да-

вать только морским чинам. Свой Зимний дом тоже решил здесь строить по праву корабельного мастера Петра Алексеева (каковым царь на флоте значился).

В 1711 году архитектор Доменико Трезини постройку закончил. Фасадом своим царский Зимний дом выходил не на Неву, а на Зимнюю канавку. Прямо к воде сбегали мраморные ступени, но сам дом был невелик и тесноват. Может быть, поэтому царю и не приглянулся. В 1720 году архитектор Георг Маттарнови новый ему дворец построил, на этот раз лицом к Неве. (На том месте, где сейчас расположен Эрмитажный театр.)

За домами же, за дворцами простирался Адмиралтейский луг. На краю его, где ныне стоит здание Главного штаба, раскинул свои прилавки Морской рынок, выстроились дровяные и сенные ряды, ближе к верфям кабак поместился — «Петровское кружало». По берегу реки Мьи (нынешней Мойки) разрешено было строить дома «морского флота офицерам». Дома, естественно, строились лицом к реке.

Поднимались вокруг стены, сооружались заборы, спускались на воду корабли, громыхали по дорогам телеги — луг оставался диким. Любившая поохотиться царица Анна Иоанновна требовала, чтобы здесь «зайцев никому без указа не стрелять, не травить и никакими инструментами не ловить». Сменившая ее Елизавета Петровна часть луга засеяла овсом, в другой части паслись на травке коровы ее императорского величества. Всего лишь 200 лет назад!..

Нет, никак не собирался этот луг становиться площадью!

Но город Санкт-Петербург строили не только люди. Частенько в их дела вмешивались огонь и вода. Эти два извечных врага в данном случае действова-

сообща, как верные союзники. Только встанут в рядок «образцовые дома» архитектора А. Леблона — нахлынет наводнение и смоев всю береговую улицу. Чуть она вновь отстроится — пожар уничтожит.

Огонь и взялся первым расчищать место для будущей площади. 11 августа 1736 года в Морской слободе загорелся дом. Ветер тут же подхватил пламя, и пошло оно гулять по сараям, лачугам, шалашам, складам, домам! Много выжег тот пожар. А чего не успел — в следующее лето новый пожар закончил. Так «почистил», что весь район можно было строить заново.

Его и стали строить заново. В 1737 году создали специальную «Комиссию о Санкт-Петербургском строении». Велено ей было составить план застройки города «с обозначением, где должно быть какого рода строение также и где публичным площадям быть».

Сейчас гости Ленинграда удивляются, глядя, как все ловко продумано. Здание Адмиралтейства замыкает сразу три улицы — Невский проспект, улицу Дзержинского и проспект Майорова. Все три упираются прямо в него! Эта планировка, эти три улицы-луча как раз в ту пору и родились. Трудом архитектора Петра Михайловича Еропкина, вставшего во главе Комиссии строений. Созданный же пожарами пустырь вокруг Адмиралтейства решено было застроить каменными домами.

В ту пору пришел черед и палатам адмирала Апраксина. Облюбовала их царица Анна Иоанновна. В 1732 году молодой архитектор Бартоломео Растрелли предложил ей снести все старые дома, стоящие вдоль Невы возле Адмиралтейства, и на их месте возвести большой дворец. Минувло 7 лет, и новый дворец распахнул перед императрицей свои двери.

Были в нем роскошные залы, галереи, театр, парадные лестницы, мрамором и позолотой сверкали колонны! Растрелли был пожалован титул обер-архитектора.

Но... Всегда ведь даже в самое прекрасное вкрадывается это противное «но»! Таким «но» оставался все тот же луг. В одно окно из дворца посмотришь — красавица Нева свои волны в залив катит! В другое, противоположное поглядишь — лепятся к дворцу конюшни, сараи, скотники, будки какие-то!..

Вступившая на престол Елизавета Петровна принялась перестраивать Зимний дворец в четвертый раз! Снова приглашен был Б. Растрелли — теперь уже не молодой, а весьма опытный архитектор, создавший дом Кантемира на набережной Мойки, дворец Строганова на Невском проспекте, Воронцова — на Садовой улице, графа Безбородко — на Каменном острове, автор великолепного ансамбля Смольного монастыря. Сенату архитектор заявил, что новый Зимний дворец «строится для одной славы всероссийской», и денег на строительство потребовал немалых. Сенат тут же повелел: «...добрых каменщиков, плотников, кузнецов, слесарей, столяров, к медным работам мастеров литейных и чеканщиков, резчиков, золотарей по дереву, живописцев, квадраторов, штукатуров и гончаров, какие есть, собрать нарядом и выслать отовсюду, где бы они ни были».

И опять усеяли луг шалаши и временки. Одних только костромских каменщиков прибыло на строительство 859 человек.

Весною 1762 года дворец был готов. Елизавета Петровна к тому времени умерла. Сменивший ее Петр III хотел было въехать во дворец «с пушечною пальбою»... и не смог.

Первый Зимний дворец

Зимний дворец 1730 г.

Дворец в Третьем Летнем саду

К дворцу было не подступиться. Всю огромную площадь перед ним загромождали кучи и горы мусора, осколки камней и кирпичей, штабеля бревен и досок, бараки, склады, будки для караульных!.. Царь гневался на петербургского губернатора, а тот и представить себе не мог: сколько же это потребуется сил и времени, чтобы убрать с площади весь этот мусор? Опять нанимать рабочих? Или войско бросить на штурм этого хлама?

Хорошо, сыскался смекалистый человек, помог дельным советом. И однажды на улицах города появились приказные с барабанщиками. Барабаны гремели, собирая людей, а приказные до хрипоты кричали о том, чтобы шли горожане на площадь перед дворцом и безо всякой мзды и пошлины брали себе, что кому понравится. Кричали приказные и о том, что дозволяется ломать и разбирать бараки, балаганы, мастерские, дозволяется уносить на себе, увозить на телегах и лодках — кто как сумеет. Один из современников записал тогда: «Не успело истинно пройти несколько часов, как от всего несметного множества хижин, лачужек, хибарок и шалашей не осталось ни одного бревнышка, ни одного обрубочка и ни одной дощечки, а к вечеру как не бывало и всех щеп, мусора и другого дрязга, и не осталось ни единого камушка и половинки кирпичной».

Бывшему лугу пришло время становиться площадью.

В 1779 году вышло повеление, «чтобы площадь, лежащая против Зимнего императорского дворца, застроена была домами». Академией художеств был объявлен первый в России архитектурный конкурс, и архитектор Ю. М. Фельтен — победитель этого конкурса — построил напротив дворца два здания полукругом,

с тремя воротами, с портиками, с мраморными колоннами. Миллионную улицу вдоль дворца выпрямили. Стала площадь на площадь похожа.

Для XVIII века выглядела она вполне прилично. XIX век уже по-другому на нее взглянул, снова за переделку площади принялся. И справедливо: стоят красивые здания — Адмиралтейство, Зимний дворец, — а напротив, полукругом, скромненькие старые дома. В марте 1819 года архитектору Карлу Ивановичу Росси повелено было те дома перестроить.

Задача была не из легких. Фасады старых домов были длиннее здания Адмиралтейства! Да еще и дугою повернуты, вогнуты. Красоту домам разве что только простотою придать было можно. Да еще аркою посередине.

Хитро поставил эту арку Главного штаба архитектор! Вроде бы улица с Невского проспекта прямо к площади идет, а дворца-то и не видно!.. Хотел Росси, чтобы красота площади открывалась не издали, а вдруг, сразу!

Хотел и — добился. Придал арке небольшой поворот. Вот когда пешеход вместе с аркой этот поворот сделает, — только тогда и распахнется перед ним вся ширь и красота Дворцовой!

Над аркой два бронзовых воина сдерживают бег шестерки коней — колесницы Славы. С земли они кажутся не очень большими, а между тем если бы вам довелось пройти под брюхом тех коней, то и головы нагибать не пришлось бы. Высота этой скульптурной группы — 10 метров. С двухэтажный дом!

Создали эту скульптуру профессора Петербургской Академии художеств С. С. Пименов и В. И. Демут-Малиновский. Из металла отлили рабочие Александровского (ныне Пролетарского) завода.

Еще в чертежах прикинули: сколько же такая машина весить должна? Получилось около восьмисот тонн. Многовато... Выручили литейщики: фигуры отлили полыми внутри. И тем самым снизили вес колесницы до шестнадцати тонн.

Огромным полукругом охватило здание Главного штаба Дворцовую площадь. Это здание — рекордсмен! Его длиннуший, в 580 метров, фасад — самый длинный в Европе! Одних только окон у этого «домика» около 4 тысяч.

Немало интересного создали строители и внутри здания. К примеру, негораемые комнаты для архивов Главного штаба! По проекту Росси тот же Александровский завод отлил для них 22 металлических колонны, стропила, шкафы. Мастера-литейщики Петрозаводска изготовили чугунные полы.

А какая в здании парадная лестница!

Еще в прошлом веке задумано было установить на ней памятники полководцам. Уж коли тут штаб, то как же без овеянных славой военачальников? Обратились к царю, попросили дать для отливки памятников старые медные пушки. Царь повелел дать. И получилось так, что пушки, гремевшие под Полтавой и на Бородинском поле, пушки, захваченные у турок, шведов, французов, стали памятниками русским полководцам!

В центральной нише поместили статую Петра I. У основания ниши высекли слова, сказанные царем перед началом Полтавской битвы: «А о Петре ведайте, что жизнь ему не дорога, жила бы только Россия во славе и благоденствии».

Худощавый, стремительный А. В. Суворов стоит одной ногой на фашине, словно снова командует, штурмует какую-то крепость. Ниже — слова реляции,

посланной полководцем с берегов Дуная в Петербург: «Измаил у ног Вашего Величества».

В третьей нише — М. И. Кутузов. Массивный, непоколебимый. И внизу тоже фраза полководца, сказанная под Тарутином: «Теперь ни шагу далее...».

Кроме памятников были установлены и четыре бюста: А. Д. Меншикову, Б. П. Шереметеву, П. А. Румянцеву и Г. А. Потемкину.

Здание Главного штаба очень украсило площадь.

Теперь великолепие Дворцовой нарушал только восточный уголок площади.

Когда-то здесь стоял домик замечательного русского механика-самоучки Андрея Нартова. Первого токаря российского! В Эрмитаже, что находится рядом, среди множества картин и скульптур вы можете набрести и на... токарный станок. На первый взгляд удивительно: как это он попал сюда, в мир произведений искусств? А удивляться-то и не надо. Станок этот — сам большое искусство!

Страна наша издавна славилась мастеровыми людьми. Были среди них и отменные токари. Любил побаловаться этим ремеслом и царь Петр I. Однажды, заглянув в Москве в токарню, заметил он там молодого токаря. Дело в его руках спорилось. Полюбовался царь мастерством 15-летнего умельца и уехал. В другой приезд забрал с собой, в свою царскую токарню. Рядом на станках вытачивали они замысловатые фигурки.

Станки, разумеется, были не те, что сейчас. Токарю приходилось вращать станок ногою, резец держать руками. Чуть дрогнула рука — вся работа пропала. Однажды Нартов и признался царю:

— Хочу к станку держатель для резца приделать. Да вот еще бы сделать его самоходным!..

Удивился царь. Много разных станков повидал он за границей, а о таком и не слыхивал.

— Сумеешь ли? — усомнился.

— Попробую...

Промелькнул месяц-другой, и расстелил Нартов перед царем чертежи. До позднего вечера засиделся тогда над ними Петр I, а утром повелел Оружейному двору: «Сие делать все немедленно».

Сделали. И неузнаваем стал токарный станок! Царь понимал, что, по сути дела, Андрей Нартов совершил целую техническую революцию: высвободил руки мастера. Не мог царь налюбоваться на приспособления нартовские, повелел изготовить два новых станка с самоходными резцедержателями и отправил с ними Нартова за границу.

Первый станок предназначался прусскому королю и так его поразил, что Фридрих-Вильгельм оставил Нартова у себя. До тех пор держал, пока русский самоучка его самого не обучил токарному ремеслу на своем же станке.

Далее путь лежал в Париж — в Академию наук.

Французы даже растерялись: «Что хочеть сказать этим подарком член нашей Парижской Академии наук царь Петр?» Обступили академики станок со всех сторон. Нартов камзол скинул, приступил к работе...

В Санкт-Петербург Андрей вернулся с аттестатом, подписанным академиком Биньоном. «Множество французских академиков были буквально ошеломлены искусством Андрея Нартова», — писал президент Парижской Академии наук. А станок тот нартовский и по сей день стоит в столице Франции, в Музее национального хранилища искусств и ремесел.

Много еще полезного сделал для своей страны Андрей Нартов. К примеру, предложил сверловку орудийных стволов, сконструировал скорострельную батарею, придумал прессы для чеканки монет, спроектировал ворота кронштадтского дока.

А жил он здесь, на краю Адмиралтейского луга. Когда луг стал площадью, домик его сломали. В 1848 году на его месте архитектор Александр Брюллов возвел здание штаба Гвардейского корпуса — не столь пышное, как соседние, но площадь украсившее.

Чуть раньше, в 1832 году, в центре площади встала Александровская колонна — памятник победы над войсками Наполеона.

Создать ее было поручено Огюсту Монферрану. Не раз, не два исходил площадь из конца в конец архитектор. Что и говорить: огромна площадь! Поставь на ней небольшой монумент, так он и незаметен будет, затеряется. Просторы площади требовали памятника крупного, величественного. Да и в повелении царя было сказано: памятник должен представлять собой гранитный обелиск высотой более ста футов.

Конечно, можно было сложить высокую колонну из пустотелых круглых блоков. Таковую, как колонна Траяна в Риме или Вандомская колонна в Париже. Может быть, Монферран и остановился бы на таком решении, но уже стояли первые колонны Исаакиевского собора...

В карьеры Пютерлакских каменоломен, что на Карельском перешейке, молодому 20-летнему технику-самоучке Василию Яковлеву последовал приказ: отколоть гранитную глыбу весом более двухсот тысяч пудов, длиной метров под тридцать да толщиной около семи метров.

Начались работы и в Петербурге. В центре, площади выкопали квадратную яму. Заухала, сотрясая площадь, 50-пудовая «баба», загоняя под основание будущей колонны 1250 сосновых свай.

Пока сваи били да яму копали, Василий Яковлев на острове Летсарме отколол «камушек» в 25 тысяч пудов — под пьедестал колонны.

Откололи и для памятника глыбу. Велика она откололась — в 230 тысяч пудов весом! Когда стали ее грузить на судно, деревянные опоры помоста не выдержали, затрещали. Еще бы немного — и нырнула колонна на дно морское. Да бросились на выручку рабочие, бросился Василий Яковлев. Новыми опорами удержали колонну. В недалекую Фридрихсгамскую крепость гонца послали: звать солдат на подмогу, на выручку. Те словно на крыльях прилетели. В июльскую жару 36 верст за 4 часа преодолели! И спасли колонну. Уложили строптивую на судно. Три парохода потащили ее в столицу.

Приближался день, когда колонну предстояло поднять и поставить на место. На заводе Берда (ныне Адмиралтейском) были изготовлены специальные кабестаны-лебедки для намотки канатов. Сами канаты тоже были сплетены специально: каждый состоял из пятисот двадцати двух волокон наилучшей пеньки.

30 августа 1832 года в 7 часов утра с Нарышкинского бастиона ударила пушка, возвестила о том, что в городе праздник. Сам Монферран вспоминал об этом дне: «Улицы, ведущие к Дворцовой площади, Адмиралтейству и Сенату, были сплошь запружены публикой, привлеченной новизной столь необычного зрелища. Толпа возросла вскоре до таких пределов, что кони, кареты и люди смешались в одно целое. Дома были заполнены до самых крыш. Не оставалось

свободным ни одного окна, ни одного выступа, так велик был интерес к памятнику. Полукруглое здание Генерального Штаба, напоминавшее в этот день амфитеатры Древнего Рима, вместило более 10 000 человек».

Устанавливали колонну 400 строителей и 2 тысячи солдат — ветеранов войны с Наполеоном, украшенных медалями 1812 года. Руководил подъемом все тот же Василий Яковлев.

Конечно, при такой тяжести колонны все могло случиться. Монферран сам писал: «В течение 100 минут, пока длилась установка монолита, все с ужасом опасались самой страшной катастрофы. Через 40 минут после начала подъема монолита на верхушке взметнулся государственный флаг: монолит стал на место».

Так он и стоит по сей день: не вкопан, не врыт, своей тяжестью держится. Крупнейший памятник мира из единого, цельного куска камня.

Ну а что же огонь и вода? Смирились? Не тут-то было. Шли они в такие атаки, что весь город дрожал.

В ноябре 1824 года на площадь и на город хлынули невские волны. Современники вспоминают, что вскоре Дворцовая площадь составила с Невой одно огромное озеро, на Невском проспекте бурлила широкая река. Мойка совсем исчезла. Волны били в стены Зимнего дворца. Ветер срывал листы железа со строящегося Главного штаба. Но поутих ветер, и Нева убралась в свои берега.

Огонь взялся за работу чуть позже. 17 декабря 1837 года в Зимнем дворце треснула от жара дымовая труба. Огонь, вырвавшись на свободу, помчался по чердаку. Запылали стропила. Со звоном начали вылетать окна, трескались потолки, полыхали обитые

материей стены, портьеры. Над ночным городом поднялось такое зарево, что на Аничковом мосту можно было читать газету.

Спасать дворец бросились солдаты. На площади возле Александровской колонны росла гора дворцового имущества. А дворец пылал, светился изнутри. Одним обвалившимся потолком накрыло сразу целый взвод преображенцев.

Наспех закладывались кирпичом прилегавшие к Эрмитажу окна и двери. Эрмитаж удалось отстоять.

А дворец пылал целых три дня. На четвертый от него остались лишь голые стены, искореженные железные прутья и мусор. 120 судов вывозили потом этот мусор на Петровский остров.

Дворец пришлось отстраивать заново. 8 тысяч строителей денно и нощно трудились в его стенах, умирали от непосильного труда, но через год дворец был восстановлен. Руководивший его возрождением генерал Клейнмихель получил в награду миллион рублей и медаль, выбитую в честь его, с надписью: «Усердие все превозмогает». Народ же дал ему в награду кличку: Клейнмихель-дворецкий.

Но не только волны наводнений катились через Дворцовую площадь, не только языки пламени освещали ее — через эту площадь шла История. Военные парады сменялись забавами, но, чем дальше, тем громче вступало на площадь слово «борьба».

Не сохранились имена первых казненных на Дворцовой площади, но есть свидетельство, что здесь в 1725 году были казнены «за пасквиль, обращенный к лицу августейшей особы», два русских человека, посмевших поднять свой голос против произвола царей и помещиков.

В царствование Екатерины II явились сюда 400 выбранных каменщиков. Пришли они сюда с жалобой на притеснения, творимые купцом Долговым. Ушли — под караулом на каторгу.

Но пройдет совсем немного лет, и 14 декабря 1825 года поручик Н. А. Панов приведет на площадь колонну восставших гренадеров, ворвется в парадный двор Зимнего дворца. А в 1864 году, подобрав полы шинели, петляя как заяц, побежит император Александр II под стволом револьвера, наведенного на него народовольцем А. К. Соловьевым.

Народ огромной трудолюбивой страны не желал больше жить в угнетении и бесправии. Все чаще и чаще выплескивался его гнев к стенам дворца на площади.

Здесь и разыгралась первая русская революция... 9 января 1905 года.

Этот день народ назвал Кровавым воскресеньем. Царю Николаю II, расстрелявшему под окнами дворца сотни ни в чем не повинных людей, удалось усидеть тогда на троне. Он полетел с него в феврале 1917 года. Это сделала вторая русская революция.

Дворцовую площадь она обошла стороной, но следом шел октябрь семнадцатого — шел прямо на Дворцовую площадь.

Сменив царя, в Зимнем дворце укрылись министры Временного правительства — правительства капиталистов, помещиков, банкиров.

25 октября 1917 года закончилось их время.

Зимний дворец и площадь были взяты в плотное кольцо революционных войск. На левом фланге — возле Адмиралтейства и Александровского сада — сосредоточились красногвардейцы Васильевского острова, Московского и 2-го Городского районов,

солдаты Воынского, Егерского и Кексгольмского полков, революционные моряки Гвардейского и 2-го Балтийского экипажей. Под аркой Главного штаба и на Морской улице (ныне улица Герцена) готовились к штурму красногвардейцы Выборгской стороны, Невской, Нарвской и Московской застав, революционные солдаты и матросы других полков и кораблей, стояли полевые орудия и броневики. На правом фланге — по набережной реки Мойки и на Миллионной (ныне Халтурина) улице — ждали сигнала отряды Красной Гвардии Петроградской и Выборгской стороны, солдаты Павловского и Преображенского полков. Возле Троицкого (ныне Кировского) моста встал Ревельский ударный батальон моряков. В Неву, на подмогу «Авроре», вошли корабли, прибывшие из Кронштадта и Гельсингфорса. Пушки Петропавловской крепости тоже были нацелены на дворец.

В 21 час 45 минут 25 октября 1917 года прогремел условный сигнал «Авроры». Холостой выстрел.

И начался штурм.

Один из его руководителей, Николай Ильич Подвойский, писал потом в своих воспоминаниях:

«Фонари нигде не горели, и под покровом ночи мы, растянувшись в цепь, достигли первого подъезда Зимнего дворца... Вдруг над головами у нас поплыл тупой гул... Мы с Еремеевым переглянулись: это «Аврора»... Стрельба прекратилась, замолчали пулеметы, винтовки, умолкли пушки. Наступила какая-то совершенно неоправданная тишина. И вдруг, разрывая ее в клочья, по площади понеслось из края в край громовое победное «ура!».

Воспользовавшись замешательством противника, матросы, красногвардейцы и солдаты ринулись впе-

ред... Под пулеметную перекрещивающуюся трескотню волна за волной перехлестывали баррикады. Вот они сняли первую линию защитников Зимнего и ворвались в ворота. Двор занят. Летят на лестницы. На ступеньках схватываются с юнкерами. Опрокидывают их... Как ураган несутся на третий этаж, по дороге сметая юнкеров... Разыскиваем членов правительства. Вскоре мы подбежали к одной из комнат — это был Малахитовый зал, у дверей которого на посту продолжал стоять бледный как полотно юнкер.

— Здесь правительство, — сказал он, нерешительно преграждая путь.

— А здесь революция, — ответил ему один из сопровождавших меня матросов».

С Зимним дворцом все было кончено.

Началась жизнь новой страны — страны свободного народа.

Новой жизнью зажила и старая площадь.

Год спустя, в ноябре 1918 года, ее заполнили посланцы Петроградской, Псковской, Новгородской, Олонецкой губерний, съехавшиеся сюда на съезд деревенской бедноты. Их было так много, что ни одно здание города не могло бы вместить всех посланцев деревень и сел, — потому и собрались они прямо на площади, куда всего лишь десяток лет назад и показываться им было запрещено.

А 9 ноября того же года площадь была отдана детям Петрограда. Они пришли сюда отрядами в колоннах, приехали на машинах. У каждого был красный флажок и белая хризантема. Море знамен принесли они на площадь и сами читали по складам, что написано на этих знаменах: «Да здравствует всеобщее бесплатное обучение!», «Мы молодой весны гонцы!», «Кто учится, тот трудится!». Впервые

Дворцовая площадь видела столько ребят сразу — 50 тысяч!

23 февраля 1919 года на площади состоялся первый парад молодой Красной Армии. Тысячи рабочих пришли посмотреть на свою революционную армию. 19 июля 1920 года на площади собрались делегаты II конгресса Коминтерна — посланцы коммунистических партий многих стран. В этот день Дворцовая площадь слышала выступающего с трибуны Владимира Ильича Ленина.

А 1 мая 1924 года в праздничных колоннах прямо на площадь пришли два трактора. Два наших первых трактора «Фордзон-путиловец». Рабочие называли их любовно «Федорами Петровичами». Сами они их создали, сами и привели на площадь. За рулем первого «Федора Петровича» сидел Константин Яковлев, второй вел Петр Салакин. А над колонной пламенел плакат: «Берегись, соха, трактор идет!». Были те два первых трактора прадедушками нынешних прославленных «Кировцев»...

ПЛЫВЕТ НАД ГОРОДОМ КОРАБЛИК

Плывет над городом кораблик. Ловит парусами балтийский ветер и плывет, плывет!.. В голубизне ясного дня и в тихий сумрак белых ночей. Сверкают и гремят над ним грозы, окутывают туманы, а он плывет. Над домами, над площадями, над просторами Невы... Высоко в небо подняла его золотая Адмиралтейская игла.

И хотя никуда не уходил кораблик от невских берегов, велик его путь! Через годы, через века пролег он.

Много ли городов повидал кораблик? Три. Санкт-Петербург, Петроград и Ленинград. Видел самые первые мазанковые домишки, появившиеся на первых улицах, а сегодня такой город внизу лежит — и взглядом не окинуть!

Много-много лет приписан кораблик к русскому флоту. Потому и сверкает не где-нибудь, а на Адмиралтейской игле.

Адмиралтейство всего лишь на год моложе города над Невой. 5 ноября 1704 года записал царь Петр I в своем «Журнале»: «Заложили Адмиралтейский дом и были в остерии и веселились, длина 200 сажений, ширина 100 сажений». Все смешалось в этой записи: и сажени, и веселье! Одно ясно: весьма радовался царь сему событию. Очень ему нужен был флот на Балтийском море. Крайне необходим.

Ведь когда начал он отвоевывать древние новгородские земли на берегах Невы, чьи паруса на море белели? Шведские. Было тогда у шведов 38 линейных кораблей, 10 фрегатов, в любой момент могли они поставить пушки на палубы еще девяноста купеческих кораблей.

У русских же — ни суденышка. Ни в Неве, ни на Балтике.

Как же море без кораблей отвоевывать?

Появились верфи на Свири и на Сяси. Начали первые боевые корабли строить. Вроде бы недалеко от Санкт-Петербурга, да была между ними и северной столицей серьезная преграда: бурное, своенравное Ладожское озеро. Осенью 1704 года пошли через него около пятидесяти кораблей, построенных в устье речки Сяси, — попали в сильный шторм. 6 дней лютовал ветер, вздымались свинцовые волны, трепали эскадру. Много кораблей на дне Ладоги осталось. Не все дошли...

И стало ясно: здесь корабли надо строить, прямо на Неве!

Место на левом берегу выбрали. Наискосок от Петропавловской крепости. В рукописной книге за

1500 год есть запись, что стояла на этом месте деревня Гавгуева. Было в ней «два двора, душ мужеского пола, людей тяглых 2... сена косили 20 копен, а хлеба сеяли 6 коробей».

Чертеж Адмиралтейскому дому сам царь начертил. Собственноручно. Написал на нем: «Сей верфь делать государственными работниками или подрядом как лучше и строить по сему...».

На чертеже видны были разные сооружения, главные из которых объединялись в одно здание, образуя огромную букву «П», обращенную своим подножием к Неве.

Застучали топоры плотников, задымили кузницы — стройка началась. Внутри буквы «П» прорыли к реке канал, на берегу Невы соорудили эллинги и стапеля. Для больших кораблей — «длиной от 60 до 70 футов», для малых — «от 20 до 50 футов». В восточном крыле разместился канатный сарай, в западном — мачтовые, парусные да конопатные мастерские. На площадке расположились кузницы, сарай, склады.

Шведы были еще близко. В любой день можно было ожидать их нападения с моря. Посему Адмиралтейский дом тоже решено было превратить в крепость, и уже 15 ноября 1705 года губернатору города А. Д. Меншикову поступил рапорт: «При Санкт-Питер-бурге на Адмиралтейском дворе... крепость строением своим совершилась и ворота подъемные и шпиц и по бастионам по всем пушки поставлены и рогатками обнесены».

Вокруг Адмиралтейства поднялся земляной вал. Его, в свою очередь, окружили заполненные водой рвы с подъемными мостами. Согласно требованиям военной инженерии, перед крепостью распростерся

гласис — обширное, ничем не застроенное, лишенное деревьев и кустов пространство. На 300 метров раскинулся он в стороны, а на юг до речки Мьи протянулся. До нынешней Мойки. Ныне на месте этого гласиса две площади раскинулись: Дворцовая и площадь Декабристов, сад перед Адмиралтейством, многие дома стоят.

От канала, окружившего крепость, в 1717 году новый канал провели: вдоль нынешнего бульвара Профсоюзов. Связал он верфь с портовыми складами Новой Голландии. Вдоль канала расположились Галерная слобода и канатные заводы. Вокруг Адмиралтейства раскинули свои дома Морские слободы. Память о них долго хранилась в названиях Большой и Малой Морских улиц (ныне улицы Герцена и Гоголя).

Первый корабль сошел со стапелей Адмиралтейства 29 апреля 1706 года. Был это мелкосидящий бомбардирский прам, предназначенный для обстрела вражеских крепостей. Следом сошли на воду небольшая яхта «Надежда» и быстроходная шнява «Лизет». Крупные корабли начали строить уже после Полтавской победы, после взятия Выборга.

6 декабря 1709 года Петр I собственноручно заложил на Адмиралтейской верфи 54-пушечную «Полтаву». В следующем году волны Невы встретили 50-пушечный «Выборг».

При взятии города Выборга русскими войсками было захвачено 50 вражеских знамен. 4 года спустя русские галеры не только разгромили шведский флот у мыса Гангут, но и захватили в плен немало шведских шхерботов и фрегатов. Количество трофейных знамен росло. Их стали привозить в Адмиралтейство и помещать в специальном Флаговом зале.

Адмиралтейство все больше становилось не только местом, где строились корабли. В его стенах разместилась и Адмиралтейств-коллегия, ведавшая всеми делами флота. Год за годом расширялись и перестраивались корпуса здания. Для постройки новых приглашались иностранные архитекторы. Из Голландии был приглашен Ван-Эвитен, но «за шумством отставлен». Его сменил итальянец Гаэтано Киавери, но тоже был «отрешон». Пытались привлечь к работе Доменико Трезини — тоже не получилось. Слишком уж был он занят другими постройками в городе. И тогда Адмиралтейств-коллегия 30 октября 1727 года принимает решение поручить строительство архитектору из числа «ныне прибывших из чужестранных государств, обучавшихся архитектурному делу российской нации».

Выбор пал на Ивана Коробова. 16-летним юношей был он по приказу царя отправлен за границу для «обучения художествам». Вернувшись, привез отзыв голландского агента Петра I фон дер Бурга, в коем было сказано, что Коробов с товарищами своими Устиновым, Мордвиновым и Башмаковым «в Антверпене и в других местах здесь, в Голландии, учился гражданской архитектуре, также делать sluizen (шлюзы. — *Авт.*), сады заводить, и как здесь под фундаменты свои быют, которые свое дело изрядно знают и в России служить могут».

Где-то в ту пору и встретились они впервые: Иван Кузьмич Коробов и золотой кораблик Адмиралтейства.

Если вы помните, еще в рапорте губернатору Меншикову, что послан был в 1705 году, отмечался уже некий «шпиц». Судя по всему, он не был достроен до конца, ибо в мае 1719 года Адмиралтейств-

коллегия приглашает «шпицных и кровельных дел мастера» Германа ван Болеса (строителя шпиля Петропавловской крепости) и велит ему «шпиц адмиралтейский достроить всякою столярною и плотничною работою и укрепить его своими мастеровыми людьми и на оном шпице поставить яблоко и корабль...».

Шпиль обивают железом, башенка украшается деревянными колоннами с резными капителями, кронштейнами и четырьмя орлами резной работы.

Вот когда впервые взлетел на шпиль золотой кораблик!..

К моменту приглашения Ивана Коробова башня да и шпиль значительно пообветшали. Коробов не только заменил старый шпиль на новый — он его сделал более тонким и высоким, 72-метровым!

Не только шпиль, не только башню — все Адмиралтейство перестроил Иван Коробов. Мазанковые сооружения заменил каменными зданиями. Словно по линейке вытянулся длинный корпус нового здания. В самом центре его появилась арка с двумя окнами по бокам. Над нею встала уступами башня. Над первым уступом архитектор соорудил террасу, окруженную балюстрадой. Башню покрыл куполом с часами на все четыре стороны. На куполе уже поместил восьмигранный барабан. С него-то, суживаясь постепенно, и взметнулась вверх прославленная позже многими поэтами Адмиралтейская игла.

Сверкал на острие «иглы» золотой кораблик. Плыли над ним облака,плыли годы. Облака были друг на друга похожими, годы — разными. Каждый что-то менял внизу на земле, что-то по-своему перекраивал, перестраивал.

Рядом с земляным валом Адмиралтейства вырос, засверкал своим великолепием Зимний дворец, легла

перед ним замощенная Дворцовая площадь, лишь только аллеей отделенная от другой площади — Адмиралтейской. На краю Адмиралтейской площади встал, засверкал восьмиколонным портиком Конно-гвардейский манеж. Рядом все выше поднималась громада Исаакиевского собора. С запада, на Петровской площади, поднялся Медный всадник.

Все дальше разбегались улицы от Адмиралтейства. Само того не ожидая, стало оно центром быстро растущего города.

Еще в 1737 году была учреждена «Комиссия о Санкт-Петербургском строении». Архитектурную ее часть возглавил другой питомец Петра I — архитектор-градостроитель Петр Михайлович Еропкин. Он-то, составляя новый генеральный план столицы, и протянул от башни Адмиралтейства три луча. Один луч — Невская першпективная дорога. Другой — «средняя першпектива» (нынешняя улица Дзержинского). Третий — Вознесенская першпектива (сегодняшний проспект Майорова). На любой из лучей встань — с каждого видно: в Адмиралтейство упирается.

В ту пору эти лучи Невским трезубцем прозвали. Дескать, у морского царя Нептуна трезубец есть — и у морского города Санкт-Петербурга, тоже есть.

100 лет со дня закладки Адмиралтейского дома пронеслось. Новый город вокруг него вырос. И вроде бы перестало Адмиралтейство украшать его, слишком уж старым выглядело. Все чаще затевались споры: что делать-то? Старое здание сломать, возводить новое? Или старое перестраивать?..

Екатерина II вообще хотела было Адмиралтейство в Кронштадт отправить.

В 1805 году в России появилось Министерство морских дел. Составили его Адмиралтейств-коллегия

1750₂

и Адмиралтейств-департамент. Каждому понадобились свои собственные апартаменты. Решено было: Адмиралтейский дом перестраивать!

В должности «Главных Адмиралтейств Архитектором» царь утвердил Андреяна Дмитриевича Захарова.

Андреян Дмитриевич был в ту пору уже прославленным академиком архитектуры, профессором Академии художеств, всеми уважаемым мастером. Делу своей жизни — архитектуре — начал он учиться чуть ли не с пеленок. 6-летним мальчиком отдал его отец, адмиралтейский чиновник, в училище, существовавшее при Академии художеств. Юношей побывал Захаров во Франции, зрелым мастером немало поездил по России, знакомясь с ее народной архитектурой. И пробил его час! Выпало ему на долю труднейшее из заданий: сделать красивым длинный, скучный фасад Адмиралтейства.

С чего начинается всякое строительство? С проекта. Захаров в своем проекте оставил старый коробовский план. Все как бы оставалось на месте. Так же между верфью и административным корпусом располагались мастерские, так же ныряли под башню ворота... И все же старый Адмиралтейский дом не узнать стало.

Прежде всего исчез длинный 406-метровый фасад. Архитектор расчленил его. И стал выглядеть фасад не однообразной стеной, а поставленными в ряд тремя корпусами.

Боковые — могучие, богато украшенные. Между ними, в средней части двухэтажного корпуса, башня над проходными воротами.

Во флигеле со стороны Зимнего дворца разместился Адмиралтейств-департамент, в другом, со стороны

Сенатской площади (ныне площадь Декабристов), — Адмиралтейств-коллегия.

Новое здание оказалось более стройным и куда как более украшенным! С каждой стороны арки встали по три нимфы, держащие на своих плечах земную сферу. Места по углам первого уступа башни заняли мифологические герои и полководцы древности: Ахилес, Аякс, Пирр и Александр Македонский. Выше башенной колоннады разместились еще двадцать восемь статуй. Четыре из них олицетворяли Огонь, Воду, Воздух и Землю. Четыре другие — Весну, Лето, Осень и Зиму. Следующий квартет посвящался четырем главным ветрам — южному, северному, восточному и западному. И наконец, с высоты взирали две богини: Изиды Египетская — кораблестроительница и Урания — богиня астрономии. Их высекали из пудожского камня выдающиеся скульпторы-академики Ф. Ф. Щедрин, В. И. Демут-Малиновский, С. С. Пименов и А. А. Анисимов.

На этом длинное перечисление украшений еще не кончается. Почти все окна нового здания были украшены каменными замками с лепными масками. Над окнами первого этажа это были фантастические морские чудовища Тритон и Горгона, над окнами второго — повелители морской стихии Нептун и Амфитрита. Двести сорок замковых камней!..

А над центральной аркой крылатые Славы скрещивали знамена над русским гербом. Выше над ними скульптор И. И. Терещенков вылепил 20-метровый барельеф «Заведение флота в России». Он изобразил на нем морского бога Нептуна, вручающего символ своей власти — трезубец Петру I, летящую над океаном Славу, а на фоне крепости — новые строящиеся корабли. Барельефами были украшены и фронтоны

четырех портиков. На фронте левого от башни портика поместилась «Фемида, награждающая лаврами героев, совершивших ратные подвиги», на правом — «Фемида, венчающая труды художников», на фронте портика со стороны площади Декабристов — «Слава, венчающая военные подвиги», со стороны Зимнего дворца — «Слава, венчающая науки».

Теперь пришла пора сказать о том, чего мы уже, к сожалению, не видим. Каждый из четырех портиков должен был венчаться тремя стоящими фигурами месяцев года. Итого двенадцать месяцев. У подножия этих портиков на гранитных пьедесталах должны были встать фигуры главных рек России. У невских павильонов, у канала, ведущего во двор, на четырех пьедесталах высились сидящие фигуры, олицетворяющие части света: Европу, Азию, Америку и Африку. Но случилось непоправимое: удар по красоте нанесли церковники.

Дело в том, что под сводами Адмиралтейства помещался еще и собор. 5 октября 1854 года главный священник армии и флота В. И. Кутневич написал рапорт: «...над собором нет креста, а вместо него наверху собора поставлена статуя, принадлежащая к языческой мифологии... Долгом поставляю сообщить о сем... и всепокорнейше просить... снять над собором и при входе в оный мифологические изображения и дозволить над собором поставить животворящий крест...»

Последовало высочайшее решение: «...все статуи снять, кроме находившихся у центральной части здания и около шпица».

Исчезли двадцать два каменных изваяния. О том, что они были, напоминают сегодня громадные гранитные устои у всех портиков и невских павильонов, за-

нятые якорями и пушками, а над треугольными фронтонами высятся пустые пьедесталы, некогда поддерживающие статуи двенадцати месяцев года...

Андреян Дмитриевич Захаров до тех дней не дождался. Он умер в 1811 году.

В 20-х годах прошлого века была упразднена Адмиралтейств-коллегия, в здании освободились помещения и туда решено было перевести из дома на Мойке Рабочий Флотский экипаж с Кондукторскими ротами. Из них-то и выросло нынешнее Высшее военноморское инженерное ордена Ленина училище имени Ф. Э. Дзержинского.

Прошли еще годы, и золотой кораблик на шпигеле остался один, в Адмиралтействе перестали строить корабли. Почти у самого устья Невы появились новые верфи. Их так и называли: «Новое Адмиралтейство». Переехали туда эллинги и стапеля, перестали стучать топоры на Адмиралтейском дворе. Его решили застроить. В 1871 году министр Краббе повелел пустырь между павильонами Адмиралтейства разбить на семь участков и продать под частную застройку. Каналы во дворе были засыпаны. В 1874 году открылось движение по новой набережной вдоль Невы. 6 лет спустя начали на ней строиться пятиэтажные громадины-здания. Они только мешали друг другу и готовы были задавить легкие павильоны Адмиралтейства.

Исчез и Адмиралтейский бульвар. На его месте 8 июля 1874 года торжественно был открыт сад, названный Александровским. Еще 2 года спустя перед башней Адмиралтейства был устроен фонтан с высокими бьющими струями воды. В 1896 году рядом с ним появились бюсты Н. В. Гоголя и М. Ю. Лермонтова, созданные скульптором В. П. Крейтаном, и бюст

М. И. Глинка, выполненный скульптором В. М. Пашенко. Еще год спустя встал в саду и бюст поэта В. А. Жуковского, созданный тем же В. П. Крейтаном. Памятник Н. М. Пржевальскому был сооружен в 1892 году по проекту близкого друга путешественника А. Г. Бильдерлинга.

После Великой Октябрьской революции в Адмиралтействе разместились Гидрографическое управление, флотская типография, Главная морская библиотека. До 1940 года здесь помещался и Военно-морской музей. А с 1925 года здесь постоянно находится Высшее военно-морское инженерное ордена Ленина училище имени Ф. Э. Дзержинского.

...Плыл кораблик по голубизне. Сверкал парусами. Доносилось до него пение птиц, ликование оркестров по праздникам. Но однажды он услышал гром пушек. На страну обрушилась война. Фронт приближался к городским окраинам. Не только десятки тысяч ленинградцев надели военную форму — меняли свой облик и ленинградские здания. Сосед — Исаакиевский собор нахлобучил на свою золотую «лысину» военную пилотку: покрасили купол защитной краской. Адмиралтейская игла упряталась в маскировочный халат.

Дальнобойные орудия врагов стояли близко — на Вороньей горе. Гитлеровские артиллеристы разглядывали город в бинокли, и золотые шпили Петропавловки и Адмиралтейства были для них великолепными ориентирами. Необходимо было убрать их золотое сияние.

Сначала Адмиралтейскую иглу хотели закрасить, но архитектор О. Н. Шилина предложила сберечь позолоту и надеть на шпиль маскировочный халат — чехол из мешковины.

Только как забраться на золотую иглу? Вертолетов в ту пору еще не было, а необходимо было на самом острие возле кораблика укрепить блок, пропустить через него канат и уже по нему забираться ввысь.

Сделали это с помощью воздушных шаров-попрыгунчиков. Не сразу, но все же старший лейтенант В. Г. Судаков добрался до самого кораблика и укрепил блок. И тогда к Адмиралтейской игле пришли альпинисты.

В те дни ленинградцы могли видеть, как на головокругительной высоте на тоненькой доске, подвешенной на петлях к блоку, сидела женщина и сшивала маленькой портновской иглой чехол на огромной Адмиралтейской игле. Этой женщиной была дирижер-хормейстер Ольга Фирсова. Рядом с нею, сменяя друг друга, трудились делопроизводитель Александра Пригожева, осветитель со студии «Ленфильм» Алоизий Земба, младший лейтенант Михаил Бобров.

Сияние золотой иглы удавалось спрятать, но огромное здание Адмиралтейства укрыть от бомб и снарядов было нельзя. Оно не являлось военным объектом, и училище и Гидрографическое управление покинули его стены. Здание оставалось просто архитектурным памятником. Но разве могла его красота остановить фашистских варваров?

Первые артиллерийские снаряды вонзились в стены Адмиралтейства в декабре 1941 года. Один из снарядов попал внутрь вестибюля главного подъезда и ранил великолепную статую Афины, гордо сидевшую на пьедестале у лестницы. 4 апреля 1942 года сброшенная фашистским стервятником бомба попала в угол парапета башни, уничтожив две фигуры, искалечив до неузнаваемости две другие и изранив оскол-

ками еще десять скульптур. Бомба, упавшая 25 апреля 1943 года, повредила часть живописных плафонов зала Адмиралтейского совета.

За годы войны фашисты обрушили на здание 26 фугасных бомб и 58 снарядов. Падали статуи, рушились барельефы...

Здание требовало срочной помощи. Нужно было сохранить росписи его потолков, барельефы на стенах. И старейший художник-реставратор В. С. Щербakov, согреть об электрическую лампочку мгновенно зябнувшие руки, на шатких, наспех сколоченных лесах снимал на кальку старинные росписи. А 60-летний скульптор Я. А. Троупянский под свист снарядов и вой непогоды поднимался под карнизы фронтонов и там, безо всяких лесов, опоясав себя пожарным поясом, реставрировал поврежденные барельефы...

...Кораблик, спрятанный в чехол, все равно плыл над городом. Неизменно был он в строю бойцов, сражающихся за Ленинград. В те грозные дни Адмиралтейская игла стала символом гордости, стойкости, мужества защитников невской твердыни. Художники блокадного города рисовали ее на плакатах и открытках. А когда Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 декабря 1942 года была учреждена медаль «За оборону Ленинграда», Адмиралтейская игла достойно встала на ней в шеренгу защитников города, идущих на врага с винтовками наперевес.

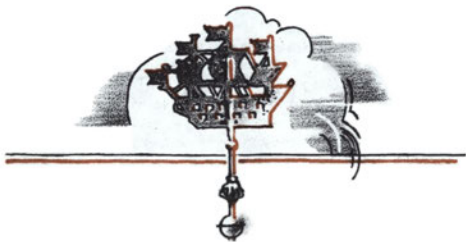
*Пройдя сквозь долгий грохот боя,
На слиток бронзовый легла,
Как символ города-героя,
Адмиралтейская игла, —*

писал о ней ленинградский поэт Николай Браун.

1 миллион 460 тысяч человек были награждены этой высокой наградой. Среди них более 15 тысяч школьников.

Многие из них помнят салют над Невой, прогремевший 27 января 1944 года в честь великой победы города-героя, в честь его полного освобождения от вражеской блокады. А мне повезло еще увидеть тот миг, когда с Адмиралтейской иглы спало ее военное покрывало.

Это было в канун 1 мая 1945 года. Я не знал тогда имени Ольги Афанасьевны Фирсовой, снова поднявшейся на шпиль, уже не с иголкой, а с ножницами. Но я помню, как вдруг пополз вниз темный чехол и в лучах яркого весеннего солнца гордо сверкнула Адмиралтейская игла — радостью! Счастьем! Победой!

ПОПУТНОГО ВЕТРА!

Стоит над Невоею бронзовый адмирал.
Волны мимо него парадным шагом проходят.
Облака над ним словно паруса на мачтах.

Адмирал бронзовые руки крест-накрест на груди сложил. Кажется ему, что он и сейчас на вахте стоит, на капитанском мостике. Корабль у него особенный: целый остров! Носом своим корабль в Финский залив уходит, в ласковые волны родного моря. Только швартовы еще не отданы. Четырьмя мостами-швартовыми причален корабль к городу.

Над головою бронзового адмирала балтийские ветры гудят, в дорогу зовут, в окна-иллюминаторы стучатся: «Эй, корабелы! Эй, мореходы! Не пора ли в путь?»

Бронзовый адмирал лицом к Васильевскому острову стоит, смотрит: идут ли по линиям корабель, спешат ли по набережным мореходы?

Идут. Спешат. Стало быть, на Балтике полный порядок!

Прямо перед бронзовым адмиралом, между 11-й и 12-й линиями, протянулось по набережной знакомое здание. Тут его путь в море начинался! Да только ли его?! Сколько из этих классов знатных адмиралов, славных капитанов вышло!..

И то сказать: старейшее учебное заведение страны! Еще 14 января 1701 года подписал царь Петр I указ: «Быть математических и навигацких, то есть мореходных хитростно искусств учению».

Правда, открылась-то Навигацкая школа от морей вдалеке, в Замоскворечье, в Кадашеве. Не было тогда у России выходов ни в Черное, ни в Балтийское море. Но верили россияне: будут! Отвоюют они свои древние земли у шведов и к морю Балтийскому выйдут!

Так оно и случилось. Отвоевали русские полки невские берега, заложили на них город, а вскоре и Навигацкая школа сюда перебралась. Впрочем, и не школа уже. 1 октября 1715 года Петр I подписал царский указ о создании в Санкт-Петербурге Морской академии.

Бронзовому адмиралу сие давно известно. С того дня, как сам он, в числе трех сотен молодых мечтателей о странствиях дальних переступил порог Морской академии на Васильевском острове.

Думается бронзовому адмиралу, что расположилась она здесь совсем не случайно. Лучшего места в городе и не сыскать! Через Неву наискосок от нее — Адмиралтейство. Почитай друг против дружки

стоят. На левом берегу корабли рождаются, на правом — капитаны.

Одним из первых кораблей, сошедших со стапелей Адмиралтейства, была яхта «Надежда».

«Надежда»!..

У бронзового адмирала тоже была «Надежда». Только не яхта, а трехмачтовый парусный шлюп. На шлюпе том обогнул он земной шар, первым из русских мореходов совершил кругосветное плавание.

От одной «Надежды» до другой целый век пролег...

Крупные-то суда начали строить на Неве уже после Полтавской баталии. Первой, 15 июня 1712 года, спустили «Полтаву» — славный линейный корабль. Впервые на его мачте распахнул балтийский ветер русский военно-морской флаг: белое полотнище с косым синим крестом.

Даже Англия — владычица морей! — встревожилась. Посол ее Джеймс Джефферис с тревогой депеши в Лондон слал: «Они спустили линейный корабль в 90 пушек, десять линейных кораблей находятся на стапелях... Корабли строятся не хуже здесь, чем где бы то ни было в Европе».

«И моряки не хуже! — улыбнулся про себя бронзовый адмирал, глядя на знакомое здание. Еще раз сам с собой согласился: — Удачно, весьма удачно выбрано было место для Морской академии! Еще и потому удачно, что ведь здесь, на этих невских волнах, и первая морская победа российская одержана!»

О том ему, бронзовому адмиралу, тоже хорошо ведомо.

Над Ниеншанцем еще дымы плыли. Только-только угомонились пушки фельдмаршала Шереметева, пала шведская крепость, как к вечеру 2 мая добрался

до царя посыльный от заставы, в самом устье Невы поставленной. Доложил: «На взморье появились корабли шведской эскадры». Был то шведский адмирал Нумерс с девятью кораблями. О том, что Ниеншанц пал, швед еще не ведал и потому дважды выстрелил из пушки, извещая: мы, мол, тут, рядом. Шереметев велел своим пушкарям двумя же выстрелами ответить. Успокоился Нумерс: значит, все спокойно.

6 мая послал, однако, бот «Гедан» и шняву «Астрель» вверх по Неве. К павшему уже Ниеншанцу. К вечеру корабли достигли устья Невы, но с темнотою да без лоцмана войти в нее не решились, стали утра ждать. Тогда-то русские и решили дать бой шведским кораблям. Не смутило их и то, что своих-то кораблей у них вовсе не было. На тридцати лодках спустился царь Петр к Васильевскому острову. А «понеже на море знающих никого не было», взял с собою только любимца своего князя А. Д. Меншикова. В одной из старых книг так тот бой описан:

«Ночь с вечера была ясная, но потом на небе показались тучи и пошел дождь. Пользуясь темнотою, капитан распорядился нападением: 7 мая еще до свету половина лодок поплыла тихой греблею подле Васильевского острова, под тенью нависавшего на воду леса и зашла с моря в тыл к шведам, а другая половина лодок спустилась на них сверху по течению. Наши лодки, как рой пчел, облепили два шведских корабля; началась стрельба из ружей, бросали ручные гранаты.

Несмотря на жестокую пальбу из пушек, из ружей и сыпавшиеся с судов гранаты, солдаты со всех сторон полезли на них; после жестокой рукопашной схватки и шнява, и бот достались русским, и 8 мая в полдень их привели в русский лагерь».

На радостях от такой победы, когда пехотные солдаты два морских корабля захватили, повелел Петр I выбить медаль и написать на ней: «Небываемое бывает».

Бронзовый адмирал про ту победу еще мальчишкой читал...

«Так с лодки ведь все и началось», — вспоминает он и глазом косит. Там, в восточной части Васильевского острова, в белокаменном здании помещается сейчас Центральный Военно-морской музей. Бронзовый адмирал про то наслышан. «Ботик-то не более как лодка и есть, — прикидывает. — Только под парусом. Да поболее чуть. Тоже в том музее хранится».

Ботик тот вот уже три века скоро как зовется «дедушкой русского флота».

15 лет было Петру, когда он тот ботик впервые увидел. В сохранившейся собственноручно написанной царем записке «О начале судостроения в России» сказано: «Случилось нам бывать в Измайлове на льяном дворе и гуляя по амбарам, где лежали остатки вещей дома деда Никиты Ивановича Романова, между которыми увидел я судно иностранное, спросил Фрица, что за судно? Он сказал, что то бот английский. Я спросил: где его употребляют? Он сказал, что при кораблях для езды и возки. Я паки спросил: какое преимущество имеет перед нашими судами (понеже видел его образом и крепостью лучше наших)? Он мне и сказал, что он ходит на парусах не только, что по ветру, но и против ветру, которое слово меня в великое удивление привело...».

Захотелось испытать тот бот. Да кто повести его сможет?..

Слуги отыскиали старика голландца Карштен-Бранта. В свое время старик служил на одном из

первых русских кораблей — «Орле» — товарищем корабельного пушкаря, а сейчас, на склоне лет, зарабатывал себе на хлеб столярными работами.

Привели старика в амбар, осмотрел он бот и, к великой радости Петра, сказал, что, коли починить его маленько, оснастку дать, еще долго плавать будет.

И настал тот день, когда починенный бот спустили в Москве на реку Яузу. Сразу речка оказалась тесной и узкой. Как в ней лавировать, ветер парусами ловить? Перебрались на Просяной пруд. Попросторнее в нем было, но все же в записке Петра читаем: «...и там немного авантажу сыскал, а охота стало от часу быть более...».

Видимо, тогда-то и зародилась у Петра I любовь к морю, к плаванию под парусами. С годами он громадные корабли строить начал, немало побед на море одержал, но про тот ботик всегда помнил.

В начале 1722 года в Москве праздновалось заключение ништадтского мира, открывшего России дорогу на Балтику. Был в Москве и Петр. В торжественный час о старом ботике вспомнил, повелел перевезти его в Санкт-Петербург.

Старик Брант к тому времени уже умер. Снаряжать ботик в дальнюю дорогу взялся корабельный подмастерье Пальчиков. Время от времени слал он царю вопросы и получал ответы:

— Ботик когда запаяется, прикрыть ли меди белилами?

— Белить.

— Резьба где пооббилась, поправить ли красками?

— Не замат до меня.

Тем временем был дан строгий приказ и сержанту гвардии Кореневу: «Ехать тебе с ботиком и весть

до Шлиссельбурга на ямских подводах и будучи в дороге смотреть прилежно, чтобы его не испортили, понеже судно старое, того ради ехать днем, а ночью стоять, и где есть выбоены спускать потихоньку... Также нигде по городам и деревням во дворы и улицы его не ставить для опасения от пожаров, а где позовет случай с оным остановиться, то ставить его вне городов и деревень на полях далее от строений и ставить к нему часовых, для чего дается тебе капрал и 12 человек солдат. А приехав в Шлиссельбург, объявить оный коменданту, чтоб его поставить в городе на площади против церкви и велел бы его накрыть и ему сержанту с капралом и с солдатами остаться по указу в Шлиссельбурге при том ботике и беречь от всяких случаев».

16 месяцев «плыл» «дедушка» посуху, но в конце мая 1723 года получил Петр сообщение, что ботик в Шлиссельбург доставлен. И сам туда отправился. Встретил друга своей юности у стен древнего Орешка.

А молодая северная столица уже готовилась к встрече «дедушки русского флота». К Александроневской лавре собрались все без исключения суда и лодки, что только были в ту пору на Неве.

Вскоре с лодок закричали: «Плывет! Плывет!»

Вниз по Неве вел ботик сам царь Петр I. Выглядел «дедушка» довольно нарядно. И по сей день можно еще увидеть на его борту полосу, составленную из треугольников белого, красного и зеленого цветов, а под нею по черному полю — желтую гирлянду. Почетный эскорт из девяти галер и императорской яхты сопровождал маленького путешественника.

Загрохотали пушечные выстрелы, запели трубы, рассыпались в небе огни салюта. Ударили пушки с

галер. Рассыпали дробь барабаны. «Дедушка» тоже отвечал тремя выстрелами из своих почти игрушечных пушечек. Орудийным громом крепостной артиллерии встретила «дедушку» и Петропавловская крепость. Салютовали ему ружейной стрельбой 2500 солдат, выстроившихся на Троицкой площади. А вечером взвилась в небо «огненная фиерия». На специально сооруженной красочной декорации ярко светилась примечательная фраза: «От малых причин могут быть большие следствия»...

Ботик поставили на специальную тумбу, расписанную Иваном Зарудным. По ее бокам тоже шли соответствующие надписи. На одной стороне было написано: «Дедка утеша...» — на другой: «...принесла мужески триумф».

Правда, была тут и другая надпись: «Судно сие водное, хотя мерою малое, и только к потешному на малых водах игранию построенное, но потом явилось аки плодоносное семя великого в России корабельного флота...»

С тех пор днище ботика касалось воды только в дни особых торжеств.

Отменно красочным был праздник, когда надумал царь Петр I представить «дедушку» его «внукам» — новым кораблям Балтийского флота.

11 августа 1723 года ботик погрузили на борт большого корабля и перевезли в Кронштадт, поставили за военной гаванью. Девять флагманов направились к «дедушке» на своих шлюпках. Впереди — генерал-адмирал, за ним два адмирала, далее три вице-адмирала и еще три контр-адмирала! «Дедушку» спустили на воду, поставили мачту, подняли на нем императорский штандарт и андреевский флаг. За весла сели адмиралы, сам царь взял в руки руль.

Встречая «дедушку», выстроились в линию двадцать линейных кораблей, один фрегат, большое число мелких судов. На линейных кораблях было по восемьдесят восемь и более орудий, а всего на встречающих «дедушку» кораблях пушек было до полутора тысяч. Вот он каким стал, русский флот!

Царь, разумеется, не забыл пригласить на это торжество иностранных послов. Пусть полюбуются, пусть подумают: стоит ли теперь России перечить в чем?

Представьте себе только, какой грохот стоял тогда от пушечных салютов над Кронштадтом!.. Ведь повелено было: «Когда ботик против которого корабля проходить станет, а еще не поравняется, тогда тому кораблю спустить свой командующий флаг или вымпел до дека и зачать стрелять из всех пушек, пушка за пушкою...»

Ботик тоже два раза стрельнул. Конечно, в громе пальбы его пушки никто не слышал, но белые-то облачка его орудий видели все!

И когда ботик был поднят на палубу большого корабля, Петр I встретил его с кубком в руках: «Здравствуй, дедушка, потомки твои по рекам и морям плавают и чудеса творят!»

...Бронзовый адмирал в своих думах назад на берега Невы возвращается, словно из летних вакаций в родной Морской шляхетский корпус.

Так переименовал Морскую академию указ от 15 декабря 1752 года. Всего лишь за 33 года до того, как вошел бронзовый адмирал в его стены. Юнцом пришел он сюда, но «Морской устав» назубок знал, до сей поры помнит. Как это в нем сказано?.. «Все воинские корабли российские не должны ни перед кем спускать флаги, вымпелы и марсели...».

И не спускали! Победрами флаги свои прославляли.

За год до его, адмирала, рождения, летом 1769 года, провожал Кронштадт пять эскадр в Средиземное море, пятьдесят боевых кораблей. Первой эскадрой командовал адмирал Григорий Андреевич Спиридов — тоже сего корпуса питомец.

В ту пору русско-турецкая война шла. В закатной дымке 23 июня 1770 года линейный корабль «Ростислав» у греческого острова Хиос увидел вымпелы турецкого флота. Много их было!.. Вдвое больше русских. Только это наших моряков не испугало.

Адмирал Спиридов доносил в Санкт-Петербург: «Честь Всероссийскому флоту! С 25-го на 26-е неприятельский турецкий военный весь флот... атаквали, разбили, разломали, сожгли, на небо пустили, потопили, в пепел обратили и оставили на том месте страшное пожарище...».

В память той победы и стоит сейчас в Екатерининском парке города Пушкина алая колонна, увенчанная бронзовым орлом. Из олонецкого мрамора воздвиг ее архитектор А. Ринальди. Из того мрамора поставил он и Чесменский обелиск в Гатчине.

А потом было славное сражение при Корфу.

Неприступной считалась крепость на этом острове. Долгие годы укрепляли ее венецианцы и французы. 650 орудий смотрели с ее стен в море. И впереди еще, словно авангард, стояли артиллерийские батареи на островах Видо и Лизарето. 3 тысячи французов, охранявшие крепость, считали себя в полной безопасности.

Но подошел с кораблями адмирал Федор Федорович Ушаков. В 1766 году окончил он в Петербурге Морской шляхетский корпус. Служил и на Азовском

море, и на Балтике, но прославился на Черноморье: в 1788 году знатно побил турок у мыса Фидониси. Теперь на том же «Святом Павле» к бастионам Корфу прибыл.

Утром 18 февраля 1799 года началась атака острова Видо. На картечный выстрел подошли корабли к неприятельским батареям. И ударили! Заставили французов замолчать. Все их пять батарей были «истреблены и обращены в прах».

«Храбрые войска наши, — доносил после боя Ушаков, — мгновенно бросились во все места острова, и неприятель всюду был разбит и побежден».

Следом отряд в 900 человек взял два основных форта на острове Корфу.

Бои гремели еще и день, и другой, но исход сражения был ясен. Корабли победили неприступные бастионы! 20 февраля 1799 года французский генерал Шабо прибыл на «Святой Павел» подписывать условия безоговорочной капитуляции. В плен сдались 2931 человек.

...Бронзовый адмирал с любовью смотрит на знакомые стены. Много бесстрашных полководцев из них вышло! Д. Н. Сенявин, П. С. Нахимов, В. А. Корнилов, В. И. Истомин!..

Да только ли флотоводцев? Ведь и прославленный русский композитор Н. А. Римский-Корсаков, писатель К. М. Станюкович, художники А. П. Боголюбов и В. В. Верещагин — все выпускники этих классов! И еще ученые!.. А. А. Попов, А. Н. Крылов, Ю. М. Шокальский, А. И. Берг!..

Сие здание — и его причал, бронзового адмирала. В 1785 году впервые он сюда, словно на корабль по сходням, поднялся, а в 1827 году спустили ему и парадный трап. Стал он директором корпуса Морского.

А в промежутке было море. Огромное! Бескрайнее!

В 1803 году ушел он отсюда в кругосветное плавание на своей «Надежде». Бок о бок с ним шел тогда на «Неве» Юрий Федорович Лисянский — еще по годам учения старший товарищ. Вместе они и в сражениях участвовали: Гогландском, Эландском, Ревельском, Выборгском...

3 года и 12 дней длилось их плавание. Обогнули мыс Горн, Тихий океан пересекли, побывали на Маркизских и Гавайских островах, в Японии, на Камчатке, до Аляски добрались. На обратном пути нашли еще несколько неоткрытых островов среди Курильской гряды, нанесли на карты южную часть Сахалина, потом уже через Индийский океан, вокруг мыса Доброй Надежды вернулись к родным берегам. Более ста карт и рисунков привезли тогда на родину!

Н-да... Левой рукой бронзовый адмирал свернутую в трубку морскую карту сжимает. Коли развернуть ее да прочесть, много русских имен найти на ней можно!.. Мыс Челюскин, море Лаптевых, острова Анненкова, Завадовского, Лазарева, залив Новосильского, мыс Демидова, мыс Куприянова, море Беллинсгаузена...

Вот ведь как: море Беллинсгаузена!.. С Фаддеем Фаддеевичем они еще в ту кругосветку первую вместе ходили, лейтенантом на «Надежде» плавал тогда Беллинсгаузен.

Юношей читал бронзовый адмирал слова знаменитого английского мореплавателя Кука: «Я обошел в южном полушарии в большой широте таким образом, что неоспоримо доказал, что нет в оном никакой материковой земли, разве что в окрестностях полюса, куда пройти невозможно».

Ишь как смело! «Неоспоримо доказал»!.. А мы вот дерзнули поспорить! Пошли и открыли землю материковую.

Бронзовый адмирал от удовольствия просто улыбнуться готов. Он ведь и сам к тому открытию немало трудов приложил. Не так-то просто было такую великую экспедицию отправить. Не больно-то волновали придворную знать открытия дальних стран.

Сколько он, не бронзовый адмирал еще, а Иван Федорович Крузенштерн, морскому министру Траверсе визитов нанес! А все же своего добился, убедил в необходимости экспедиции.

Когда же это было-то? Да, в конце 1818 года, зимою. Много тогда славных русских мореходов собралось в зале Адмиралтейства. Слушали его, капитан-командора Крузенштерна. Без тени сомнения он говорил: «Поход в Антарктиду должен увенчаться успехом. Я твердо верю в это и прошу собрание поддержать это важное для человечества и доброй славы русского имени дело и верить в его счастливый исход».

Корабли к плаванию выбрали тогда не великие, но крепкие. Шлюп «Восток» был построен в Петербурге на Охтинской верфи, шлюп «Мирный» сработал корабельный мастер Колодкин в Лодейном Поле. Попервоначально назывался он «Ладогой». Перед дальним походом подводные их части медными листами обшили, креплений добавили.

Командиры кораблям тоже знатные подобрались. Оба из стен Морского корпуса вышли. О Беллинсгаузене Крузенштерн одно мог сказать: славный моряк! Сам о себе, помнится, говаривал: «Я родился среди моря; как рыба не может без воды, так и я не могу жить без моря». Верно говорил. И после похода

в Антарктиду с палубы не ушел. Черному морю служил и Балтийскому. Стариком уже, когда кронштадтским губернатором был, все равно ежегодно выходил в плавание.

Михаил Петрович Лазарев тоже к тому времени немало морей исходил. На корабле «Суворов» добирался до Русской Америки — Аляски. В океане новые земли открыл, именовал их: «Острова Суворова».

Оба — отважные мореходы! Хоть и молодые. Все как есть молодыми на шлюпах пошли. Самому «старому», Беллинсгаузену, во время плавания 40 исполнилось.

Помнит бронзовый адмирал, как провожал их в Кронштадте 4 июля 1819 года. Набережная народом полна! Всем хочется взглянуть на этих 190 отважных, уходящих «на край света».

...За спиною бронзового адмирала чайки кричат. Над Невою ночь плывет белым парусом.

Эх, паруса, паруса!.. Тяжело было расставаться с вами, а пришлось. 1853 год окончательный приговор старому флоту — деревянному да парусному — вынес. Храбро дрались за родной Севастополь русские моряки, а только противостоять новым железным кораблям с паровыми двигателями не смогли. Победа осталась за машиной.

Пришлось и России новый флот строить.

В 1811 году на Ижорском заводе пустили в плавание паровую машину. Установили ее на землечерпалку. А 4 года спустя на Петербургском машиностроительном заводе Берда уже и транспортное судно с паровой машиной появилось.

Появилось даже раньше, чем само слово «пароход». Петербуржцы даже не знали, как сие судно и

величать. Стимботом называли, пироскафом... Дело, конечно, не в названии. Дело скорее в том, что этот «стимбот-пироскаф» от столицы до Кронштадта всего за 3,5 часа пробегал! Неслыханная до того скорость!

В журнале «Сын Отечества» о новом судне писали тогда: «Берд не построил для приложения паровой машины к судостроению нового судна, а только вделал свою машину в обыкновенную тихвинскую лодку. Снаружи видно, что она имеет палубу с возвышающейся посредине плоской крышей трюма (в котором находится машина), в кормовой части поставлены скамьи с парусным навесом для посетителей, а впереди по обеим сторонам видны дощатые футляры, в которых движется по колесу».

Эти-то колеса, шлепая по воде мокрыми плечами, и толкали пароходик вперед.

Имя ему дали «Елизавета».

А там, глядишь, и «Нева» появилась. Вот ведь счастливое имя для судна! В 1803 году парусная «Нева» от петербургских причалов ушла — земной шар обогнула. В 1830 году паровая «Нева» первой Европу обогнула, в Одессу пожаловала.

«Нева» на Неве и родилась. В 1825 году на седьмой версте Шлиссельбургского тракта началось строительство нового Александровского чугунолитейного завода. Через 2 года он уже первый буксир на воду спустил. Потом еще один. А там и «Неве» черед пришел. Разлила она над невскими берегами свой прощальный гудок и — в путь. Через 49 дней до Одессы добралась.

Еще 4 года промелькнуло — на том же Александровском заводе построили корабль целиком из металла. Первый металлический военный корабль России.

Крузенштерн спуск тот помнит. Сошел со стапелей корабль и — под воду! Нет-нет, не утонул. Так ему и приказано было. Тем первым целиком металлическим кораблем была подводная лодка. Изобрел ее генерал-адъютант Карл Андреевич Шильдер. Ох и споров тогда было в Адмиралтействе: нужен ли такой корабль? Правительство, казна копеечки на его строительство не дали. Хорошо, что Карл Андреевич человеком был состоятельным. На свои денежки построил 6-метровую железную «сигару».

Нырнула лодка под невскую волну — только труба из воды торчит. Для наблюдения над поверхностью. А внизу, под водой, мельтешит, гребет лодка четырьмя веслами-лопаточками, устроенными наподобие гусиных лап. Впереди лодки — длиннущий бушприт-гарпун. Предполагал конструктор на тот бушприт бочку с порохом привязывать. Дескать, подберется его лодка под днище вражеского корабля, вонзит в него свой гарпун, оставит на нем мину (ту самую бочку с порохом) и скорее назад. Отойдя на приличное расстояние, пошлет по проводам в бочку искру электричества — и поминай как звали тот вражеский корабль!

К сожалению, не все до конца Карл Андреевич продумал, с лодкой произошла авария. Так ведь не набив шишек на лбу и ходить не научишься!.. Невские корабли, они народ пытливый!

Ну, произошла неудача с лодкой Шильдера — на смену ей пришел новый проект, новой подводной лодки. Огромной! На 2 тысячи тонн водоизмещения. И кто конструктором-то оказался? Фотограф! Первый в России фотокорреспондент! Петербуржцы хорошо знали фотоателье Ивана Федоровича Александрова на Невском проспекте. Но далеко не каждый

петербуржец знал, что Иван Федорович еще и физику любит, химию, оптику, математику! И вообще к технике равнодушен. Особенно же к судостроению. И ведь какой корабль подводный придумал! Сколько в нем всего нового предложено было! Горизонтальные рули, к примеру. Или применение сжатого воздуха для удаления воды из балластных цистерн!..

А взять лодку академика Бориса Семеновича Якоби!.. Ведь это даже и не пароход уже, а электроход! 13 сентября 1838 года вывел он свое детище на Неву. Лодка. 12 пассажиров в ней. Электродвигатель, работающий от батареи в 320 гальванических элементов. И — плывет!

Да, выдумке невских корабелов позавидовать можно! От парусов отказались — и колесам отказ пришел. Тихоходные, громоздкие, они словно сдерживали бег корабля. Иван Афанасьевич Амосов и убрал их. Гребной винт изобрел! В 1848 году на Охтинской верфи был построен первый в России винтовой корабль — «Архимед».

Да, своими глазами видел Иван Федорович Крузенштерн, как один за другим сходили на воду новые и новые корабли. И строились новые и новые заводы корабельные. Поднимали свои эллинги над Невую.

Перестроились, научились новые корабли выпускать верфь на Галерном острове и «Новое Адмиралтейство». На том же Васильевском острове какой заводиче вырос! Еще в 1768 году на той верфи топоры застучали. Ладили да ремонтировали плоскодонные суда, способные к проводке морских кораблей через мелководье Финского залива.

А 1 мая 1856 года начал работу частный литейно-прокатный, механический и судостроительный завод.

Выполнял он заказы морского министерства. На деревянном эллинге строились суда, рядом прокатывались железные листы для судов и котлов. Родились тут мониторы «Броненосец» и «Латник», башенный фрегат «Адмирал Лазарев». Завод же незаметно в гиганта вырос. Ныне зовут его Балтийский судостроительный завод имени Серго Орджоникидзе.

Первым же крупным башенным броненосцем стал «Петр Великий», построенный по проекту вице-адмирала Андрея Александровича Попова. Помните, как еще в петровские времена английский посол Джемс Джефферис с тревогой королеве своей о «Полтаве» писал? Так теперь другой англичанин, кораблестроитель Э. Д. Рид, увидев «Петра Великого», затревожился. 9 сентября 1872 года писал он в газете «Таймс»: «Русские успели превзойти нас как в отношении боевой силы, так и в способах постройки. «Петр Великий» совершенно свободно может идти в английские порты, так как представляет собой судно более сильное, чем всякий из наших собственных броненосцев».

Строились над Невой корабли. Поднимались стены судостроительных заводов. Все больше требовалось капитанов. И уже тесноваты стали стены старого Морского корпуса. Давно ведь построил его профессор Академии художеств Федор Иванович Волков — в 1796—1798 годах еще. Сложную задачу решил архитектор. Объединил единым фасадом три здания, стоявших на берегу Невы: бывший дворец Миниха и два соседних дома, купленных Адмиралтейств-коллегией у частных лиц. Над зданием бывшего дворца, что стоял на углу набережной и 12-й

линии, возвышалось полушарие купола круглого зала. Архитектор и на другом углу, над зданием бывшего сахарного завода, такое же декоративное полушарие создал. Позже, уже в 1832 году, по предложению профессора С. И. Зеленого над колоннадой в центре здания возвели вращающуюся надстройку для размещения астрономической обсерватории. Еще позднее разместили в ней сигнально-наблюдательный пост, на мачту стали поднимать флажные сигналы.

Бронзовым же адмирал Иван Федорович Крузенштерн стал в 1873 году. Много лет проработал он в стенах Морского кадетского корпуса, много сил отдал ему. Потому и решили офицеры флота увековечить память о нем. Сами собрали средства на памятник. Скульптор И. Н. Шредер изобразил флотоводца в полной форме, при кортике, со скрещенными на груди руками, со свернутой в трубку морской картой в левой руке.

На постаменте из красного полированного гранита, созданном по проекту архитектора И. А. Монигетти, помещен бронзовый рельефный герб адмирала, по бокам от него стоят фигуры негра и малайца, ниже надпись: «Первому русскому мореплавателю вокруг света, адмиралу Ивану Федоровичу Крузенштерну».

С тех пор и стоит над Невою бронзовый адмирал.

Перед ним улица бежит — набережная Лейтенанта Шмидта.

Курсантом еще ходил Петр Петрович Шмидт по этой, в ту пору Николаевской, набережной. Здесь, в Морском кадетском корпусе, учился. Окончил его в 1886 году. Далее на Черноморском флоте служил. В Севастополе застала его революция 1905 года.

Участник этой революции А. Дмитриев вспоминал позже:

«18 октября 1905 года, уже за полдень, на Морской завод, где я работал токарем, приехал кто-то из городского комитета РСДРП и привез несколько экземпляров газеты с царским манифестом о даровании народу гражданских свобод. И в тот же день мы на своей спине почувствовали вес и цену этих «свобод». Сперва митинг рабочих завода и военного порта пытались разогнать казаки. Мы дали им должный отпор и перешли на Приморский бульвар. Здесь, у музыкальной эстрады, уже собралась многотысячная толпа. Один за другим сменялись ораторы. Неожиданно для всех на эстраду поднялся флотский офицер и, сняв фуражку, сказал:

— Граждане!

Он заговорил ясным и понятным всем нам языком. Призывал не обольщаться словесными красотами царского манифеста, продолжать борьбу и в первую очередь освободить из тюрьмы политических заключенных.

Так севастопольцы впервые услышали лейтенанта Петра Петровича Шмидта — офицера, открыто принявшего сторону народа. Построившись в ряды, демонстрация двинулась к тюрьме.

Расстрелом демонстрации и введением военного положения закончился в Севастополе первый день дарованной царем свободы.

20 октября город был в трауре. Около сорока тысяч человек участвовало в похоронах жертв расстрела. Речь, которую сказал над свежими могилами лейтенант Шмидт, потрясла нас.

13 ноября команда крейсера «Очаков» восстала и присоединилась к матросам флотской дивизии.

Шмидту предложили возглавить восставшие корабли, и он поехал на крейсер «Очаков».

...Ранним утром 15 ноября крейсер «Очаков» поднял сигнал: «Командую флотом. Шмидт». Красные флаги развевались уже над минным крейсером «Гридень», несколькими миноносцами, канонерской лодкой «Уралец», минным транспортом «Буг».

...Около трех часов пополудни мы подошли к пристани, увидели эскадру. Посреди бухты шел небольшой катерок «Уралец». Над ним также висел красный флажок. Оттуда доносилась «Марсельеза», исполнявшаяся оркестром. Вдруг воздух разорвал звук орудийного выстрела. Над катерком поднялся столб огня и пара. Он запылал.

Стреляла канонерская лодка «Терец». Она перенесла огонь на крейсер «Очаков», и это послужило сигналом. По крейсеру открыли огонь орудия, установленные на Историческом бульваре, броненосец «Ростислав», крепостная артиллерия...

Мало кому из очаковцев удалось спастись — только тем, кого подобрали в свои лодки рыбаки. А матросов, пливших к Графской пристани, к Приморскому бульвару, расстреливали в воде из винтовок и пулеметов...».

Суд приговорил П. П. Шмидта к смертной казни. Лейтенант шел на нее спокойно. Судьям своим заявил: «Я знаю, что столб, к которому встану я принять смерть, будет водружен на грани двух различных эпох нашей родины. Позади за спиной у меня останутся народные страдания и потрясения пережитых лет, а впереди я увижу молодую, обновленную, счастливую Россию!»

В 1918 году Николаевскую набережную переименовали, назвав ее набережной Лейтенанта Шмидта.

Был переименован и Николаевский мост, также ставший мостом Лейтенанта Шмидта.

А Россия действительно стала молодой, обновленной, счастливой. Она стала Союзом Советских Социалистических Республик.

Старый Морской кадетский корпус стал школой новых красных командиров флота. Сегодня на его стене написано: «Высшее военно-морское ордена Ленина, Краснознаменное, ордена Ушакова училище имени М. В. Фрунзе».

В разные годы закончили его молодые командиры Рабоче-Крестьянского Красного флота, ставшие потом адмиралами, командующими флотами в годы испытаний Великой Отечественной войны: Н. Г. Кузнецов, В. Ф. Трибуц, А. Г. Головкин, Ф. С. Октябрьский, В. С. Чероков, Л. М. Геллер, В. А. Алафузов.

Новым капитанам, новым мореходам неважные корабли построили и новые корабли.

Помнит бронзовый адмирал, как тысячи ленинградцев заполнили 5 декабря 1957 года набережную. Он и сам словно в толпе стоял. Всем хотелось взглянуть, как со стапелей Адмиралтейского судостроительного завода сходил на воду первый в мире атомолод. Гордо на нем сияли буквы: «ЛЕНИН».

ДВЕСТИ ЛЕТ ОН СКАЧЕТ НАД НЕВОЮ

Все меньше оставалось верст до сказочной, необъятной России, и Этьенн Морис Фальконе все явственнее ощущал нарастающее волнение. Что ни говори, но ехал он в неведомую страну, о которой так много рассказывали страшных историй. И это на шестом-то десятке!.. Не мальчик... Нет, совсем не мальчик для поисков приключений. Еще больше тревожила мысль: справится ли? Не слишком ли смело замахнулся?

Кем он был в Париже? Сыном столяра и внуком башмачника. Месье Лемуан научил его рисовать и лепить. Хорошо научил. Скульптура «Милон Кротонский» заслужила одобрение не только месье Лемуана, но и всей парижской публики. Говорят, даже за пределами Франции «Милон Кротонский» приобрел известность. Но что еще?.. Статуи «Садовница»,

«Минерва», «Амур», «Купальщица»... Может быть, и неплохо, но величественности в них нет. Потом и во все уж мелочь, несколько фарфоровых статуэток...

— А что, месье Дмитриевский, верно ли, что в Петербурге страшные морозы?

— Да полноте, что в них страшного! Люди в зипунишках не боятся, а у нас с вами шубы на меху!

У Ивана Афанасьевича Дмитриевского настроение было приподнятым: домой возвращался! В свой театр! 2 года обучался в Париже сценическому действию — хватит! Теперь — домой! Сумарокова ставить! Фон-визина!

— Морозов пугаться не след, — старался он подбодрить примолкших спутников. — Для здоровья они полезны. У мадемуазель Мари мигом щечки подрумянятся.

Мари Анн Колло улыбнулась ответно. Конечно, и ее, ученицу мастера Фальконе, немного пугала дальняя страна, но ведь и любопытно: как там?

За окном кареты все чаще стали мелькать елки. Не елочки, украшающие сады Версаля, а именно елки. Даже (как это говорит месье Дмитриевский?..) ели! Огромные. Темные.

Вот и памятник царю Петру он, скульптор Фальконе, должен создать огромным. В контракте так и записано: «...памятник будет состоять главным образом из конной статуи колоссального размера». Наверное, это справедливо, под стать стране!

15 октября 1766 года колеса кареты, доставившей будущего создателя монумента, застучали по булыжнику петербургских мостовых.

В здании, стоявшем на углу Большой Морской (ныне улица Герцена) и Кирпичного переулка, переоборудовали под жилье бывшие кухни елизаветин-

ского дворца. Квартира была удобна еще и тем, что мастерская оказалась просто под боком.

Карандашные наброски у Фальконе уже были. Теперь предстояло воплотить их в малую модель. На ее создание ушел целый год. Замысел оставался неизменным: Петр I должен был стать бронзовым всадником, взлетающим на скалу, с повелительно простертой правой рукой, как бы утверждавшей могущество молодой России. Детали, однако, отрабатывались медленно, в раздумьях и спорах с самим собой да в мелких стычках с генерал-поручиком Бецким, президентом Академии художеств, сразу же почему-то невзлюбившим скульптора.

Лишь спустя еще один год удалось перейти к большой модели и Фальконе записал: «Статуя начата была 1 февраля 1768 года».

На эту модель ушло больше года.

Перед мастерской скульптора построили специальное возвышение, куда на полном скаку взлетали на лошадях царских конюшен лучшие наездники-берейторы. Фальконе стоял внизу с альбомом в руках, стараясь занести на бумагу стремительные движения вздыбленных коней, их напряженные мускулы, положения ног.

Много времени ушло на поиски одежды всадника. Правда, советчиков в этом вопросе было хоть отбавляй! Бецкой настаивал на том, чтобы бронзовый Петр носил античные одежды, другие предлагали старинную русскую, третьи — рыцарские латы, четвертые — современный костюм. Фальконе отверг все эти предложения. «Если это старый московский кафтан, — писал скульптор, — то он мало подходил к тому, кто объявлял войну бородам и кафтанам. Если же одеть Петра в ту одежду, которую он носил, то она не даст

возможности передать движение и легкость в большой скульптуре, особенно в конном памятнике. Поэтому костюм Петра — одежда всех народов, всех людей, всех времен — одним словом, костюм героический».

Еще большие трудности встретились при создании самой главной части памятника — головы Петра. Ученые до сих пор спорят; кто же создал этот бронзовый портрет царя? Сам Фальконе всю свою жизнь устно и письменно утверждал, что голова Петра создана его ученицей Мари Анн Колло. В одной из своих статей он прямо пишет: «Я исключаю голову героя, которой я не делал: этот портрет, смелый, колоссальный, выразительный и проникнутый характером, принадлежит м[адемуазе]ль Колло, моей ученице». Получив же за создание памятника золотую и серебряную медали, последнюю он отправляет Колло и снова пишет: «Вы сделали великолепную, колоссальную голову Петра Первого...»

Большая модель была закончена, и Фальконе обратился с письмом в Академию художеств, приглашая петербургских художников осмотреть его работу. За художниками в мастерскую скульптора хлынули толпы петербуржцев. Мнения были разные. «Иные ее хвалили, другие хулили», — пишет один из посетителей мастерской. Фальконе волновался, раздражался, спорил и сетовал на то, что зрителям была представлена незавершенная до конца модель.

...Конь и всадник еще никуда не скакали. Они смиренно стояли в мастерской, и никто пока не мог сказать: «Куда ты скачешь, гордый конь, и где опустишь ты копыта?»

О месте будущего памятника в городе шли пока лишь большие споры. Того памятника, что стоит

сейчас у Инженерного замка, еще не было. В городе вообще не было ни одного памятника, и где поставить первый — было существенно для всех петербуржцев. На просторной площади или между зданиями? Предложений поступало множество. Одни советовали установить монумент против Зимнего дворца на площади, другие — возле главных ворот Адмиралтейства, третьи — на Васильевском острове, при въезде на наплавной Исаакиевский мост. Наконец 5 мая 1768 года Сенату было сообщено: «Ея императорское величество изустно повелеть соизволила монумент поставить на площади между Невы реки, от Адмиралтейства и дома, в коем присутствует Правительствующий Сенат...».

Фальконе выбор места одобрил.

Итак, всадника с конем пора было отливать в металле, место для памятника выбрано, не хватало лишь одной детали. Той самой скалы, на которую должен был взлетать всадник.

Искали долго. Не камень, а именно скалу. Искали по требованию скульптора и наперекор упрямству Бецкого, заявившего, что камень такой «сыскать безнадежно, а хотя б и сыскался, по великой тягости, паче в провозе через моря и реки и другие великие затруднения последовать могут».

Но так или иначе, а в июне 1767 года экспедиция в составе поручика Егора Буссова, каменных дел мастера Андрея Пилюгина, «архитекторского ученика», двух солдат и двух каменотесов отправилась на поиски.

С мерами да лекалами излазали земли новгородские, Приладожье, добрались до Выборга, искали под Копорьем и Ямбургом — нужной скалы не нашли. Хотели уже бросить всю эту затею, сооружать

пьедалстал из нескольких крупных камней, да пришел в Академию художеств крестьянин Семен Вишняков. Пришел и сообщил: есть такой камень! В двенадцати верстах от Петербурга лежит, близ селения Лахта. Прозывается он — Гром-камень.

Осмотреть камень отправился сам Фальконе. Серая гранитная скала превзошла все его ожидания! Заросшая густым мхом, глубоко уходила она под землю. В какие-то давние дни ударила в нее молния — расщелину оставила. Потому и прозвали Гром-канем. В расщелину земля набилась, березки на камне выросли. Старожилы тут же легенду поведали, будто на сей камень не раз поднимался и сам царь Петр I, обзорева местность вокруг.

Замелькали лопаты землекопов. Окопали скалу со всех сторон, измерили. По сведениям Фальконе, был этот «камушек» в 44 фута длиной, 22 шириной, 27 высотой. Весил этот великан 100 тысяч пудов (1600 тонн). Вот и подними его! Попробуй сдвинь с места!..

А ведь надо и выкопать, и сдвинуть, и перевезти в Петербург!

Поднимать решили с помощью огромных рычагов. Каждый рычаг — три хороших бревна, ворота с толстыми канатами. Нелегко было, да осилили. Подняли камень на специальную решетку из толстых бревен, обитых медными листами. От места, где лежал камень, до берега Финского залива просеку прорубили. Дорога готова. Да как его, такую махину, катить?! Не было ведь тогда ни подъемных кранов, ни тягачей, даже привычных нам тракторов не было... Вручную надо было тянуть великана.

Положили перед камнем крепкие дубовые желоба, изнутри обитые медью. По желобам покатались

специально отлитые бронзовые шары. Нижние желоба верхними прикрыли. На них уже и решетка «сковорода» с самим камнем поместились.

И — потянули!..

Заскрипели ворота. Струнами натянулись канаты.

Это рассказывать быстро, а двигалась скала ой как медленно! За сутки шагов на двадцать—тридцать. На поворотах еще медленнее. А то соскользнет с рельсов-желобов и сразу же на добрый метр в землю закапывается — от собственной тяжести. Тут уж совсем остановка.

Месяц за месяцем двигалась скала к воде. Гремел с ее вершины барабан, подавал сигналы. Плыли на скале березы. Под ними кузница поместилась для ремонта желобов и шаров. Рядышком солдатская караульня пристроилась. Всем на Гром-камне места хватило!

Тем временем в Петербурге ломали головы. Ну, доставят камень к воде, а дальше как? Как такую громадину водой везти? Бецкой адмирала Мордвинова запрашивал: может ли кронштадтский теребень (большое грузовое судно) столько весу на борт поднять и не затонуть? Доставили теребень в столицу. Поглядели на него — поняли: не поднимет. Нужно специальное судно строить.

Свои услуги предложил тот же Семен Вишняков со товарищем Антоном Шляпкиным. Обещали они собрать людей на строительство судна, материал соновый да еловый доставить и даже гвоздей у казны не требовали. Заверили: «Дайте «чертеж» — сделаем!»

Только где его, такой «чертеж», взять? Не было ведь подобных судов ни в Неве, ни на Балтике. Для камня-великана нужно и судно-великан строить!

Плохо, конечно, что не было такого судна, зато корабелы на реке Неве всегда были славные. И тут сыскался. Галерный мастер Григорий Корчбников. И сделал нужный «чертеж». 8 апреля 1770 года Адмиралтейств-коллегия «чертеж» утвердила: строить!

Судно Корчбникова было даже не судном — скорее баржей. Невысокой, низко сидящей, но широкой, длинной и очень прочной. Все было рассчитано до мелочи: и вес камня, и как его положить. При погрузке баржа не «капризничала», при перевозке оказалась устойчивой. Правда, одну загадку загадала: как грузить камень?

По всем расчетам получалось, что оставь судно на плаву — камень его непременно утопит! Накренит, влезая, подомнет под себя и — утопит.

Начальником на это необычное судно назначен был толковый морской офицер капитан-лейтенант Яков Лавров. Долго обсуждал он с такелажмейстером Матвеем Михайловым, как к скале подступиться, и решили они судно... затопить. Потом уже на него, затопленное, и скалу грузить. А после откачать воду, судно всплывет — и поехали!

Так и сделали. Всего в один день управились. 28 августа 1770 года Яков Лавров уже сообщал в Адмиралтейств-коллегию: «Большой камень погружен благополучно, безо всякого оному судну повреждения».

Оставалось пересечь водную гладь залива. По бокам к барже встали два краера, распустили свои паруса, поймали в них балтийский ветер и потихоньку тронулись. Прошли заливом, свернули в Малую Невку, оттуда в Большую Неву, миновали Петропавловскую крепость, Зимний дворец, Адмиралтейство и — прибыли.

Тысячи петербуржцев собрались 26 сентября 1770 года на берегу Невы, чтобы увидеть, как будут выгружать Гром-камень. Наблюдала с балкона за прибытием камня-великана и императрица Екатерина II. Еще раньше повелела она в честь трудов небывалых выбить медаль. На одной ее стороне изображен Гром-камень, на другой — надпись: «Дерзнове-нию подобно. Генваря, 20. 1770».

На этом бы можно и закончить историю Гром-камня. Стал он пьедесталом одного из лучших памятников мира. Да больно уж любопытна история одного из его «осколочков»...

Пока Гром-камень по лесной просеке тянули, каменотесы уже стучали по нему молотками да зубилами, убирали лишние куски. И все же, когда скалу доставили на место, выяснилось, что для памятника потребуется только ее часть. Другую же часть откололи. Осталась она лежать вблизи будущего монумента.

Наступала пора торжества устраивать, открывать памятник, — а рядом «осколочек» серой глыбой гро-моздится, мешает. Убрать его надо!

Контора строений объявила: все желающие могут взять подряд на уборку камня. Несколько иностранцев тут же откликнулись — огромных денег за вывозку запросили! Оно и верно, тяжелоат «осколочек»... Раскалывать его, дробить надо. Сколько людей нанять придется, лошадей.

Но тут явился в Контору неприметный мужичок. Поклонился низко и сказал, что готов тот многотонный камень убрать.

— Много ли в твоей артели работников-то? — поинтересовались в Конторе.

— Не много, — ответил мужичок. — Сам я, сын мой да лошадь.

То-то было смеху в Конторе! Шутки ради и выдали мужичку разрешение.

А он и впрямь на следующее утро к камню приехал. Обошел глыбу несколько раз, лопатой рядом с нею на земле круг начертил, поплевал на ладони да и принялся копать. Кидает в телегу лопату земли за лопатой, вырытую к Неве отвозит, выбрасывает.

Не так уж много и дней прошло — возле камня глубокая яма выросла. Мужичок начал потихоньку под глыбу подкапывать. И не устоял «осколочек»! На глазах многочисленной «почтенной публики» шевельнулся да и пополз в приготовленную для него «квартиру». Мужичок его в яме уже снова землей закидал, притоптал сверху лаптями для ровности и пошел в Контору строений деньги за работу получать.

3 рубля ему дали.

Приближался самый ответственный момент в создании памятника — отливка. В литейном деле Фальконе не считал себя специалистом. Нужен был хороший мастер литейного дела. Искали по всей Европе — не находили. Пришлось скульптору самому засесть за книги по литейному делу, изучать его. И все же он ждал хорошего литейщика.

Тем временем из Конторы строений пришел приказ начать строительство Литейного дома. Строили его неподалеку от места, где предстояло встать и самому памятнику, — вблизи Адмиралтейства.

Для отливки статуи построили огромную печь с четырьмя отверстиями. Одно — топка, в два других загружали металл, из четвертого расплавленному металлу предстояло вылиться.

Прибывавших из-за границы литейных мастеров Фальконе испытывал и одного за другим отсылал обратно.

В 1772 году по рекомендации русского посла в Вене Д. М. Голицына прибыл «знающий литейщик» Бенуа Эрсман. Поначалу у скульптора и литейщика работа шла в добром согласии, но вскоре возникли серьезные споры.

Фальконе требовал при отливке разной толщины металла. Эрсман настаивал на том, что вся отливка памятника должна быть одинаковой толщины. Фальконе ссылался на свои расчеты. Эрсман — на опыт отливки всех других статуй. В конце концов Эрсман тоже был уволен.

А между тем рядом со скульптором работал отличный литейщик — Емельян Евстафиевич Хайлов. Был он крестьянским сыном. 16-летним пареньком пришел в литейные мастерские петербургского арсенала и ровно через 16 лет получил высокое по тем временам звание — «сверлильного дела мастер». Просверливать каналы стволов артиллерийских орудий было тогда большим искусством, но Емельян Хайлов был к тому же и хорошим литейщиком. Когда перевозили Гром камень, он отливал желоба, бронзовые шары, гайки и болты для механизмов — и во всем, даже в самой мелкой детали, всюду была видна его неизменная старательность и высокое мастерство литья. Умел он читать и писать, был «состояния доброго и к делу весьма прилежен».

Он-то и стал первым помощником Фальконе при отливке статуи. В конце концов скульптор решил взяться за отливку сам.

Конечно, Фальконе очень волновался. Волновались литейщики, подсобные рабочие. Не каждый ведь день приходилось им направлять в форму 1350 пудов расплавленного металла. И вот он рванулся по трубам.

Без несчастья не обошлось. Одна из труб лопнула, металл начал вырываться наружу. Схватившись за голову, в ужасе и отчаянии Фальконе выбежал из литейной. За ним побежали другие...

Не растерялся лишь Емельян Хайлов. Скинул он с себя суконный армяк, намочил его водой, обмазал лежавшей рядом глиной и — прижал одежонку к лопнувшей трубе, к щели в ней. Дорого стоил ему этот геройский поступок. Тяжелые ожоги получил литейщик, частично потерял зрение, но статую спас.

Рассказывая о подвиге мастерового, газета «Санкт-Петербургские ведомости» писала: «Такою смелостью и усердным поступком сего плавильщика столь был тронут г[осподин] Фальконет, что, по окончании дела, бросившись к нему, изо всего сердца его поцеловал...».

Вторая отливка, «от колен всадника и груди лошади до голов их», была произведена в июле 1777 года. Обе части статуи соединили по шву, и чеканщики заделали его так тщательно, что увидеть шов простым глазом стало невозможно.

Фальконе был доволен своей работой. Но все серьезнее и серьезнее становились его столкновения с Бецким.

Причиной одного из них явилась змея. На памятнике она не только аллегорическое изображение зависти и недоброжелательности, попираемой копытом царского коня, — змея эта несет на себе еще и инженерную нагрузку. Бецкой был категорически против змеи. Фальконе отстаивал свое право решать детали памятника, писал императрице: «... люди эти не знают, как я, что без этого счастливого эпизода опора статуи была бы ненадежной. Они не сделали исчисления нужных мне сил. Они не ведают, что если

послушаться их совета, то памятник был бы недолговечен. Речь идет не только о том, чтобы поддержать хвост лошади; избранное мной средство и способ им воспользоваться отвечают мне за ноги, а ноги отвечают за все целое».

Это только одна из придирок к мастеру, они же следовали одна за другой.

12 лет проработал Фальконе в России, создавая памятник. Но открытия его дожидаться не смог. Возмущенный недоброжелательством, он покидает Петербург и уезжает во Францию.

С апреля 1780 года руководить установкой и окончательной отделкой памятника назначается скульптор Юрий Матвеевич Фельтен.

Сын обер-кухмейстера царя Петра I, ставший скульптором, Ю. Фельтен был уже знаком петербуржцам как строитель Невской набережной, а еще больше как создатель знаменитой решетки Летнего сада. Основное, что должен был сделать Фельтен, — это поднять Медного всадника на Гром-камень и укрепить его там. К хвосту и к задним ногам коня были приделаны железные стержни, в камне же просверлены отверстия. Статую подняли, и стержни точно вошли в них. Оставалось только залить эти отверстия свинцом. Но еще до того, как статуя была укреплена на камне, все убедились в том, как точны были инженерные расчеты Фальконе. Равновесие было идеальным!

7 августа 1782 года исполнилось 100 лет со дня вступления на престол Петра I. В этот день и решено было торжественно открыть памятник.

Тысячи петербуржцев заполнили площадь, валы и гласис Адмиралтейства, окна и крыши окрестных зданий, даже набережные Васильевского острова на

противоположном берегу Невы. Река тоже была покрыта множеством судов, императорскими яхтами. Целый лес мачт качался над волнами.

В 2 часа дня заняли свои места на площади войска.

Взвилась в небо ракета. Рухнули фанерные щиты, и перед зрителями впервые предстал во всем своем величии «кумир на бронзовом коне». С Адмиралтейской и Петропавловской крепостей, с кораблей, стоящих в Неве, ударили пушки. Взвились на мачты флаги. Рассыпалась над площадью барабанная дробь. Запели медные трубы оркестров.

Монумент был открыт.

Толков он вызвал немало. Всяк по-своему старался разгадать его смысл. Для чего Фальконе медвежью шкуру на коня бросил? Зачем просил скульптора Гордеева змею вылепить? Почему на скале скачет?... Большинство, конечно, разобралось, что к чему. В «Письме к другу жительствовавшему в Тобольске, по долгу звания своего» выдающийся современник этого события Александр Николаевич Радищев пишет:

«Но позволь мне отгадать мысли творца образа Петрова. Крутизна горы, суть препятствия кои Петр имел производя в действо свои намерения; змея в пути лежащая, коварство и злоба искавшие кончины его за введение новых нравов; древняя одежда, звериная кожа и весь простой убор коня и всадника, суть простые и грубые нравы и непросвещение, кои Петр нашел в народе, который он преобразовать вознамерился; глава, лаврами венченная, победитель бо был прежде нежели законодатель, вид мужественный и мощной и крепость преобразователя; простертая рука, покровительствующая, как ее называет Дидро, и взор

веселый, что крепкий муж преодолев все стремлению его противившиеся пороки, покров свой дает всем чадам его называющимся».

Памятник, площадь вокруг него сразу же стали постоянным и излюбленным местом прогулок петербуржцев. Возле монумента был выставлен военный пост, упраздненный только в 1866 году. Кроме того, появилась сторожка со сторожем.

...Два столетия стоит над Невею Медный всадник. Бегут под простертою рукою его волны реки. Словно тучи и облака, плывут годы над его головою. Стал памятник свидетелем многих событий. Не однажды подходил к нему Александр Сергеевич Пушкин. Стояли рядом с монументом под картечью царских пушек декабристы. Спешили мимо него на штурм старого мира, на штурм Зимнего дворца революционные матросы 1917 года. В грозном 1941-м совсем близко ухали взрывы бомб...

Неотделим уже Медный всадник от Ленинграда. Он — его гордость.

ПЕРВЫЙ МУЗЕЙ

Вот уже более двух с половиной веков стоит над Невой здание Кунсткамеры — первого музея российского. Возле одной из ее дверей крупными буквами написано: «Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого».

О царе Петре I в учебниках по истории сказано, что был он полководцем, государственным деятелем, градостроителем, законодателем. Но кроме всего прочего, он был еще и коллекционером. Пока мальчишкой рос, любил, разумеется, в войну играть и собирал все, что к военному делу относилось. Присылали молодому царю то «лук московского дела», то «саблю египетскую», то «фузею немецкую». Подрос царь — отправился с «Великим Посольством» в Западную Европу. Такие там диковинки увидел, что вернуться без них уже никак не мог. Привез в Россию микроскопы Левенгука, «огнестрельные и

инженерные инструменты», «стеклянные сосуды, в которых обретаются разные вещи». Прибыли в Москву «морской зверь коркодил да морская рыба сверт-фиш», «коллекция рыб, птиц и гадов», «персона глиняная остинской работы»... Понимал Петр I, что и своя русская земля чудес полна, а потому и писал указы «О приносе родившихся уродов, также найденных необыкновенных вещей». Коллекция разрасталась.

Поначалу она хранилась в Москве, в Аптекарской канцелярии. В 1714 году она переехала в Санкт-Петербург, разместилась в Летнем дворце, а 4 года спустя повелел царь отдать под коллекции большой двухэтажный дом, отобранный у опального боярина Кикина. Дом этот в ту пору так и называли: Кикины палаты. Стоял он на 1-й Береговой улице (теперь улица Воинова).

В 1719 году все собранное в Кикиных палатах открыли для обозрения. И тогда коллекция стала музеем.

Занкнулись было царевы слуги насчет платы за вход в музей, но в ответ царский указ получили: «В оную Куншткамеру впредь всякого желающего пускать и водить, показывая и изъясняя вещи». Мало того: в первые годы посетителям музея еще и угощение подносилось, на что отпускалось 400 рублей в год.

Начался музей с коллекции. Дальше пришли к нему на помощь путешественники.

Куда бы в ту пору ни отправлялись экспедиции, всем им давался наказ: о музее не забывать! Уезжал, к примеру, собирать лекарственные травы в Сибири врач Д. Г. Мессершмидт — предписано ему было и «приискивать... могильные всякие древние вещи,

шайтаны медные и железные и литые образы человеческие и звериные и калмыцкие глухие зеркала...». Разъезжались по стране географы, топографы, геодезисты — им тоже велено было «означать, какие где народы, и каких вер, и чем питаются, и какой хлеб родится или не родится».

Скрипели по дорогам России телеги, везли на берега Невы «диловины».

Включились в дело доброхоты. По собственной воле слали и слали они в музей вещи, по их понятиям, удивительные: «Чулки диковинные бурятские», «Монстр человеческий», «Теленок двухголовый», «Медальное татарским письмом внутри и снаружи насеченное блюдо»...

Прибывали экспонаты — непонятные, загадочные, не похожие друг на друга. Станки и инструменты. Одежда и утварь. Чучела животных и птиц. Камни и растения со всех концов земли. Во всем надо было разобраться, все понять, изучить. Кто мог это сделать? Только наука! Но в том-то и беда, что очень уж слабенькой была она тогда в государстве Российском. Лишь в июне 1718 года повелел Петр I: «Зделать академию. А ныне приискивать из русских, кто учен и к тому склонность имеет». 28 января 1724 года подписал он сенатский указ об утверждении Петербургской Академии наук.

Так и получилось, что первая коллекция, первый музей явились еще и первыми камнями в фундаменте здания нашей науки.

Зданию этому еще было суждено строиться да строиться. Музею первому — расти и расти. Кикины палаты для него уже были маловаты. Экспонатов собралось столько, что посетителям среди них «можно было растеряться». Да и просто не помещались эти

экспонаты на полках. Один из современников говорил, что в Кунсткамере «имеется еще столь большой запас вещей, не приведенных в порядок, что потребовалось бы еще 30 и более комнат, чтобы их расположить».

Для музея начали строить новое здание. На Стрелке Васильевского острова.

Строительство растянулось на долгие годы. Первые камни под стены заложили в 1718 году, последние двери навесили только в 1734-м. Один за другим менялись архитекторы. Начал строительство Маттарнови, продолжил Гербель, его сменил Киавери, а закончил Михайло Земцев.

В новое здание перевозили коллекции, библиотеку. В пору было радоваться, да однажды морозной декабрьской ночью вырвались из-под крыши языки пламени, прогремел выстрел часового. Только поздно он прогремел. Кунсткамера пылала. Разлетались россыпью искр ее деревянные переборки, шкафы, лестницы.

Вместе с солдатами ринулись в огонь спасать коллекции Михаил Васильевич Ломоносов, Андрей Константинович Нартов, прямо из окон полетели в снег книги, чучела, инструменты, уроды!.. Много удалось спасти, но и безвозвратно погибшего было немало. Сгорела галерея с сибирскими и китайскими экспонатами, астрономические инструменты, часы...

7 лет спустя Кунсткамеру начали возводить вновь, да так до конца и не достроили. Сгоревший купол был восстановлен лишь после Великой Отечественной войны, в 1948 году.

Кунсткамера!.. Почти на 100 метров протянулась ее здание по Университетской набережной. Два музея живут сейчас под ее крышей: Петра Велико-

го и М. В. Ломоносова. В соседнем здании — еще музей, выросший из первых коллекций, — Зоологический.

Справедливости ради надо сказать, что Кунсткамера была хотя и первым музеем, но не единственным. В 1709 году было положено начало и Модель-камере, из которой потом вырос Военно-морской музей. В 1702 году вышел указ о сборе и хранении оружия и артиллерии «для памяти на вечную славу». Хранилищем этого оружия, трофейных знамен и регалий стал вначале цейхгауз Петропавловской крепости, а затем здание на кронверке, где помещается сегодня Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. В ту же пору на Еловом, или Вороньем, острове разбит был Аптекарский огород — родоначальник нашего Ботанического сада.

Каждый музей интересен своими экспонатами и своими собирателями. Иной экспонат сам по себе чудо. Другой, подчас невзрачный на вид, может рассказать интереснейшую историю о том, как он сюда попал.

Чудом из чудес Кунсткамеры сразу же стал Готторпский глобус. Более трехсот лет назад в Шлезвиг-Гольштейн-Готторпском герцогстве, под наблюдением известного ученого и путешественника того времени Адама Олеария, создал его механик Андрей Буш. Все было на этом удивительном глобусе — и небо, и земля. Снаружи он был оклеен бумагой с нарисованными на ней очертаниями материков, островов, гор и морей. Глобус был таким большим (более трех метров в диаметре!), что через особую дверку можно было войти внутрь его и тогда увидеть

небо, усыпанное множеством звезд и даже вращающееся, точно повторяющее движение нашей небесной сферы. Глобус «по совместительству» был еще и одним из первых планетариев в Европе.

Хранился он в городе-крепости Тепинген. И случилось так, что в конце 1713 года русские войска освободили этот город от многомесячной шведской осады. Радости горожан не было предела! Опекун малолетнего герцога не уставая благодарил Петра I и, зная его любовь ко всяким диковинам, показал ему и глобус-великан. А когда русские войска покидали Тепинген, герцог сообщил Петру I, что в знак благодарности он дарит ему этот глобус.

Огромный нарисованный земной шар сам отправился в путешествие по настоящему земному шару. Сначала он пересек Балтийское море и прибыл в город Ревель (так тогда называли Таллин). С корабля пересел на сани. Впряглись в сани сотни крепостных и потащили их через поля, реки, овраги. Леса на пути вставали — прорубали в них просеки.

4 года путешествовал глобус, а прибыл на берега Невы — бездомным оказался: не было еще готово здание Кунсткамеры. «Поселили» его пока в зверовом дворе, в бывшем слоновнике. (Он ведь размером своим под стать слонам был!) А в июле 1726 года пересекла Неву небывалая баржа, сколоченная из трех судов и шлюпок, — перевезла глобус на правый берег, к зданию Кунсткамеры, над крышей которой уже пыталась достать низкие облака еще не достроенная башня. На нее-то и подняли глобус. Установили. И только тогда каменщики стали возводить стены башни. Глобус оказался внутри ее.

Стоять бы ему там и стоять, да пожар 1747 года по-своему распорядился. От «Готторпского чуда»

остались только железные обручи... Долго разглядывал их англичанин Скотт, но взяться за восстановление глобуса отказался. «Сие невозможно», — ответил он пригласившим его русским ученым.

Не рискнул английский инженер сотворить чудо — рискнул русский механик Тирютин. Помог ему другой русский — Андрей Нартов. И в 1754 году глобус-великан вновь принял посетителей. Только стоял он уже не в башне Кунсткамеры, а в специально построенном домике на Коллежском лугу, рядом с университетом.

Но и на этом «путешествия» глобуса не закончились. Минуло чуть более шестидесяти лет, глобусный домик обветшал, начал разваливаться, и в 1829 году глобус перевезли в Таможенный переулок, где располагался тогда Академический «музеум». В начале нашего века его увезли еще дальше — в Царское Село (ныне город Пушкин). Там его и застала Великая Отечественная война. Когда войска Ленинградского фронта в январе 1944 года освободили город поэта, глобуса там не оказалось. Нашли его лишь 3 года спустя — в немецком городе Любеке. Оттуда морем доставили в Архангельск, и тогда уже на огромной специальной железнодорожной платформе снова привезли в Ленинград.

Весною 1948 года в башне Кунсткамеры прорубили большой проем, с помощью блоков подняли на высоту пятого этажа глобус-«путешественник» и водрузили его в «собственную квартиру».

По старой памяти кое-кто еще называет это музейное чудо Готторптским глобусом. Наверное, это несправедливо. Ведь тот голштинский подарок погиб в огне пожара, а этот, новый, глобус создан русским мастером Тирютиным. И второе его имя —

Большой Академический глобус, конечно, более правильное.

Коли уж забрались мы по узким винтовым лестницам на башню Кунсткамеры, не будем спешить покидать ее. Не одним только глобусом знаменита башня, а и многими научными открытиями. Когда-то, более двухсот лет назад, из окон ее наводил на небо свои «ночезрительные трубы» великий русский ученый Михаил Васильевич Ломоносов.

26 мая 1761 года многие астрономы Европы направили свои трубы на Солнце. В тот день солнечный диск должна была пересечь планета Венера. Ждал этого момента и Ломоносов. Среди тысяч звезд Венера отыскалась легко. Вот она плывет, плывет к Солнцу, приближается, приближается и... Что это? В месте сближения Солнце начало тускнеть! До этого оно выглядело совершенно чистым, а тут вдруг стало мутноватым... Почему? Размышлять нет времени, хронометр отсчитывает секунды. Венера спешит оставить диск дневного светила, вот уже покидает его и... «Последнее прикосновение заднего края Венеры к Солнцу, при самом выходе, было тоже с некоторым отрывом и с неясностью солнечного края», — записывает ученый в журнале наблюдений.

Оторвавшись от стола, он вышагивает по комнате, на полу которой нарисован большой меридианный круг. Одна из линий, пересекающих круг, точно совпадает с меридианом, на котором стоит здание Кунсткамеры (теперь бы мы сказали: с Пулковским меридианом). Что же произошло там, на небосводе? Какую тайну хранит Венера?..

Вскоре Ломоносов выступил со статьей «Явление Венеры на Солнце». Подробно рассказав обо всем

увиденном, он сделал вывод, «что планета Венера окружена знатной воздушной атмосферой, таковой, какова обливается около нашего шара земного». Сколько Ломоносов вытерпел ругани в свой адрес, и сосчитать нельзя, а ведь прав оказался: позднейшие исследования ученых подтвердили его правоту.

Да разве только это открытие было сделано им в башне Кунсткамеры?

На заре нашего века все газеты мира писали о том, что американский ученый Хелл пришел к окончательному выводу: пятна на Солнце не что иное, как гигантские вихри раскаленных газов. Честь и хвала ученому! Жаль только, не читал он, видимо, трудов Ломоносова. Тот еще за полтора века до «открытия» Хелла писал о Солнце:

*Там огненны валы стремятся
И не находят берегов,
Там вихри пламенны крутятся,
Борющись, множество веков:
Там камни, как вода, кипят,
Горящи там дожди шумят.*

А теперь представьте на минуточку то время, когда над городом возвышалась одна-единственная башня науки и тянулись к небу десятки колоколен, колоколенок и церковных куполов. Сколько из-под этих куполов проклятий в адрес башни Кунсткамеры летело! Сколько кляуз на Ломоносова писалось царице! Иные, особо яростные церковники старались здание Кунсткамеры вообще сторонкой обойти, а уж коли этого не удавалось сделать, то, проходя мимо него по набережной, трижды плевались и осеняли себя крестным знаменiem. Но и Михайло Василье-

вич не сдавался. Церковники в церквах учение Коперника проклинали, а он стихи писал:

*...Что в том Коперник прав,
Я правду докажу, на Солнце не бывав.
Кто видел простака из поваров такова,
Который бы вертел очаг кругом жаркова?*

Этнография — наука, изучающая, как живут разные народы нашей планеты. Чтобы узнать это, надо побывать на всех материках, на дальних островах, исходить степи, леса и горы. Кто мог это сделать? В первую очередь — путешественники.

Шли они и плыли, пересекали на собаках заснеженные просторы тундры, с верблюдьми караванами отправлялись в пески пустынь. Вели они путевые дневники, собирали растения и минералы, открывали новые виды царства животных, встречались с людьми. Все интересовало неутомимых исследователей-путешественников. От одежды и украшений до телег и оружия. И конечно, были они неутомимыми собирателями. Этими-то собраниями и пополнялась Кунсткамера год от года.

В большом стеклянном шкафу стоит сейчас в музее фигура гавайского вождя Камеамеа I. На нем — плащ из птичьих перьев, на голове — замысловатая островерхая шапка. А за плечами — древняя история о плаваниях и гибели знаменитого английского капитана Джеймса Кука.

...30 ноября 1776 года корабли «Резолюшн» и «Дискавери» покинули дождливый Кейптаун и взяли курс в открытое море. Началась третья экспедиция Кука в южную часть Тихого океана. В январе 1777 года они уже были у берегов Тасмании, в августе

подошли к Таити, а в следующем январе открыли Гавайские острова.

Шли день за днем. Парусники бороздили волны океана, добираясь до холодного Берингова пролива и вновь возвращаясь в теплые воды южных морей. Корабли изрядно поизносились, текли, рангоут и паруса требовали ремонта. Это и заставило Кука в феврале 1779 года зайти в бухту Кеалакекуа на Гавайях. Тихой и приветливой была бухта. Но произошло столкновение с гавайцами, и Кук погиб. Сменивший его капитан Кларк повел суда на север. Во что бы то ни стало хотел он осуществить мечту Кука: найти проход во льдах Берингова пролива.

Увы! Прохода найти не удалось. Скрипевшие всеми мачтами суда были готовы рухнуть при первом же шторме. В трюмах оставалось совсем немного солонины, кончались запасы пресной воды. К счастью, на горизонте мелькнула полоска земли, и парусники устремились к ней.

Землей этой была Камчатка.

Русские казаки под командованием премьер-майора Магнуса Бёма несли здесь охрану самых восточных границ Российской империи. Изнуренных англичан встретили они приветливо. Снабдили их провиантом и корабельным припасом, помогли войти в Авачинскую бухту, стать на ремонт. Длился он 7 месяцев. Покидая гостеприимных хозяев, капитан Кларк в знак благодарности передал Бёму карту своих плаваний и коллекцию из тридцати трех диковинок островов Тихого океана. Были в ней опахала из разноцветных перьев, нагрудники, накидки, мантии, циновки, оружие. Был и плащ вождя Камеамеа I.

А в 1803 году в свое первое плавание вокруг света ушли и русские корабли — «Надежда» и «Нева».

Их капитаны И. Ф. Крузенштерн и Ю. Ф. Лисянский хорошо знали Кунсткамеру и, обогнув земной шар, привезли ей в дар деревянные боевые шлемы тлинкитов, деревянные шляпы алеутов, одежду эскимосов — всего свыше ста предметов с берегов Северной Америки, Сандвичевых и Маркизских островов.

Следом на шлюпе «Камчатка» отправился в кругосветное путешествие капитан В. М. Головнин — и снова Кунсткамера пополнилась орудиями труда и охоты, одеждами из кожи зверей и перьев птиц, фигурками идолов индейцев Америки.

К тайнам ледового панциря Антарктиды плывут шлюпы «Восток» и «Мирный». Их капитаны Ф. Ф. Беллинсгаузен и М. П. Лазарев тоже везут с собой наказ Кунсткамеры: изучать «нравы народов, их обычаи, религию, орудия и род судов, ими употребляемых».

В 1826 году капитаны Ф. П. Литке и М. Н. Станюкович повели в кругосветное плавание корабли «Сенявин» и «Моллер». На побережье Северного Ледовитого океана к устью Колымы отправилась экспедиция Ф. П. Врангеля и Ф. Ф. Матюшкина. Уехал исследовать горы Кавказа П. Г. Бутаков. Кунсткамера ждала новых поступлений.

Служил в Кунсткамере и настоящий рыцарь, преданнейший ей человек. Рода он был не знатного, и в царской России его постарались забыть. Только в наши дни трудами и заботами ученого и писателя Р. Ф. Итса была восстановлена справедливость и тысячи людей узнали о подвиге Ильи Гавриловича Вознесенского.

Был он сыном отставного унтер-офицера. Жил с отцом-инвалидом в каморке при Академии. Пяти лет от роду потерял Илья мать, и тогда отец взял

его за руку, привел к надсмотрителю Кунсткамеры Н. Я. Озерецковскому. Был надсмотритель человеком добрым, неутомимым ученым, хорошим организатором. Посмотрел он на маленького худенького Илью и определил мальчишку учеником в академическую типографию.

Стоя у наборных касс, Илья и читать научился. По-русски и по-немецки. А пристрастившись к чучелам зверей и птиц, быстро стал различать, к какому виду и классу животного мира то или иное чучело относится. За эту любовь и перевели Илью от наборных касс к чучелам. А там и в экспедицию взяли — в Закавказье.

Работал Илья бесплатно, за одну кормежку. Только в 1831 году, видя его старательность, назначили Вознесенского помощником препаратора и он впервые получил жалованье. А там пришло время и другой, очень серьезной работы.

В те годы в стране существовала Российско-Американская купеческая торговая компания. Занималась она промыслами на Дальнем Востоке, скупала меха на Аляске. Были у нее там свои поселения. Многие русские корабли, совершавшие кругосветные плавания, именно туда и плыли: к землям далеким, неизученным. В собраниях Кунсткамеры тоже почти отсутствовали какие-либо предметы из тех земель. И очень хотелось их иметь! Мечтали ученые послать туда академическую экспедицию, да как это сделать? Кто даст на нее денег?..

Поддержку нашли со стороны представителя Российско-Американской компании адмирала Ф. П. Врангеля. И был отправлен в далекую поездку через Атлантику да вдоль берегов обеих Америк 23-летний Илья Гаврилович Вознесенский.

Только через год пришло от него первое письмо. Писал Вознесенский о том, как много месяцев плыл на корабле «Николай», какие собрал коллекции в Бразилии и в чилийской бухте Вальпараисо. Это было началом.

Текли недели, складывались в месяцы. Илья Гаврилович неустойчиво обследовал незнакомые земли Калифорнии, собирал и собирал экспонаты «трех царств природы»: растительного, животного и людского. На корабль «Николай», собиравшийся домой, в Россию, погрузили 2 бочонка и 13 ящиков с собранными Вознесенским материалами. Чуть позже написал он в Петербург письмо: «После отправления всех собранных мною предметов по части этнографии, которые следуют на кругосветном корабле из Росса, — с того дня и до сего времени я не имел благоприятного случая делать мену с индейцами. Ныне же, предпринимая путь на несколько миль внутрь Калифорнии, я надеюсь там, по уверению туземцев, найти некоторые жилища племен индейцев, кочующих по реке Рио-дель-Сакраменто. При мирных обстоятельствах я буду стараться приобретать всевозможные вещи от жителей сей страны».

Чудом вернулся он из того похода. Выбирая в темноте место для ночлега, Вознесенский и его спутник даже не заметили, что устроились под священным для местных индейцев столбом с поперечными перекладинами, похожими на крылья ворона. Проснувшись они связанными по рукам и ногам. Вокруг кричали, размахивая каменными топорами, индейцы. пылал костер. Объясниться с индейцами не удалось. Они не понимали друг друга.

Спас ученого местный креол Аши да еще счастливый случай. Прежде всего индейцы бросили в костер

одеяла путешественников, их ружья и патронташи. В тот момент, когда на поляну вышел Аши, успевший одеться в наряд священного для племени ворона, в костре начали рваться патроны. В страхе индейцы кинулись прочь.

...Накидка из вороньих перьев — кукшуй, — в которой вышел тогда к костру Аши, и сейчас хранится в музее.

10 лет продолжалась эта удивительная экспедиция в составе одного человека. 150 ящиков с 6 тысячами экспонатов пополнили собрания Кунсткамеры.

Когда в 1849 году Илья Гаврилович вернулся наконец в Петербург, ученые даже решились испросить для него награду. «Конференция Академии наук, — писали они, — свидетельствует, что многотрудное поручение последней экспедиции исполнил Вознесенский с самоотверженностью и совершенным успехом. Ученые плоды этой замечательной экспедиции богатством, разнообразием и важностью превзошло все ожидания Академии».

Но — увы! — в царской России не заслуги перед родиной, а происхождение было превыше всего. Сыну солдата-инвалида был лишь «пожалован» чин губернского секретаря. Приравниали его к чиновникам, и только.

Три сослуживца да оставшаяся сиротой маленькая дочь провожали его в последний путь...

А музей рос. Обогащался новыми и новыми экспонатами.

Еще в 1780 году скульптору М. Павлову было предложено изготовить «для разного курioзного платья азиатского несколько манекенов с натуральными к тому лицами и прочим прибором». Из холста и войлока, с восковыми лицами и руками, стеклян-

ными глазами создал скульптор одиннадцать фигур: китайца и китайки, японца, эвенка, ханта, киргиза, ненца, алеута и других. Появились и два деревянных манекена: шамана и шаманки.

Посетителей сразу прибавилось. С каждым годом их становилось все больше. Залы музея уже не могли вместить всех желающих посмотреть коллекции. Были введены билеты для входа в музей, раздававшиеся бесплатно. В газете «Санкт-Петербургские ведомости» извещалось, что Кунсткамера открыта для посещения по вторникам и четвергам с 9 до 11 часов до полудня и с 2 до 6 часов после него.

К началу XIX века поток посетителей еще более возрос. Музейные служащие жаловались на «всегдашнюю доуку, причиняемую канцелярии любопытствующими видеть Кунсткамеру, настоятельными требованиями для входа билетов». Билеты пришлось отменить.

Вряд ли какой другой музей мог похвастаться в ту пору подобной посещаемостью.

Новые же коллекции продолжали поступать. Их экспонаты уже не помещались в шкафах и на стеллажах, годами лежали в нераспакованных ящиках. Да и различным наукам уже тесновато было жить вместе. Они тоже росли, развивались, все больше обособливались друг от друга.

В 1836 году Кунсткамера разделилась. Из ее собраний образовались семь самостоятельных музеев: Минералогический, Ботанический, Зоологический, Нумизматический, Азиатский, Египетский и Этнографический. Все они разместились в двух соседних зданиях.

Какими они стали, можно видеть хотя бы на примере одного Зоологического музея. 40 тысяч видов

млекопитающих, птиц, рыб, земноводных, пресмыкающихся, беспозвоночных представлены сейчас в его экспозиции. А если заглянуть в фонды Зоологического института Академии наук СССР, то тогда цифры могут и ошеломить. Свыше 100 тысяч млекопитающих, 175 тысяч птиц, 25 тысяч земноводных и пресмыкающихся, 160 тысяч рыб, более миллиона раков, крабов, медуз, червей, губок, кораллов, свыше 12 миллионов насекомых собраны сейчас под одной крышей! В музее хранятся чучела редчайших животных, уже не существующих на планете, вымерших, истребленных: американский странствующий голубь, сумчатый волк, водное млекопитающее — стеллерава корова. Здесь можно увидеть мумии крокодилов, препарированных еще жрецами Древнего Египта, тысячелетиями хранившиеся в пирамидах.

И конечно, любой из посетителей музея спешит посмотреть на чучело мамонта и мумию маленького мамонтенка.

В здании же Кунсткамеры остался Этнографический музей. 10 января 1879 года Государственный Совет постановил: «Учредить вместо существовавшего при императорской Академии наук анатомического музея... из принадлежащих ему коллекций, а также коллекций этнографического музея — Музей по антропологии и этнографии преимущественно России».

И снова разъезжались экспедиции по нашей стране, ученые Петербурга забирались в самые отдаленные уголки нашей планеты.

В музее было много экспонатов из Европы, Азии, Южной и Северной Америк, но почти ничего с Африканского континента. И вот петербургский ученый В. В. Юнгер по собственному почину и на свои личные средства отправляется в Африку,

забирается в самые ее глухие, отдаленные районы, посещает народы дотоле лишь смутно известные по именам: азанде, калика, бонго, монбету, баньеро, пигмеи...

Вернувшись домой, В. В. Юнгер привез с собой почти 2 тысячи различных предметов: орудия охоты и рыболовства африканцев, музыкальные инструменты, одежду. Дома у него образовался целый музей. Конечно, и туда нагрянули посетители. В «Санкт-Петербургских ведомостях» какой-то посетивший ученого иностранец сокрушался: «Было бы очень жалко, если бы эта великолепная коллекция осталась на родине у собирателя, потому что Берлин и Лондон были бы очень счастливы приобрести эти коллекции». Юнгер подобные предложения отклонил сразу же. Все собранное он безвозмездно отдал Русской Академии наук. Его коллекция заняла достойное место в музее над Невой.

Тяжело больной Илья Гаврилович Вознесенский ждал посетителя. Предупрежден был, что с ним хочет повидаться ученый Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Свидание затянулось до позднего вечера. Собирающемуся плыть на далекие острова Океании Миклухо-Маклаю Илья Гаврилович дал массу советов, рассказал о собственных странствиях, о том, как заводил знакомство с почти дикими народами и племенами, — в дальней экспедиции все могло пригодиться.

27 октября 1870 года корвет «Витязь» увез Миклухо-Маклая в далекое путешествие.

А теперь позвольте рассказать вам одну маленькую историю.

Стоит в музее «Папуас, стреляющий из лука». Не живой, конечно, а музейный. Но все равно как живой. Сделанный по рисункам с настоящего папуаса. У него даже есть свое имя: Бонем. И, как у каждого человека (и у каждого экспоната), есть своя история.

Бонем был храбрым воином. Может быть, даже самым храбрым в Горенду. Таким, как его отец Туй.

Правда, был один случай, когда Бонем немножечко растерялся. Но ведь тогда испугались все! И люди Бонгу, и люди Богати, и люди Гумбу... Никто никогда не видел такого странного, совсем белого человека, который сошел с огромной пироги прямо на их остров.

Первым перестал бояться Туй. Он вышел из лесу к белому человеку. «Гаре-тамо» — «человек в одежде» — шагнул к Туе, стукнул себя в грудь и сказал: — Маклай!

Отец Бонема тоже стукнул себя в грудь и сказал: — Туй!

Так они познакомились, а потом и подружились. Сначала Туй. Потом Бонем. Потом все жители Горенду. И все жители Бонгу. Все полюбили «тамо-руса» Маклая.

Он никогда никого не обижал, лечил людей от болезней, дарил подарки и даже научил папуасов выращивать очень вкусное растение со смешным названием «тыква».

Все люди Новой Гвинее говорили о нем: «Эме-ме! Отец...» И еще: «Э-аба! Брат...» И все просили его навсегда остаться в одной из деревень.

Но «тамо-рус» уехал. Куда-то далеко-далеко. Наверное, на Луну. Ведь он был еще и «каарам-тамо» — «человеком с Луны».

«Тамо-рус» был великим волшебником. Он уехал и увез с собой Бонема. Он сделал это очень просто: взял черную палочку, поводил ею по белой бумаге — и Бонем оказался на белом листе. Совсем как живой! А потом далеко-далеко люди развернули бумагу, посмотрели на Бонема и снова дали ему лук и стрелы. И поселили в доме с большими окнами. Он стоял в полный рост, натягивая тетиву своего лука, который всегда верно служил ему. И грудь Бонема была украшена клыками кабана, чтобы всем было видно: Бонем не трус! Эти украшения он сам подарил когда-то «тамо-рус» Маклаю.

Множество людей приходило смотреть на него. И все видели, какой Бонем храбрый воин! Жалко только, что очень уж давно не заходил Маклай... Но Бонем верил, что «тамо-рус» где-то недалеко. В этом городе над широкой рекой по имени Нева, где вдруг за окном начинали летать белые мухи, люди залезали в меха зверей, а Нева пряталась под такую же белую бумагу, как та, на которой рисовал Маклай.

Бонем ждал год и еще год. 10 лет и еще 10 лет. И однажды он увидел, как темное небо над городом разрезали белые лучи. И начал расти, приближаясь, неприятный грозный вой. Потом раздался оглушительный грохот. И снова страшный грохот. И еще... Взметнулись к тучам языки пламени.

Бонем понял: на город его друга напали враги. Они хотят сжечь все хижины и убить всех «тамо-русов» — друзей и братьев Маклая!.. В грохоте Бонем не расслышал сигнала большого барабана, но он понял: пришли люди другого племени. Злые люди. Враги.

Бонем был воином. Храбрым воином. И он не мог оставить друзей в беде. Конечно, у него не было

такой «гром-палки», какая была у Маклая. Но у Бонема был лук! Много лет Бонем натягивал его тугую тетиву, зажав пальцами стрелу с острым наконечником. Много лет он показывал людям, как надо стрелять из лука. Теперь было не до показов. Враги приближались к городу Маклая!..

Новый грохот ворвался в окна. Закачались стены. Зазвенели стекла. Какой-то осколок впился в палец руки...

И тогда Бонем спустил стрелу.

Он не видел, куда она полетела. Он знал: она полетела во врагов. Она обязательно найдет их. И поразит в самое сердце.

...Вот такая история. Если хотите — быть.

В годы Великой Отечественной войны старое здание Кунсткамеры опустело. Ушли защищать свою страну его посетители.

Ушли на фронт и девятнадцать сотрудников музея. Оставшиеся спасали коллекции. Экспонат за экспонатом упаковывали они в ящики и переносили в подвалы, в бомбоубежище. На вышке оборудовали наблюдательный пост. Мешками с песком и кирпичами заложили окна стены, на которой появилась надпись: «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна». В залах появились ящики с песком, огнетушители, щипцы для выбрасывания зажигательных бомб.

Падали на здание старой Кунсткамеры «зажигалки», снаряды, лютый холод насквозь промораживал стены, но горстка женщин отстаивала собранное годами. Изможденные, они еле передвигались по залам и коридорам, но не ушли со своего поста. Двадцать

восемь из них погибли от голода. После войны подсчитали, что только шестьдесят восемь предметов было попорчено. И то молью.

...А в 70-х годах нашего века возле берега Миклухо-Маклая в Новой Гвинее снова появилось судно из далекой страны «тамо-руса» — «Дмитрий Менделеев». И снова на берег сошли ученые-этнографы. Они установили на высоком утесе памятную плиту в честь Н. Н. Миклухо-Маклая и продолжили его дело. Пошли к папуасам в их жилища, стали изучать их жизнь, интересоваться теми изменениями, что произошли за промелькнувшие 100 лет.

Я уже говорил, что музей — это коллекция. А коллекция — всегда живая. Постоянно пополняется она новыми и новыми экспонатами.

Появилась в музее модель плота «Кон-Тики». Плот привез дары другого путешественника — Тура Хейердала. Ученые Кубы, Мексики, Японии, Дании прислали в дар музею большие коллекции. Сейчас в его фондах хранится свыше 600 тысяч предметов. И ни один из них не должен лежать молча. Ведь за каждым — жизнь его народа.

Знаете, сколько народов живет сейчас на Земле? Свыше 2 тысяч! И если мы хотим с ними дружить, значит, нужно все о них знать.

Этому и служит наука этнография. Ради этого ученые-этнографы и идут по ее таинственным тропам.

С далеких островов Океании Н. Н. Миклухо-Маклай привез странные деревянные дощечки, сплошь покрытые каким-то замысловатым узором. То ли это был просто украшающий дощечки рисунок, то ли что-то написано... Первым разгадать тайну дощечек взялся школьник — Борис Кудрявцев. «Это не рисунок, — сказал он. — Это письмо древних. В нем

можно даже выделить отдельные фразы». Довести работу до конца Борису Кудрявцеву не удалось. Он погиб в годы Великой Отечественной войны.

А вот язык древних майя удалось разгадать. Ученый-этнограф Юрий Валентинович Кнорозов расшифровал знаки их древней письменности, и наши современники узнали историю древнего народа. За этот научный подвиг Ю. В. Кнорозов был удостоен звания лауреата Государственной премии СССР.

Но как быть с историей тех народов, которые вообще не имели своей письменности? Тут уж необходимо заставить заговорить вещи, изучить древние предания, легенды, обычаи!.. Сотни километров прошел и проехал по Южной Сибири другой ленинградский ученый-этнограф — Леонид Павлович Потапов, сотни музейных экспонатов прошли через его руки. Но зато теперь тувинцы и хакасы, алтайцы и шорцы получили записанную в книгах историю своих народов. За этот труд — «Очерки истории алтайцев» — Л. П. Потапов был удостоен Государственной премии СССР.

...Сразу за дверями музея посетителей встречает страшное чудовище: Ракшас — «дух пожирателя людей», прибывший сюда с острова Шри Ланка. Рядом — бог охоты одного из горных племен Вьетнама, похожий сразу на тигра со шкурой леопарда, на обезьяну, на носорога с бивнями слона и вообще на какое-то чудовище. Стоит тотемный столб древнего племени с берегов Амура. Кажется, что они хотят испугать посетителей. Нет-нет, это не так. Чудовища говорят лишь о том, что путь этнографа долог и труден, поиску нет конца и совсем не надо бояться трудностей, встающих на первых шагах. Надо идти и искать.

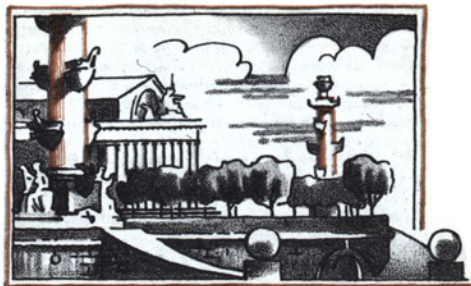
Новые экспедиции уходят в необъятные просторы тайги. Собачьи упряжки несут ученых по заснеженной тундре. Этнографов ждут тайны каменных гор и пальмы далеких островов. Нет на Земле такого народа, которому не была бы дорога его история. Безмерно благодарны они каждому ученому, который откроет хоть одну новую страничку жизни их древних предков.

У этнографов еще много неразгаданных тайн. Еще не прочитаны письмены древних обитателей острова Пасхи, летописи инков, рапануйцев и многих других народов.

И все это очень интересно!

Наверное, именно поэтому у дверей старой Кунсткамеры в Таможенном переулке всегда стоят очереди желающих войти в эти двери, своими глазами увидеть богатства первого музея нашей страны. Старая Кунсткамера и мечтать не могла о подобном! Но все равно она приветливо открывает двери каждому, кто идет к ее коллекциям, кто хочет пройти по ее коридорам, словно по материкам, островам, странам, морям, и даже — заглянуть в древние века.

СТРЕЛКА

В 1734 году на Васильевском острове выросло над Невойю новое здание — Кунсткамера. По тем временам огромное, в три этажа! А посередине еще высокая башня!

Понравилась петербуржцам башня. И простому люду, и людям военным, и людям ученым, а особенно — художникам. И то сказать: заберись на нее — весь город перед тобою как на ладони!

Художники и забирались. Один за другим. Теперь по их рисункам можно судить, как менялась петербургская панорама, как быстро строился город.

Впрочем, обо всем городе мы говорить не будем. Для такого рассказа не одна книга нужна. Об одном бы уголке рассказать успеть, о Стрелке Васильевского острова.

В 1805 году поднялся на башню Кунсткамеры художник Аткинсон. Дотошно, скрупулезно зарисовал он дома по обеим сторонам реки, парусники на ней, Петропавловскую крепость... Стрелка Васильевского острова была у него прямо внизу, почти под ногами. Сверху увидел на ней художник черепичные крыши, здания таможни, складов-пакгаузов. Волна речная прямо в их стены бьет: набережных никаких нет. Да и откуда им взяться? Молод еще город. Всего-то ему 100 лет. А городу один век что человеку один год.

Давно ли по Переписной окладной книге Водской пятины земель новгородских значилось на Васильевском острове всего лишь шестнадцать дворов рыбных ловцов!.. Карта 1698 года отметила на Стрелке всего лишь три домика.

Но годы бежали серыми тучами, белыми облаками. Вот уже и Петропавловская крепость шпилем своим золоченым облака достала, а Васильевский остров все не заселялся. 5 января 1724 года даже строжайший указ последовал: «Объявить всем, которые дома имеют в С.-Петербурге на Московской стороне и на Петербургском острове, дабы к 1725 году конечно переезжали жить на Васильевский остров...». А дальше — еще грозней: «Ежели кои в 1725 году не переедут, и у тех все дворы их будут не только сломаны, но они, их хозяева, сами на Васильевский остров жить выселяются неволею в черные избы».

Даже для иностранцев никаких поблажек не делалось. Живший в то время в Санкт-Петербурге прусский посланник Мардсфельд сетовал: «Так как окончательно решено, что настоящий город будет находиться на Васильевском острове, то было приказано жителям Немецкой слободы перебраться туда...

Дома для „подлых“

Дома для „чменитых“

Дворец Меншикова

Жители находятся в отчаянии: их лишают домов, садов, теплиц, а потом по произволу заставляют на новых местах опять селиться, а все живущие на реке должны строить каменные дома».

Каменные дома!.. В ту эпоху это было ох как нелегко! Ну-ка, достань этот камень! Ну-ка, привези его на остров! Ну-ка, возведи стены на болотине! Вон стали здание Двенадцати коллегий строить, так под фундамент, ни много ни мало, 4 тысячи 3-саженных свай загонять пришлось!..

Не одну неделю просидел архитектор Трезини над листами бумаги. План застройки острову вычерчивал. Начертил на нем квадраты домов, линии каналов будущих... Самый большой канал Доменико Трезини намечал провести на месте нынешнего Большого проспекта, от взморья до Стрелки. Чтобы суда купеческие насквозь через остров проходили.

Тут же Трезини наметил и какие дома строить. Три типа зданий изобрел. Для «именитых» горожан, для «зажиточных» и для «подлых». И чтобы не своевольничать! Как нарисовано, так и строй!

Только тот же Трезини в 1722 году докладывал генерал-губернатору А. Д. Меншикову, что роздано на Васильевском острове 400 участков, а застраиваться начали всего лишь 142...

Не спешили петербуржцы заселять остров. Да их и понять можно. Нева — река немалая, заберись на остров — считай, от всего отрезан! Мостов нет, на лодках перебираться — невеликая радость!

За первые 10 лет застроились на Васильевском острове только разве что кусочек набережной Невы, Большой проспект, да несколько линий дотянулись до Среднего проспекта. У взморья Трезини построил Галерную гавань, поселились вокруг корабель,

матросы. При входе в гавань с моря установили деревянные башенки-кроншпицы. Правда, вскоре они сгорели при пожаре. В камне их перестроили.

Что же касается каналов, то только три из них начаты были. По Кадетской (ныне Съездовской) линии, между 4-й и 5-й линиями и между 8-й и 9-й. Да еще в 1730 году перед зданием Двенадцати коллегий канал вырыли. Просуществовали эти каналы недолго. В 1776 году «Комиссия о Санкт-Петербургском строении» повелела их закопать, «так как от них... бывает одна грязь и происходит дух вредительный здоровью».

Все-таки поначалу силком, а потом и сами люди потянулись на остров. Что ни говори, но там порт, Гостиный двор, суда с заморскими товарами!

В 1722—1732 годах встали боком к реке, но зато плечом к плечу здания Двенадцати коллегий, построенные тем же неутомимым Доменико Трезини. Разместились в них Коллегия иностранных дел, Военная коллегия, Адмиралтейств-коллегия, Коммерц-коллегия (ведавшая государственными доходами), Ревизион-коллегия, Берг-коллегия (управлявшая горной промышленностью) и еще шесть. Выстроившиеся как по линейке здания протянулись почти на 400 метров. И лишь двенадцать отдельных крыш свидетельствовали, что домов под ними целая дюжина.

Почти полвека проработали коллегии на Васильевском острове, покуда императрица Екатерина II в 1763 году не разделила Сенат российский на шесть департаментов. И тогда даже двенадцать зданий не смогли вместить их. Два департамента переехали в Москву, остальные четыре перебрались на левый берег Невы, в дом бывшего канцлера А. П. Бестужева-Рюмина.

Перед зданием Двенадцати коллегий почти до конца XVIII века простиралась обширная площадь — до самого конца Стрелки Васильевского острова, где на отмели выстроен был большой помост «Театриум». В праздники зажигались на нем потешные огни, устраивались фейерверки, разыгрывались представления. Площадь же замощена не была, весной и осенью утопала в грязи, превращалась в такое болото, что хоть иди по ней, хоть в лодке плыви!

От центра площади тянулись к Неве сараи с товарами из-за океана, а потому и прозванные «Америкой». В середине площади стоял восьмигранный «каменный о двух этажах покой», построенный для Готторпского глобуса.

Только ведь ежели это площадь, а не пустырь, должна она быть окружена какими-то зданиями! Они и появлялись одно за другим. Выросло здание Кунсткамеры, башню которого так полюбили художники. В глубине Стрелки Трезини поднял стены Гостиного двора. С другой стороны в 1783—1789 годах пристроилось рядышком с Кунсткамерой здание Академии наук.

Построил его архитектор Джакомо Кваренги. В 1779 году оставил он родную Италию и прибыл на берега Невы. Что и говорить, с опаской ехал он в далекий, дикий (как ему говорили) край, в холодный северный город. Но Петербург не только тепло встретил, но и немало удивил архитектора. День за днем ходил Кваренги по его улицам, набережным и восторгался. Какая планировка! Сколько рек и каналов! Широкая красавица Нева! Огромное строительство! Вот уж действительно есть где руки приложить.

Правда, строить он начал не в столице, а в пригородах. Построил дворец в Английском парке

Петергофа, госпиталь в Павловске, церкви в Пулкове, Кузьмине, Московской Славянке, Федоровском посаде.

Проработав 4 года в России, он пишет своему другу граверу Вольпато: «У меня так много-много работы, что я едва нахожу время есть и спать. Без преувеличения могу сказать Вам, что среди тех многочисленных зданий, относительно которых императрица пожелала, чтобы их проекты были составлены мною и чтобы я руководил их постройкой, нет ни одного, которое не требовало бы для этого всего человека».

Словно в подтверждение этих слов, в том же году Джакомо Кваренги приступил к строительству здания Академии наук.

Академии наук шел уже шестой десяток лет, а здания своего она до сих пор не имела. Началась ее работа в доме барона Шафирова на Березовом острове, потом работала во дворце Прасковьи Федоровны, в доме Строганова и князя Лопухина на Васильевском острове, держала свою библиотеку в Кунсткамере... Пора было ей и своими хоромы обзаводиться!..

Здание Академии и воздвиг Кваренги — красивое, монументальное, с восьмиколонным ионическим портиком, поддерживающим фронтон, с широкой лестницей перед главным входом.

Здание это хорошо видно с Невы, с набережных. Рассказать же, наверное, следует скорее о том, чего снаружи не разглядишь, что здание Академии наук украшает, является его гордостью.

Речь идет об огромной мозаичной картине на стене внутри здания Академии. Создана она великим русским ученым Михаилом Васильевичем Ломоносовым.

Был Михайло Васильевич астрономом и геологом, химиком и географом, физиком и почвоведом, писал стихи. А однажды привели его в восторг два античных портрета, привезенных из Италии в Петербург. Портреты были не на холсте нарисованы, а набраны древним художником из мельчайших кусочков прозрачного стекла — смальты. Было портретам по 2 тысячи лет, а выглядели они так, словно вчера лишь созданы.

Очень заинтересовали Ломоносова мозаичные портреты. Как делали эти тысячи разноцветных кусочков? Как окрашивали? Как приклеивали? Об этих древних секретах портреты молчали. И ученый приступил к опытам.

Кипит в тиглях стекло, плавится. Одна неудача, другая, третья... Счету им нет! Но вот уже и получен первый кусочек смальты — свой, русский! Сколько же их на картину нужно? Наверное, многие тысячи. Необходим целый завод цветного стекла, и в том числе смальты. Ломоносов добывается своего. Неподалеку от Ораниенбаума, в Усть-Рудице, создается такой завод. Новому заводу нужны мастера, ученому — ученики. Он сам набирает их. Матросского сына Матвея Васильева, молодого мастера придворной конторы Ефима Мельникова, других.

Вот уже и первая работа готова: портрет Петра I, что хранится сейчас в Эрмитаже. Но ученому-художнику портрета мало! Хочется создавать целые картины! Чтобы жили на них и люди, и кони, знамена и ордена сверкали! Нужна мастерская. Ломоносов строит и ее — прямо во дворе своей усадьбы, что находилась на участке между домом № 61 по нынешней улице Герцена и домом № 16/18 по нынешней улице Союза Связи. Вместе с учениками сооружает ученый

огромный станок. На нем укрепляется такая же огромная медная «сковородка» в полторы тонны весом. На нее-то и будут потом приклеиваться отдельные разноцветные стеклышки. Громадина «сковородка» легко поворачивается в любую сторону, принимает любое положение, необходимое художнику. Создана и специальная мастика, которой под силу удерживать тысячи кусочков смальты.

Началась работа над созданием «Полтавской баталии». Ученый сам оставил нам ее описание. О картине он рассказывает так: «Наперед изображен Петр Великий, на могучей лошади верхом, лицом в половину профиля; облик нарисован с гипсовой головы, отлитой с формы, снятой с самого лица... Представлен Петр Великий в немалой опасности, когда он в последний раз выехал к сражению при наклонении в бегство Карла Второгонадесять; наперед и позади генералы и солдаты, охраняя государя, колют и стреляют неприятелей».

...Работает Ломоносов. Рисует на больших листах бумаги отдельные сцены. Тонкой иглой прокалывает линии рисунка, штрихи. Кладет лист на мастику, насыпает его белым порошком. Потом лист долой — и на мастике контуры будущего изображения. Можно приступать к набору смальт.

Три с половиной года создавалась картина. В 1764 году была приклеена последняя крупинка смальты. А в следующем году великий ученый умер. И словно бедной сиротой осталась его работа. Никому-то до нее дела не было!..

40 лет простояла она в мастерской всеми забытая. Потом все же вспомнили, перевезли картину в Академию художеств. Дальше попала она в академическую литейную, что находилась на 5-й линии Васильевского

острова. И тут ее какие-то «умники» заштукатурили, покрасили...

Более ста пятидесяти лет творение Ломоносова пребывало в забвении. «Полтавскую баталию» снова нашли, «открыли» лишь в 70-х годах прошлого века, А новую жизнь картина получила лишь при Советской власти.

Когда в 1925 году праздновалось 200-летие нашей Академии наук, «Полтавскую баталию» привезли наконец туда, где ей и надлежало быть: в здание Академии наук на Университетской набережной. Здесь она стала настоящим памятником основателю Российской Академии наук Петру I и художнику, первому русскому академику Михаилу Васильевичу Ломоносову.

Неторопливо бегут по Неве волны, однако сколько их за годы-то пробежит! С того времени как забирался на башню Кунсткамеры художник Аткинсон, 12 лет промелькнуло. Поднялся туда другой художник — «пространственный живописец» Анджелло Тозелли. Четыре года свою картину писал и вроде совсем другой город увидел.

Прежде всего, людей на Васильевском острове прибавилось. Матросы, художники, ремесленники, солдат в кивере с султаном, молочница несет привязанные к коромыслу бутылки с молоком, около дрожек ждет седока извозчик-«ванька», неподалеку другие извозчицьи дрожки — под названием «гитара», — на которые садились либо боком, либо верхом. Всех их на картине А. Тозелли разглядеть можно.

Возле здания Академии наук притулились будки и навесы для животных Зоологического музея,

рядом — Ботанический музей свои грядки раскинул, забором обнес. Возле здания Двенадцати коллегий уже не чиновники снуют — студенты прохаживаются. Вот они в панораме: в белых брюках, в вицмундирах, в фуражках. Первые студенты Петербургского университета, учрежденного в 1819 году!

И на Стрелке народу полно. Гуляют. На корабли посматривают. Вот причалит сейчас иноземное судно, что стоит в Неве, и закипит торг! Хочешь — устрицы покупай! Хочешь — раковины и кораллы! А может, обезьянку желаете? Или попугая, что по-заморски говорит? Надо же, невелика птица, а иностранные языки знает!

Иностранные купцы прямо на набережной торгуются, хитрят, обмануть норовят. Эх, нет на них Александра Николаевича Радищева! Он здесь, на Стрелке, много лет проработал. В 1780 году назначен был сюда на должность помощника начальника петербургской таможни. Через 10 лет стал и начальником ее. По долгу службы следил он за охраной привезенных товаров, наблюдал за строгим соблюдением таможенных тарифов, ловил контрабандистов. При нем никаким взяточникам, казнокрадам, жуликам было недобровать! Простые люди и те знали: коллежского советника Радищева ни подкупить, ни запугать нельзя. Но никто не знал, что, едва закончив хлопотливый день, садился начальник таможни в лодку и плыл на Петровский остров. Там, в небольшой усадьбе, в деревянном двухэтажном домике, коллежский советник становился писателем и борцом за угнетенную Россию. (Сейчас это место занимают дома № 1—7/2 по Петровскому проспекту.) Летом 1789 года здесь была дописана последняя глава книги «Путешествие из Петербурга в Москву».

...На картине Д. Аткинсона можно увидеть недостроенное здание биржи. Крыши на здании пока нет, и потому его красные кирпичные стены выглядят сверху, как огромная буква «Ф». Такой начал строить биржу Джакомо Кваренги. Начал, да не достроил. А может быть, и к лучшему это. Не очень он ее удачно расположил. Она у него не на Неву смотрела, а больше на Зимний дворец косилась. Особняком от остальных зданий Стрелки стояла.

На панораме А. Тозелли от кирпичной буквы «Ф» не осталось и следа. Красуясь белыми колоннами, словно древний античный храм, встала новая биржа. Построил ее архитектор Тома де Томон. Впрочем, в дни строительства на Стрелке весь цвет архитектуры Петербурга собирался. Стоял с раскрытыми чертежами строитель нового здания Адмиралтейства Андреян Захаров. Сновал рядом с ним, споря, маленький и быстрый Томон. Прохаживался молодой Карло Росси. Поглядывал на Неву рассудительный Осип Лукини. В сторонке стоял и старый Кваренги, смотрел, как разбирали стены его биржи. Он на то не был в обиде, немало других славных зданий построил на Неве: помимо Академии наук, еще Смольный, Эрмитажный театр, Конногвардейский манеж, Ассигнационный банк...

Больше всех волновался Захаров, упрекал Тома де Томона: «Что же это вы предлагаете? Свет в зале через стеклянный потолок! Сие же вам не Италия, не милая вам Швейцария — Россия это! Зимой снегу навалит на крышу вашу стеклянную — тьма-тьмушая в зале будет. Нет, никак верхние фонари невозможны!».

Тома де Томон спорил, но соглашался.

Стены биржи росли, вставляли белыми колоннами,

украшались скульптурными группами, ниспадали гранитными ступенями. Перед зданием, поближе к реке, архитектор поставил два каменных маяка, украсил их декоративными носами древних кораблей — рострами. Потому и стали называть маяки Ростральными колоннами.

И набережная появилась. Ровненькая, гранитная! С пологими спусками к воде — пандусами, с гранитными шарами на них.

Стоп, стоп, стоп!.. Река-то отступила, что ли? Раньше ведь ее волны стучали прямо в стены старой биржи... А новая точно на месте старой стоит...

Все правильно: река отступила. На 123,5 метра. Не сама по себе, конечно, отступила. Люди ее чуть-чуть «подвинули», насыпали искусственный мыс. Потом уже мыс гранитом одели. Красиво и прочно умели строить петербургские мастеравые!

Сейчас гостей Ленинграда возят комфортабельные «Икарусы». Экскурсовод в микрофон командует: «Посмотрите налево!.. Взгляните направо!.. Слева от вас... Справа по ходу автобуса...» У бедных гостей к вечеру шея болит. От верчения головой. А в голове полная неразбериха от множества имен великих архитекторов. Трезини! Растрелли! Захаров! Воронихин!..

Но уж коли мы сейчас на Стрелке Васильевского острова задержались, давайте не об архитекторах — о мастеровых людях вспомним. И в первую очередь о каменотесе Самсоне Суханове. Архитекторы на нас за это не обидятся. Самсон с ними бок о бок работал и великим уважением пользовался.

Если бы о Самсоне Суханове книгу писать, то можно было бы создать исторический роман. А можно — приключенческую повесть. Удивительно богатой

была у него жизнь. С такими сюжетными поворотами, которые сидя за письменным столом и не выдумаешь!..

Где-то в глухой деревушке на Вологодчине родился в семье пастуха Ксенофонта Суханова сын. Имя ему дали — Самсон. Понятно, ни сам он, ни отец его не знал, что Самсон — в древних мифах силач необыкновенный. Но вроде угадал деревенский поп, давая такое имя мальцу.

Рос мальчонка непоседливым, но толковым. Рисовать любил на бересте. Из глины человечков лепил. Только недолго это «баловство» продолжалось. В девять лет пошел он работать к богатею за прокормление да за четвертак в год. До пятнадцати лет таскал воду, колол дрова, скотину пас, конюшню чистил. А потом взял да и махнул на Каму — из батраков в бурлаки. Повела его бурлацкая лямка по берегам рек, по Каме да по Волге — до Нижнего Новгорода, по Двине — до Архангельска. Удивил парня город на берегу Студеного моря. Удивил и приворожил словно. Захотелось самому двинуться на неведомый Грумант (как называли тогда Шпицберген). Нанялся Самсон в зверобойную артель и ушел в неведомый, могучий Северный Ледовитый океан. Моряки да поморы знают: не всякий человек может с океаном дружбу водить. Для этого и отвага нужна, и сила упругая. У Самсона нашлось и то, и другое.

Не раз, не два ходил Суханов на звериный лов к далеким островам. А когда не уплывал на маленьких скорлупках, валил лес, тачал сапоги, точил ложки, отливал якоря на Якорном заводе. Ко всякому делу руки у него приспособлены были. То ли среди рабочих-литейщиков, то ли среди моряков-поморов, а может, еще и от бурлаков услышал Самсон

о стольном городе Санкт-Петербурге. Когда женился, узнал: работает там брат жены его. И однажды ушел туда из Архангельска с обозом палтусины, сельди да семги. В ту пору было Суханову уже под тридцать, много он уже всяческих работ перепробовал, но не думал, не гадал Самсон, что там, в столице российской, найдет он свое главное дело.

Родича Самсон отыскал на каменных ломках. Тот строил Михайловский замок. Стал и Суханов приглядываться к работе каменотесов. Работа тяжелая, но интересная. Камень, он ведь крепкий, как железо! С ним, словно со льдинами в море, сражаться надо. И в то же время — с умом. Чуть не так ударишь — расколется, вся работа пропала. Опять же у каждого камня характер свой, который понять надо. «По мне работа!» — решил Самсон и пошел к подрядчику наниматься.

Камень Суханову подчинился быстро, а работа пошла так легко, что вскоре он свою артель сколотил. Люди шли к нему в артель тоже охотно, видели: человек бывалый и справедливый, нравом веселый, мастер дотошный. В свободное время грамоте выучился, теперь книги с цифрами листать принялся, учиться архитектурные чертежи читать. С таким не пропадешь!

Подрядчики, архитекторы тоже Суханова заметили, стали поручать ему работы посложнее. Андрей Никифорович Воронихин привлек его к строительству Казанского собора.

Широко распахнул свои два крыла Казанский собор. Могучими рядами стоят колонны, колонны!.. Вот их-то и поручено было высечь Самсону Суханову с артелью. Все 94 колонны! Да еще 54 внутренних из красного гранита. Высечь и отполировать. 2 года работала артель Суханова на строительстве собора,

а когда работа завершилась, пошла гулять по столице молва о необыкновенном колонном мастере. И не случайно пригласил его Тома де Томон одеть камнем Стрелку Васильевского острова. Ему же велено было и две Ростральные колонны поставить.

Да коли вдоль Невы по набережным пройти, можно еще и не раз с молотком да зубилом Самсона Суханова встретиться. В самом конце набережной, к примеру, стоит здание с двенадцатью могучими колоннами — Горный институт. Строил его все тот же А. Н. Воронихин. Конечно, колонны опять вырубал Самсон Суханов. Но не только их...

У подножия колоннады над ступеньками широкой лестницы возвышаются две скульптуры. Одна изображает сцену, как античный бог Плутон похищает прекрасную Прозерпину, другая — поединок Геракла с Антеем. Модели скульптур создали ваятели В. И. Демут-Малиновский и С. С. Пименов, а вот высек их из камня Самсон!.. Никогда не учился он в Академии художеств, даже в гимназии ни разу не бывал, а вот ведь сравнялся в искусстве с выдающимися мастерами!

Но и эти скульптуры еще не стали главным памятником, который оставил после себя людям крестьянский сын Самсон Суханов. Хотите увидеть тот памятник — идите к Исаакиевскому собору.

В нижней части собора стоят 36 гранитных колонн. Каждая высотой с пятиэтажный дом. Каждая вырублена из целого куска гранитной глыбы. Вот какой себе памятник в Ленинграде оставила артель Самсона Суханова! Потом были и другие работы: несколько скульптур для башни Адмиралтейства, пьедестал памятника Минину и Пожарскому в Москве...

На Стрелке же Васильевского острова Самсон Суханов с артелью не только новую площадь гранитом одел, не только две Ростральные колонны поставил, но еще и украсил их изумительными скульптурами — памятниками русским великим рекам: Неве, Волге, Волхову, Днепру.

Уже не отдельные дома — целый архитектурный ансамбль вырос на Стрелке. Подняли свои стены северный и южный пакгаузы, музейный флигель, здание таможни — эти уже трудами архитектора И. Ф. Лукини.

Пакгаузы, таможня... Все говорит о том, что в былые годы был на Стрелке Васильевского острова порт. Да, был. До появления крупных пароходов. Тем было уже не пройти сюда по мелководью Финского залива. Порт пришлось перенести в Кронштадт. А потом, когда в 1875—1885 годах прорыли Морской канал, порт переехал с острова на материк и обосновался в самом устье Невы.

Старые же здания и до сих пор службу несут. В южном пакгаузе находится сейчас Зоологический музей Академии наук СССР. Чучела животных всего земного шара обитают сейчас в стенах старого пакгауза.

В здании бывшего северного пакгауза тоже есть что посмотреть. Разместился там Центральный музей почвоведения имени В. В. Докучаева Академии наук СССР, основанный в 1904 году.

Что же касается кораблей, судов торговых, не все они ушли отсюда к другим причалам. «Вечным причалом» полутора тысяч кораблей стало здание бывшей биржи. Разумеется, моделей кораблей. В старом здании разместился сейчас Центральный Военно-морской музей. Есть у музея и два настоящих корабля. Один из них стоит под крышей в самом музее, другой

туда не смог поместиться. Первый — это самый наш древний корабль, «дедушка русского флота» — ботик Петра I Второй — филиал музея, легендарный крейсер «Аврора».

А в здании бывшей таможни нашли себе приют другие несметные богатства: рукописи А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева... В этом доме № 4 по набережной Макарова находится сейчас Институт русской литературы Академии наук СССР. Чаше его называют более кратко: Пушкинский дом. И не случайно. Начало ему было положено приобретением личной библиотеки поэта, его рукописей.

В 1925—1926 годах площадь перед зданием старой биржи словно помолодела. По проекту архитектора Л. А. Ильина на ней был разбит сквер, зазеленела трава, запестрели цветы, прямо у гранитных парапетов встали молоденькие деревца лип.

Плывут по Неве корабли Волго-Балта, скользят легкие «Метеоры», а Стрелка и сама режет набегающие волны своим гранитным мысом, словно носом могучего корабля, имя которому — Васильевский остров.

В ЧЕСТЬ ДОБЛЕСТИ И СЛАВЫ

Много в Ленинграде памятников. На гранитных и мраморных постаментах стоят и сидят полководцы, писатели, учёные, композиторы. Цари — те больше верхом, на конях.

Кому же был поставлен первый памятник? Самый-самый первый? Не только над Невой, но и вообще в стране?

Не царю. И не полководцу. Солдату!

...Гредел туго натянутый барабан. На шестах развевались самодельные штандарты. Поминутно сбиваясь с ноги, учились шагать шеренгой потешные войска царя Петра. Царь был молод, в дворцовых теремах ему не сиделось. Убежал он из покоев на улицу, повелел пригнать в село Преображенское парней из своих подмосковных вотчин, закинул их в мундиры

дотоле невиданные — и ну обучать делам воинским! Старые бояре усмехались в бороды: дескать, пусть молодой царь потешится. Царь же за потехой иное видел. В Москве у царевны Софьи — стрельцы. А у него? На земли русские со всех сторон враги зарятся, а без армии-то как с ними драться?

Царские крепостные становились солдатами. Учились под барабан шагать, штыками колоть, приступом ближайший лесок брать.

И однажды, по сведениям из старинных книг «в 1683 году, ноября 30 дня», словно на звук барабана, пришагал в Преображенское статный да крепкий детинушка. По виду не из крепостных, но и не из богатых. Молодому царю поклонился в пояс.

— С чем пожаловал? — спросил Петр.

— Дозволения просить... В войска ваши.

— Солдатом? — удивился царь.

— Солдатом, — кивнул детинушка.

Обрадовался царь, приказал: первому добровольцу русской регулярной армии Сергею Бухвостову присвоить почетное звание Первого Российского Солдата.

И пошагал солдат по военной дороге. Крепость Азов штурмовал, отступал из-под Нарвы, брал Орешек и Ниеншанц, участвовал в Полтавской баталии. Не раз проявлял он храбрость и воинское умение. Начав солдатом, дослужился до чина майора и до восьмидесяти шести лет армейского строя не покидал.

Царь своего воина ценил, «жаловал его не единыжды» и во время одной из ассамблей подозвал к себе скульптора Карло Растрелли, повелел ему отлить из бронзы портрет отважного майора и поставить «на некое возвышение», — говоря современным языком, на пьедестал. Это и был первый в нашей стране памятник.

Есть сведения, что стоял он когда-то возле одного из валов Адмиралтейства, потом был убран.

К сожалению, до наших дней этот памятник не дожил. Рисунков с него тоже не сохранилось. Я долго разыскивал портрет Бухвостова и совершенно случайно встретил его в краеведческом музее города Вытегры. Есть этот портрет и в Москве, в Библиотеке имени Ленина, в старинной книге «Собрание портретов россиян, знатных по своим деяниям воинским и гражданским...». Под портретом подпись: «Сергей Леонтиевич Бухвостов — Первый Российский Солдат».

Памятник не сохранился, но память о воинских победах петровских войск жива. Хранят ее многие здания и монументы.

Чтобы рассказать о них, одна оговорка требуется.

Многие под словом «памятник» понимают бронзовую или каменную скульптуру, поднятую на пьедестал. Это не всегда так. В ознаменование Полтавской победы, к примеру, соорудили не обелиск, а... церковь. Тот самый Сампсониевский собор, что находится сейчас на проспекте Карла Маркса на Выборгской стороне. На стене другой — Пантелеймоновской — церкви, что находится на улице Пестеля, можно прочесть строки на мраморе мемориальной доски; «Сей храм воздвигнут в царствование Петра Великого в 1721 году в благодарение богу за дарованные нам морские победы над шведами... при Гангуте в 1714 году и при Гренгаме в 1720 году».

Однако собор, церковь хоть и в память построены, да не совсем памятники: назначение у них было иное.

Другое дело — торжественные триумфальные ворота, арки.

Из глубин веков Древнего Рима пришел обычай строить их в честь победителей. Впервые под аркой

триумфальных ворот проехал на своей колеснице полководец Тит, прошли его боевые легионы. Чуть позже к арке Тита прибавилась триумфальная арка Константина.

Много веков спустя по примеру древних римлян стали возводить арки и страны Европы. В том числе и Россия. В 1037 году князь Ярослав возвел в Киеве Золотые ворота. Построил Золотые ворота и князь Андрей Боголюбский во Владимире. Сквозь триумфальные ворота, поставленные в Замоскворечье, прошли в 1695 году герои взятия Азова.

В Ленинграде тоже есть памятники подобного рода.

Старейший из них — Петровские ворота Петропавловской крепости. В 1708 году прорезали они 20-метровую толщу восточной крепостной стены, став памятником в честь освобождения берегов Невы, в честь выхода страны к Балтийскому морю, в честь взятия в августе 1704 года крепости Нарва.

«Читать» древние памятники не так-то просто. Украшения их «говорят» с нами не современным, а древним языком — языком мифов, библейских легенд, сказаний, языком условных образов. Если вы сейчас увидите картинку, на которой изображен поединок орла со львом, то лев для вас будет львом, а орел — орлом. Но тогда, в начале XVIII века, в огнях праздничного фейерверка над Невой огненный орел побеждал огненного льва и все санктпетербуржцы понимали: это их русский орел победил шведского льва. (На российском гербе — орел, на шведском — лев.)

Вот и над Петровскими воротами огромный барельеф изображает сцену «Низвержение Симона-волхва апостолом Петром». Казалось бы, при чем тут какой-то Симон? Он ведь даже не воин...

Но существовала легенда о том, как жил-был, колдовал да пророчествовал («волховал» значит) некий Симон. Колдовал, — значит, с нечистой силой знался. И так он о себе возомнил, что объявил себя «великим», с помощью той же нечистой силы забрался на небо. Да не дремал апостол Петр. Нечистую силу разогнал, а Симона-волхва назад на землю сбросил, развенчав тем самым его величие.

Такова легенда. Санктпетербуржцы знали ее и барельеф понимали так: король шведский Карл XII очень уж возомнил о своем величии, «непобедимым» себя объявил, а русский царь Петр I и поубавил ему спеси!..

Окажетесь возле этих ворот — приглядитесь к барельефу: возможно, увидите на нем и самого Петра I, одетого в тогу римского полководца. На том же барельефе есть и изображение Петропавловского собора: стоит он на твердых каменных глыбах.

Впрочем, о том, что Петровские ворота, созданные Доменико Трезини, — памятник военный, легко догадаться и по многочисленным щитам, копьям, шлемам, знаменам, колчанам со стрелами, палашам, орудийным стволам.

В ту пору славных побед русского оружия на суше и на море Петровские ворота были не единственной триумфальной аркой города. Деревянные арки сооружались частенько на первых городских площадях, над каналами, на Невской перспективе, даже прямо на льду Невы. Но дерево — материал непрочный. Простояв несколько лет, арки ветшали, их разбирали.

Случалось и так, что деревянные арки перестраивались, становились каменными и стоят в Ленинграде уже века...

...По расплывшимся, слякотным весенним дорогам Европы, по бесчисленным лужам и неугомонным ручьям, вовсю нахлестывая лошадей, торопился в Россию специальный курьер. 14 апреля 1814 года он был уже в Санкт-Петербурге, привез долгожданную весть: русские войска вступили в Париж! Значило это: войне конец! Скоро-скоро уже вернутся домой победители! Пришла пора готовиться к радостной встрече.

На границе города, у начала Петергофской дороги за Обводным каналом, решили соорудить триумфальные ворота. Проект их разработал архитектор Джакомо Кваренги — создатель Смольного института, Академии наук, Александровского дворца в Царском Селе и Английского дворца в Петергофе.

Огромными, величественными вставляли на чертеже триумфальные ворота! Высокие массивные колонны делали их торжественными, скульптуры в нишах, колесница Славы над ними, гении Победы, золотые буквы надписей воспевали доблесть русских воинов.

30 июля 1814 года под сводами величественной арки под медь полковых оркестров, утопая в цветах, прошли гвардейцы Преображенского, Семеновского и Егерского полков. 6 сентября — новая встреча: церемониальным маршем проходят лейб-гвардии Павловский и Финляндский полки. 18 октября петербуржцы встречают полки конной гвардии, кавалергардов и конную артиллерию, 25 октября — лейб-гвардии казачий полк.

Вступая под своды арки, воины могли прочесть на ее стенах горящие золотом букв имена своих полков, названия мест сражений: Бородино, Тарутино, Малоярославец, Красное, Кульм, Лейпциг, Фер-Шампенуаз, Париж!..

Триумфальная арка петербуржцам понравилась, скоро стала своей, привычной, любимой деталью города. К ней приезжали и приходили просто погулять, показывали ее гостям города. А так как стояла арка у начала дороги на Нарву, то и прозвали ее Нарвскими воротами.

Но шли годы. Мели снегами, моросили мелким петербургским дождичком. Промелькнуло 10 лет — обветшали ворота, стал осыпаться алебастр.

Что с ними делать? Снести?

На защиту ворот встал петербургский военный генерал-губернатор М. А. Милорадович — сам участник битвы с Наполеоном. Сумел боевой генерал добиться у царя «высочайшего рескрипта», в котором указывалось: «Триумфальные ворота на Петергофской дороге, в свое время наскоро из дерева и алебастра построенные, соорудить из мрамора, гранита и меди».

Джакомо Кваренги к тому времени уже умер. Переделка ворот была поручена Василию Петровичу Стасову. Архитектор решил сохранить их внешний облик, лишь чуть увеличив арку.

4 августа 1827 года недалеко от старых деревянных ворот начали рыть котлован, забивать сваи. 26 августа началась закладка специальных камней фундамента. 10 тысяч гвардейцев — все, как один, Георгиевские кавалеры, ветераны войны с Наполеоном — окружили котлован. Прозвучал сигнал трубы, и от каждого из полков гвардии вышли из строя два солдата и унтер-офицер, сняли с груди свои боевые медали «За 1812», «За вход в Париж» и положили на камни. Опустился еще один камень, накрыл медали...

2 месяца спустя фундамент был готов.

Предстояло соорудить сами ворота. Царский рескрипт на этот счет точно указывал: «соорудить из мрамора, гранита и меди». Но неугомонный искатель нового Василий Петрович Стасов предложил сделать ворота иным способом. «Сей способ, — писал он, — состоит в бронзовой сплошь одежде всех частей триумфальных ворот из кирпича построенных». Способ был настолько нов, что вокруг него разгорелись споры. Нигде в мире не было таких ворот! Да и царь стоял на своем. Промелькнул 1828 год, 1829-й... Старые ворота уже были сломаны. Новые еще не поднимались.

Лишь 21 мая 1830 года было получено разрешение: «Триумфальные ворота строить согласно последнему предложению Комитета из кирпича с медной одеждой».

И ворота начали расти. Свыше 500 тысяч кирпичей уложили в них каменщики. Литейщики Александровского завода начали отливку медных листов. Заводские чеканщики с большим искусством выбивали на них украшения, модельщики снимали формы с глиняных моделей, отливая их в гипсе. Руками рабочих Александровского чугунолитейного завода были сделаны и скульптуры ворот: фигуры русских воинов, гениев Победы, шестерка коней и колесница Победы. Выдающиеся скульпторы Петр Клодт, Василий Демут-Малиновский, Степан Пименов; Николай Токарев, художники Михаил Крылов и Иван Леппе в те дни не покидали цехов, плечом к плечу трудились с литейщиками Петром Одинцовым, Петром Катерининым, Рогозиным...

Открытие Нарвских ворот состоялось 17 августа 1834 года. В этот день 21 год назад, в 1813 году, русские войска разгромили тридцатитысячный корпус

французов в битве при Кульме. И вот 21 год спустя под новой триумфальной аркой Нарвских ворот, четко печатая шаг, шли ветераны этой битвы.

А чуть в сторонке стоял создатель памятника архитектор Василий Петрович Стасов. Любовался своим детищем — Нарвскими воротами, но думал уже о других — Московских.

Неподалеку от Петергофской дороги, на соседней Московской, большая плотницкая артель уже тесала бревна, сколачивала дощатые щиты, строгала доски.

Конечно, если дорогу перегородить забором, всяк поинтересуется: «Что тут строят-то?» Плотники отвечали: «Новые триумфальные ворота». Ответ только вызывал новые вопросы: в честь кого? Почему опять деревянные? Это после медно-кирпичных-то!

В январе 1834 года дощатые ворота были готовы. На 36 метров размахнулись они, перегородив дорогу. Но странное дело: никаких высокопоставленных лиц на открытии не было... Войска тоже не шли торжественным маршем... Одни лишь плотники взирали на дело своих рук, да Стасов Василий Петрович, словно молоденький, перебегал с места на место, смотрел, что-то помечал на бумаге карандашиком...

Дальше и совсем удивительное началось. Новые ворота стали ломать! Как же это? Столько труда вложили, столько денег ухлопали — и все напрасно?

Нет, совсем не напрасно. Деревянные ворота были только моделью. Огромной моделью! В натуральную величину. Их создателю нужно было увидеть, как они будут выглядеть, поднявшись над дорогой на 24 метра вверх, проверить правильность своих расчетов. А строить он их будет не из дерева. Не из камня. Даже не из кирпича в медной одежде.

Из чугуна!

Конечно, чугун не так податлив, как листовая медь. Нигде в мире таких громадин из чугуна и не пытались строить. Но ведь нигде в мире не было и таких литейщиков, как в России! А таких чудомастеров Стасов уже знал. На Александровском заводе они. Возле огненных печей стоят. Да и опыт создания чугунных ворот у архитектора уже был. В августе 1817 года построил он в Царском Селе такие ворота «Соратникам по оружию» — тоже в честь победителей войск Наполеона. Конечно, царскосельские ворота поменьше замышляемых Московских, всего восемь небольших колонн, но какой силой от них веет, какой непобедимостью! Все из-за того, что из чугуна отлиты! В камне они бы казались легкими, воздушными, чугун им мощь придал.

А ведь и Московские триумфальные в честь подвигов ратных создаются! В честь победоносно завершившихся войн с Персией (в 1826—1828 годах) и с Турцией (в 1828—1829 годах). Должно в них отразиться могущество армии, государства. По сравнению с воротами «Соратникам по оружию», Московские должны выглядеть великанами! На те 103 тонны металла пошло. На эти, по расчетам, выходило в 10 раз больше! Даже встал вопрос: как доставлять столь тяжелые отливки к месту строительства? От Александровского завода сюда не близко...

Неподалеку, на четвертой версте Петергофской дороги, нашли старый закрытый завод. Подновили его. Привезли сюда мастеров с Александровского чугунолитейного. И через 2 года на строительную площадку стали поступать чугунные кольца — тяжеленные отливки частей будущих колонн.

Первую 15-метровую колонну собрали 14 июля 1836 года. Дальше сборка пошла быстрее, и вскоре

уже все 12 колонн готовы были принять антаблемент — верхнее перекрытие. По антаблементу скульптор Борис Иванович Орловский расставил выбитые из листовой меди фигуры гениев. Каждая из них держит щит с гербом губернии, войны которой сражались с полками персидскими да турецкими. Над антаблементом Орловский поставил восемь «кустов» трофеев, композиций из щитов, шлемов, знамен, копий, доспехов.

16 октября 1838 года Московские ворота были торжественно открыты. А спустя 40 лет, в 1878 году, прошли здесь русские полки, окончательно освободившие от многовекового турецкого ига народы Болгарии, Сербии, Черногории, Бессарабии. Поэт Александр Блок писал тогда о победителях:

*За ними — снежные Балканы,
Три Плевны, Шипка и Дубняк...*

Но в истории Московских ворот есть еще одна удивительная страница. Они не только прославляли победителей — они сражались сами!

В 1936 году ворота были разобраны. Город рос, давно уже перешагнул свои бывшие границы. Старая Московская дорога превратилась в городской проспект с напряженным движением. Ворота тормозили его...

Разобрали колонны. Украшения ворот отправили в музей. Тяжелые чугунные блоки развезли в разные точки города, поближе к заводам с литейными печами.

А в 1941 году грянула Великая Отечественная война. Танковые колонны врага рвались к Ленинграду. Ленинградцы встали на защиту родного города,

опоясали его кольцами траншей, ходов сообщений, окопами, противотанковыми рвами, огородили бетонными «зубами» надолбов. Оборону укрепляли земляными дзотами, бронированными огневыми точками. Тут-то и вспомнили о тяжелых чугунных блоках Московских ворот!

Чугунные громады образовали целую заградительную линию. Всю блокаду сражались они с гитлеровцами. Дрались, как солдаты. Погибали, но не отступали ни на шаг. Когда в 1956 году решено было восстановить триумфальные ворота, из ста восьми колец нашли только шестьдесят пять.

900 дней сражался Ленинград с фашистскими полчищами. В январе 1944 года воины Ленинградского фронта смели кольцо блокады, погнали непрошенных гостей на запад.

В мае 1945-го пришла Победа.

Ленинград еще хранил следы недавних разрушений. В стенах многих домов чернели рваные раны от фашистских снарядов, на месте разрушенных бомбами зданий лежали груды битых кирпичей. Места других бывших домов обозначились пустырями. И несмотря на это, Ленинград начал спешно прихорашиваться. Вывешивались флаги, лозунги, зеленые гирлянды из еловых ветвей и веселых березовых веточек, украшались цветами балконы... Город знал: 8 июля 1945 года придут победители! Придут воины, отстоявшие Ленинград!

Архитекторам и скульпторам города было предложено в кратчайший срок — в 24 часа! — придумать и предложить проекты торжественных триумфальных арок. Сооружать их взялись тысячи ленинградских рабочих, строителей, студентов. Ребята пригородов собирали цветы, плели гирлянды.

Три триумфальные арки встали на главных магистралях города в день встречи победителей! «Слава Красной Армии!» — было написано на арке в Невском районе, «Слава победителям!» — сверкали слова на арке в Кировском районе, «Героям победителям слава!» — перекликалась с ней арка, вставшая на Московском проспекте.

И они пришли, победители. Запыленные пылью дальних дорог, прокаленные жарким летним солнцем, они шли по улицам и проспектам родного города, утопая в цветах и звонких маршах оркестров. Шли усталые и очень взволнованные.

Колонны направлялись в разные районы города. Порою строй нарушался. Ленинградцы просто сжимали воинов в своих объятьях, врывались в шеренги, целуя своих защитников. Солдаты пробирались по одному сквозь плотные ряды горожан.

В тот день я был в районе Театра оперы и балета имени Кирова. Помню, что лучший подарок проходящим войскам сделали, наверное, местные мальчишки. Они догадались принести воду. Сразу два ведра прохладной невской воды и несколько алюминиевых кружек. Четверо мальчишек протолкались к самым рядам шагающих рот, наполняли кружки и протягивали их солдатам, офицерам. Как же были благодарны воины этим сообразительным мальчишкам!

А у входа в театр расположился его большой оркестр, всю ширину балкона занял хор, были распахнуты все окна. И когда воины-герои поравнялись с театром, — оттуда грянул колокольный звон. Только прокатился шедший впереди танк — и оркестр грянул «Славься», запел хор. Вся площадь улыбалась, радовалась и плакала одновременно. То были слезы радости.

В тот день появился и первый памятник, поставленный в Ленинграде в честь героев Великой Отечественной войны.

Арку вблизи Автова строили рабочие Кировского и Ленинского районов. Труженики прославленного Кировского завода поставили тогда рядом с аркой тяжелый танк. Можно сказать, свой собственный танк поставили. Сами они его собирали, сами одевали в броню, сами провожали в битву. Трижды уходил он с завода на фронт и трижды возвращался в цех, где родился. Возвращался израненным, с зияющими пробоинами, вмятинами. Танк кировцы «подлечивали», латали — и он снова уходил в гром сражений. И вот теперь он вернулся навсегда. Победителем.

Со временем его подняли на облицованный белым мрамором пьедестал и он получил имя: «Танк-победитель».

Сейчас в Ленинграде много памятников героям минувших сражений. Танк был первым среди них.

На площадке возле него играют дети. Кто постарше, тот иногда даже забирается на пьедестал, гладит ладонями суровую броню, побывавшую в огне многих битв. Танк на ребят не обижается. Даже рад встрече с ними. Он ведь и сражался за то, чтобы сегодняшние мальчишки и девчонки жили весело, радостно и счастливо.

СКАЧИТЕ, БРОНЗОВЫЕ КОНИ

В тот день литейный мастер Василий Екимов учеников своих отпустил раньше обычного. Оставшись один, молча сидел на табуретке, раздумывая и словно беседуя с самим собой. Новый ученик — это ведь камень необработанный!.. С чем к нему подходить, с долотом или с рашпилем? Да и будет ли толк-то? Каждый камень, он ведь загадка. Из одного и ладная статуя получиться может, а другой пойдет крошиться — и весь тут сказ!

С тех пор как назначили Василия Екимова заведовать литейной мастерской Академии художеств, учеников у него разных перебивало предостаточно. Но этот новенький им не чета!.. Перво-наперво, тех всех начальство присылало, этот — сам пришел: интересуюсь, мол, литейным делом. Во-вторых, кто

в «литейку» учиться шел? Такие же, как он сам, Василий Екимов, мастера из крепостных. А тут — барон! Генеральский сын! Петр Карлович Клодт фон Юргенбург!

Кое-что о нем Василий Екимов слышал. Да только кое-что... Родом петербуржец. Тут и артиллерийское училище окончил. Отставной офицер конной артиллерии. В отставку по собственной воле вышел. И сразу сюда, в рисовальные классы Академии художеств, зачастил. Еще что? Да, самое-то главное: лепкой увлекается барон Клодт. Фигурки лошадей лепит.

За думами Василий Екимов и не заметил, как запер свою «литейку» и к дому пошел. Васильевский остров тут же его садами окружил, из-за палисадов душистой сиренью пахнул. Сирень — это хорошо! Жаль, цветет недолго. Недельки три покрасует, а там, глядишь, облетят лепесточки. Вот, поди, и барон так: жару из печи глотнет, дымку едкого дышит — и поминай как звали!

Только и месяца не прошло, как убедился Василий Екимов в обратном. В «литейку» барон — бегом, из «литейки» вечером поздним — шажком неторопливым, с неохотою. Судя по всему, понравилось ему нелегкое литейное дело. Рук своих не жалеет, вопросами до самой сути докапывается.

Постепенно и забылось как-то, что ученик-то — барон. Не раз в сердцах и кричал на него старый литейщик, а то и ругал крепко. В ответ только: «Извините. Понял».

Быстро время летит. И не заметил старик, как из ученика тоже мастер вырос. Укротитель коней. С конями ведь как? Отловят жеребенка в табуне — так он еще не конь, а дикий ветер. Попробуй-ка научить

его под седлом ходить, узду носить, человека слушаться!.. И у Клодта так. Попробуй-ка из куска глины коня создать! Да потом еще в металл отлить! Труд немалый.

А в городе уже заговорили о Петре Карловиче Клодте. Юнкером-то он лепил для души, для сердца, а в отставку вышел — в «стесненные обстоятельства» попал. Пришлось вылепленных лошадок в продажу пускать. Ну, понятно, покупатели у него свои — круга знатного. В одной гостиной лошадка стоит, в другой... Глядишь, и третьему приглянулась, тоже отлить просит.

На Неве тогда, между Адмиралтейством и Зимним дворцом, задумали соорудить пристань. Проект ее сам Карл Иванович Росси, знатный архитектор, разрабатывал. Он-то и заказал Клодту изваять две группы «Укротители коней» — для украшения пристани.

С радостью взялся за дело Клодт. В натуральную величину решил коней создать. Потом их в бронзу отлить. Да так уж на свете ведется: частенько рядом с радостью беда ходит. Рассчитывал он, что поможет ему старый учитель в задуманном, да в 1837 году умер знаменитый литейщик Василий Екимов. Много он памятников отлил: Минину и Пожарскому для Красной площади Москвы, Суворову — «Марсу Российскому», Кутузову и Барклаю-де-Толли, что встали у Казанского собора, а вот клодтовских коней отлить не успел... У Клодта уже и большая гипсовая модель готова была, можно бы и отливку начинать, да не стало Екимова...

Кому такую отливку доверить? Сколько ни думал Клодт, сколько ни прикидывал, никого на примете не было. По всему получалось: самому отливать

надо. Зря, что ли, столько лет он бок о бок с Екимовым у горячих печей простоял?

И взялся.

Если вы теперь придете на Аничков мост, то можете и сами прочитать на базах, с которых рвутся бронзовые кони, короткую надпись: «Лепил и отливал барон Петр Клодт в 1841 году».

Такое Россия видела впервые. Обычно подобные памятники создавали два разных человека: один лепил, другой отливал. Здесь же литейщик и скульптор соединились в одном лице.

Только почему же на Аничковом мосту? Ведь речь шла о пристани на Неве...

Что ж, придется нам оставить пока коней, заняться историей Аничкова моста.

Перекинут он через реку Фонтанку. Находится в самом центре города. Только это сейчас. В далекие времена Фонтанка была не центром, а границей города. Зеленели ее берега лопухами, покрывались по весне солнечными веснушками одуванчиков. Постепенно начала она застраиваться усадьбами знатных господ. Тогда и о берегах ее начали заботиться. Чтобы не осыпались, стали их брусьями укреплять, строить причалы для лодок, обшивать досками.

Аничков мост через Фонтанку появился одним из первых. Построили его солдаты батальона Астраханского пехотного полка, где командиром был офицер Аничков. И по сей день носит мост его имя.

Невелик был мост, неказист, узок. Потому и прослужил недолго.

В 1741 году Санкт-Петербург готовился встречать посольство персидского шаха Надира. Через всю страну медленно двигалось оно пешим ходом, а впереди летели вести. Множество подарков шлет шах русскому

царю! Драгоценные камни шлет, ковры, ткани, а главное — 14 слонов.

О слонах тогда знали петербуржцы главным образом лишь то, что они очень большие и очень тяжелые. Обеспокоенный их весом, столярных дел мастер фон Болес доносил в Канцелярию от строений, что Аничков мост находится в «немалой ветхости», доски настила на нем «насквозь пробиваются» и надобно мост чинить, «дабы в том было без опасности, и слонам не могло быть какого повреждения».

Мост отремонтировали, расширили. В 1744 году середину его сделали подъемной. Для этого же на сестрорецких заводах сработали специальную железную машину. Но сам мост оставался еще деревянным. Да и Фонтанка еще больше напоминала тихую деревенскую речку, чем городскую водную магистраль.

Сие для столицы было уже не совсем прилично, и берега реки решено было одеть в камень. В 1780 году вбили тут первую сваю, а 9 лет спустя Фонтанка имела уже гранитную набережную длиною в 3 тысячи саженей.

Нам теперь такое строительство может показаться немыслимо быстрым. Ведь в ту пору никаких и машин-то не было! И всего за 10 лет!

Да, быстро. Только чего это работным людям стоило!.. Всеми работами по облицовке набережных гранитом ведал подрядчик, первостатейный купец Долгов. Работу он знал, но по отношению к работникам лют был чрезмерно. И не выдержали строители — взбунтовались. Нет, подрядчика они не побили — тихо и мирно пошли к царице Екатерине II поведать о своей горькой доле, просить защиты от купца. 4 тысячи рабочих выбрали около четырехсот человек челобитчиков и послали их к Зимнему двор-

цу. Да вот ведь беда: ни один из четырехсот царицу никогда и в глаза не видывал! Стоят они на площади, какая женская головка в окне ни мелькнет — всех за царицу принимают, поклоны бьют, челобитную показывают. А тут на них, на «смутьянов», — полиция! Пешая! Конная! Современники свидетельствуют: «...удалось захватить семнадцать человек, которые были тотчас отправлены под караул, в уголовный суд, с тем, чтобы осуждены были в учинении скопа и сговора». Дальнейшее понятно: тюрьма да каторга.

Вот какую ценою река в гранит одевалась.

Но хорошели и хорошили ее берега. И тут петербуржцы увидели, что старые деревянные мосты как-то потускнели, потерялись на фоне гранитных берегов. Решили мосты тоже перестроить. Создан был проект единого «образцового» моста, и в 1785—1788 годах над тихой гладью Фонтанки пролегли семь каменных мостов-близнецов: Симеоновский (ныне мост Белинского), Аничков. Чернышев (теперь мост Ломоносова), Семеновский, Обуховский, Измайловский и Старо-Калинкин. Все они были с каменными башенками и тяжелыми металлическими цепями. Это были не только украшения. В башенках помещались механизмы, натягивающие цепи и поднимающие крылья центральной, разводной, части моста. С годами каменные близнецы потеряли свой первоначальный облик. Лучше других сохранили его мост Ломоносова и Старо-Калинкин.

В 1841 году Аничков мост перестраивали вновь. Все три его пролета перекрыли каменными арками, мост украсили чугунными литыми перилами, облицовали гранитом. Но самое главное — его решили украсить группами «Укротители коней» Петра Карловича Клодта.

Пока он создавал своих коней, пристань на Неве была уже готова и ее украсили огромными порфировыми вазами. Они и сейчас стоят над Невею неподалеку от Медного всадника.

Так кони «перекочевали» с Невы на Фонтанку. Им и дальше судьба уготовила «непоседливость», но об этом потом...

К моменту строительства нового Аничкова моста П. К. Клодт был уже признанным скульптором. Уже не маленьких лошадок лепил и отливал он. В 1834 году над Нарвскими воротами взметнулись ввысь его кони колесницы Победы — и весь город ходил ими любоваться.

Кони были неизменной любовью скульптора, делом всей его жизни. Он рисовал их постоянно. И лепил. И отливал в бронзе.

Сохранились даже имена коней, с которых создавались затем их бронзовые скульптурные портреты.

Сначала это был Серко — старый ветеран придворной конюшни. Жил он у скульптора в Павловске, хорошо ходил в упряжке, имел спокойный нрав и охотно позировал. Позднее предоставили в распоряжение художника красавца Амалатбека — чистокровного арабского скакуна с тонкими ногами и маленькой головкой. Но это легко сказать: предоставили в распоряжение!.. Был Амалатбек дик и непокорен. Сколько человек пытались укротить его крутой нрав — все безрезультатно! Может быть, именно благодаря своему упрямству и попал конь к Петру Карловичу. И скульптор его укротил. Да настолько, что спокойно сажал на спину Амалатбека свою дочь и та, как заправская наездница, поднимала скакуна на дыбы, останавливала на всем скаку — прямо перед сидевшим с альбомом в руках отцом.

В 1839 году была готова первая бронзовая группа: конь с идущим рядом юношей. 2 года спустя отлили и вторую группу, юношу, схватившего коня под уздцы. В ноябре 1841 года их установили на Аничковом мосту со стороны Адмиралтейства. На противоположной стороне моста водрузили их гипсовых двойников, окрашенных под бронзу.

Петербуржцы сразу же оценили великолепную работу Петра Карловича Клодта. «Новый Аничков мост, — писала газета «Северная пчела» 27 ноября 1841 года, — приводит в восхищение всех жителей Петербурга. Толпами собираются они любоваться удивительной пропорцией всех частей моста и лошадей — смело скажем, единственными в мире». Оценено по достоинству было и художественное литье. «Лучшего произведения в этом роде мы не знаем, — пишет современник. — По совершенству изображения и постановки фигур человека и коня и мастерской их отливке мы смело можем признать барона Клодта одним из первейших скульпторов и литейщиков нашего времени».

В январе 1839 года Петр Карлович получил звание литейного мастера, чем немало гордился всю жизнь.

Два бронзовых коня украсили Невский проспект. Но тут-то и проявилась их «непоседливость». Понравившись они царю Николаю I, и решил он похвастаться ими перед королем Фридрихом. Точнее, подарить их прусскому королю. Коней сняли с пьедесталов, погрузили на борт корабля «Або» и доставили в Штеттин. Оттуда уже по сухопутью «доскакали» они до Берлина, встали напротив королевского дворца.

И там кони оказались в центре внимания. «Колоссальные группы профессора Клодта, — писал уже

немецкий современник, — произвели в публике широкий всеобщий восторг, подобного там никогда не было...» Петра Карловича тут же избрали членом Академии художеств Берлина, Парижа и Рима.

Тут нам придется «перепрыгнуть» через столетие и рассказать о том, как лживая гитлеровская пропаганда доктора Геббельса решила обмануть наш народ с помощью этих коней.

Не удалось оккупантам овладеть Ленинградом, захватить Москву. Но многие области томились под гитлеровским игом, вели с ним упорную борьбу. Геббельс решил одурачить наших людей, не сдававшихся врагу. И в один из дней фашистский самолет стал сбрасывать листовки над партизанским краем Черниговщины. В листовках сообщалось, что сопротивляться «новому порядку» бессмысленно, тем более что Ленинград и Москва пали. В подтверждение этих слов в листовке была и фотография: кони с Аничкова моста возле королевского дворца в Берлине! Обер-враль Геббельс рассчитывал, что советские люди не все знают историю памятника на Фонтанке. Но расчет гитлеровского министра пропаганды все равно не оправдался: не поверили наши люди и фотографиям! Не прекратили они борьбы.

А весной 1945 года наши войска вошли в Берлин. И солдаты Советской Армии встретились с бронзовыми конями. Они были закрыты слоем кирпичей и потому уцелели во время уличных боев. Но «непоседливые» кони покинули дворцовый сад. В том же году они «переехали» в Западный Берлин, были установлены в Клейст-парке около здания, в котором после Великой Отечественной войны помещался Союзный контрольный совет.

Но вернемся в XIX век.

На мосту появились новые группы. Теперь предстояло заменить две другие группы — алебастровые. Те совсем уже обветшали. «У алебастровой фигуры лошади, — сообщал обер-полицмейстер президенту Академии художеств, — оказалась трещина, и алебастр местами начал обваливаться, отчего фигура делается безобразной». Отвалился у лошади и хвост. Полицмейстер снова пишет, предупреждает об опасности для «невинно проходящих прохожих».

Наконец 9 октября 1843 года две новые бронзовые группы встали на место алебастровых. 3 года простояли они спокойно, а потом тоже проявили «непоседливость». На этот раз Николай I решил отправить их в подарок королю Сицилии Фердинанду II. Другая пара бронзовых коней отправилась в длительное путешествие, чтобы встать в Неаполе у входа в дворцовый сад.

Скульптору предстояло в четвертый раз повторять отливки. Только не стал он этого делать. Решил не копировать уже созданные скульптуры, а сделать совершенно новые, рассказывающие об укрощении дикого коня четырьмя отдельными сценами.

Первая группа рассказывала о совершенно диком скакуне. Он рвется из рук юноши, крепко держащего узду. Юноша даже опустился на колени, чтобы удержать строптивого коня.

Во второй группе конь взвизгивает на дыбы, юноша уже почти лежит под его копытами, но узды из рук не выпускает. И конь постепенно сдается.

В третьей группе он уже подкован. Юноша не лежит, а стоит рядом с упрямым, все еще пытающимся вырваться.

В четвертой группе конь и укротитель идут уже рядом. Борьба человека и стихии закончилась победой человека.

Все четыре группы появились на мосту в 1850 году. И еще почти 100 лет стояли они все вместе, украшая проспект. Они уже так привыкли к своим гранитным пьедесталам, что и забыли о своей «непоседливости». Но пришла Великая Отечественная война. Злобный враг рвался к Ленинграду. Осенью 1941 года над домами засвистели снаряды, заухали бомбы. А вдруг какой-нибудь шальной снаряд «угадает» в одного из коней?! Этого нельзя было допустить.

Зима в том году выдалась ранняя и суровая. Уже в ноябре выпал снег. И в ноябре пришла на Аничков мост бригада рабочих во главе с инженером Всеволодом Всеволодовичем Макаровым. Тишину опустевшего Невского проспекта нарушил рев тяжелого тягача. К нему была прицеплена большая платформа. Рабочие сняли конные группы, по очереди погрузили на платформу, друг за дружкой перевезли в находящийся неподалеку Сад отдыха. Там уже были выкопаны четыре котлована. В них-то и опустили бронзовых коней, окутанных промасленными тряпками и такой же бумагой. Подъемный кран завершил свою работу. Пустоты в ящиках с конями заполнили песком и котлованы засыпали. Но тут оказалось, что котлованы мелки: головы коней торчали из них над землею. Углублять котлованы было нельзя: не позволяли грунтовые воды. Тогда их просто засыпали, и над каждой конской головой выросло по холмику земли. Холмики обложили дерном, посадили на них цветы. Никто и не догадывался, что под четырьмя клумбами находятся знаменитые клодтовские кони.

Не очень-то уютно было бронзовым скакунам томиться в земле, но зато ни один осколок не тронул их. Сейчас на мосту на одном из пьедесталов можно увидеть след осколка фашистского снаряда. Возле него

даже прикреплена бронзовая табличка, рассказывающая об ожесточенных обстрелах города в дни блокады. А ведь другой осколок того же снаряда мог повредить и коня...

Но пришел и май 1945-го. Над Берлином гремели залпы победного салюта, а в Ленинград пришли тихие белые ночи. В одну из таких ночей — с 1 на 2 июня — бронзовые кони возвращались на свои гранитные постаменты. Ленинградцы прослышали об этом, и тысячи их заполнили Невский проспект, набережные Фонтанки, прилегающие к мосту.

К 10 часам утра монтажники установили последнюю группу. И тогда над рекою загремело «ура!». «Ура!» в честь великой победы, в честь стойкости города-героя, в честь искусства, в честь немеркнувшей красоты Ленинграда.

КАК ЗВЕРИНЕЦ СТАЛ ПАМЯТНИКОМ

С именем скульптора П. К. Клодта связан в Ленинграде еще один памятник. И у него своя довольно любопытная история...

Попробуйте представить себе: что может произойти, если упрямый, как все его сородичи, осел еще и сгорает от зависти? А так оно и было.

Красавец конь и серый лопухий осел жили в одной конюшне. Тонконового скакуна звали Серко, а осла никак не звали — просто осел. Хозяин у них был один, общий, уже знакомый нам русский скульптор Петр Карлович Клодт. Конечно, и конь, и осел души не чаяли в своем хозяине, но ослу все время казалось, что их властелин любит Серко больше, чем его, осла. Свидетельств тому было превеликое множество! Во-первых, седлали Серко крайне редко, а его, осла, частенько.

Во-вторых — и это главное! — хозяин лепил коня из глины, отливал ему памятники в бронзе и, судя по разговорам приезжающих в Павловск гостей, статуи бронзового Серко стояли даже в столице, украшая какой-то мост! А его, осла, ни разу не лепили и не отливали в бронзе... Как же тут было не завидовать?

Завидуя же, осел еще больше сердился, еще больше упрямился и без конца выдумывал разные каверзы. Прежде всего он категорически отказывался впрягаться в бричку или катать кого-либо на своей спине. Едва увидит осел, что идут к нему с седлом, немедленно прибегает к хитрости.словно могучий насос, начинает втягивать в себя воздух! Бока его постепенно раздуваются, раздуваются!.. Сам же он при этом стоит смиреннько, спокойненько, глазки у него ласковые, словно говорят: «Желаете покататься? Сделайте одолжение! Седлайте, седлайте! Сейчас я вас прокачу!..» И только стоит ему почувствовать, что все ремни под брюхом затянуты, седло на хребте, в седло хозяин свою маленькую дочку посадил, ф-ф-ф! — воздух мгновенно выпускается, бока опадают, седло съезжает набок, а падающую девочку едва успевает подхватить отец.

Правда, с этими ослиными хитростями люди быстренько разобрались и хозяин научился так туго затягивать ремни, что воздух выходил раньше времени, но ведь есть и другие хитрости! Ишь он, тонконогий Серко! Гарцует, видите ли! Да он, осел, если только захочет, еще быстрее поскакать может! Кто там сидит в седле? Сын хозяина Миша? Ну, держись, Миша!

Скачет осел — пыль столбом! Пулей летит! И вдруг на полном скаку передние ноги вперед — стоп! Седок через его голову в траву летит.

Сын скульптора Миша, когда вырос и сам стал художником Михаилом Петровичем Клодтом, всегда

вспоминал осла с улыбкой, но и с уважением. Ведь все-таки своего осел добился: стал и его лепить скульптор Клодт! И его отлил в бронзе!

Впрочем, сам-то осел был тут как раз ни при чем. Вся его заслуга к тому лишь сводилась, что его сородичи, другие ослы, были героями многих басен великого русского баснописца Ивана Андреевича Крылова. В 1844 году гениальный творец русских басен умер. Горевала Россия. В ноябре того же года газета «Петербургские ведомости», а следом за ней и некоторые журналы поместили объявление о сборе средств на создание памятника баснописцу.

К тому времени в Петербурге стояло уже немало памятников. Но во всей стране не было еще ни одного памятника поэту или писателю. Ни Пушкину, ни Лермонтову, ни Гоголю... Признавать поэтов за выдающихся людей нации царедворцы просто не желали. Деньги казна отпускала только на монументы царю и царедворцам. На памятник баснописцу, которого знала и любила вся Россия, в царской казне и гроша ломаного не нашлось. Поэтому и пришлось объявлять открытую подписку. По всей стране начался сбор средств на сооружение памятника. Прошел он успешно, и в мае 1848 года состоялся конкурс на лучший проект памятника. Приняли в нем участие известнейшие скульпторы того времени: Н. С. Пименов, А. И. Тербенев, И. П. Витали, П. А. Ставассер. Свой проект памятника предложил и Петр Карлович Клодт.

До той поры если уж и создавались в каких-либо странах памятники поэтам, то принято было изображать их в античных тогах, в торжественных позах. Но ведь Иван Андреевич Крылов не был ни древним греком, ни древним римлянином — хорошим русским человеком был он. Таким и решил изобразить его на

памятнике Клодт. Даже выпросил у наследников баснописца его последний сюртук. В него и одел Ивана Андреевича. Книжку ему раскрытую в руки дал, словно сидит поэт и читает ребятишкам свои мудрые и веселые басни.

Но дальше задумал скульптор показать и сами эти басни. Точнее, их героев. Требовалось для этого вылепить множество зверей, птиц, даже змею и лягушку. С лошадьми скульптор был знаком преотлично, а вот нарисовать других животных, разместить их на пьедестале памятника пригласил помочь художника Александра Алексеевича Агина, известного иллюстратора книжек Н. В. Гоголя.

Сели они вместе, стали составлять список животных, встречающихся в баснях Крылова:

*Проказница Мартышка,
Осел,
Козел
Да косолапый Мишка...*

И так далее.

Вот тут-то и пришел черед упрямому клодтовскому ослу тоже стать натурщиком. Он-то у скульптора был!

А косолапого мишки пока не было. И мартышки тоже.

И Зоологического сада, такого, как сейчас, в ту пору в Петербурге тоже не было.

Тут нам придется даже чуть-чуть отступить от крыловских басен и немножечко рассказать о том, когда же над Невой появились первые заморские звери.

Первый «зверовой двор» был учрежден царем Петром I еще в 1711 году. «Двор» этот был обыкновенной избой, что стояла невдалеке от почтового дома, почти

напротив казарм лейб-гвардии Павловского полка. Жили в нем львы.

В 1714 году притапал в Санкт-Петербург слон. Своим ходом пришел из Астрахани в столицу. Зимой, чтобы у слона не замерзли ноги, ему из соломы плели даже некое подобие валенок. Слона подарил персидский шах. Вскоре слонов прибавилось, и жили они не-вдалеке от Летнего сада. Для них и для быков ауроков был построен специальный слоновник. На том месте, где находится сейчас Ленинградский цирк. Потом слонов перевели подальше — в конец тогдашнего Невского проспекта, и именно поэтому нынешний Суворовский проспект раньше именовался Слоновой улицей. Наконец царские зверинцы вообще из столицы выдворили — в Царское село и Петергоф.

Но тут стали приезжать в Россию охочие до больших денег иностранцы. Со своими частными зверинцами. В 1769 году прибыл некий Антонио Шозе, у которого можно было видеть «одного африканского верблюда, трех обезьян и двух ежей». В 20-х годах XIX века славился в столице зверинец Лемана, в 30—50-х — сразу два зверинца: Зама (на углу реки Мойки и Кирпичного переулка) и Турнера (у Почтового мостика).

А тот Зоологический сад, что находится сейчас на Петроградской стороне, просто и не существовал еще во времена И. А. Крылова. Открылся он только лишь 1 августа 1865 года.

Поэтому и не мог скульптор Клодт пойти в Зоосад и рисовать там зверей.

Но и лепить зверей просто с картинок скульптор не мог. Ему обязательно нужна была «натура» — живые звери. Что же делать? Пришлось свой домашний зоосад создавать.

Один из очевидцев этого зоосада, В. Толбин, писал в 1859 году в журнале «Семейный круг»: «Барон Клодт принялся лепить, и мастерская его мгновенно превратилась в настоящий зверинец. Там мычал ленивый осел и сосал лапу неуклюжий медведь, там куврыкалась обезьяна и важно расхаживали флегматичная цапля и длинноногий журавль, квакали лягушки, куковала в клетке рябая кукушка, щелкал соловей, хлопал крыльями петух — словом, все животные... были в деле, позировали перед скульптором, не желавшим ничего делать без натуры, ничего не производить по собственному вымыслу и фантазии».

На склоне своих лет, вспоминая об этих днях работы отца, Михаил Петрович Клодт тоже рассказал Маргарите Владимировне Ямшиковой: «Из царской охоты прислали волка; из новгородской губернии от дяди — медведя с двумя медвежатами; художник Боголюбов подарил маленькую забавную макаку с острова Мадееры. Отец добавил эти персонажи журавлем, ослом, лисицей и овцой с ягнятами. Все это разношерстное общество жило бок о бок не только в клетках; многие свободно расхаживали по мастерской и по комнатам и были дружны между собой, кроме волка, который не мог удержаться, чтобы не охотиться за кошками».

Разумеется! Должен же волк доказать, что собаке он близкий родственник. В остальном же он был нрава тихого. Целыми днями лежал он у лесенки, ведущей в мастерскую, и охранял покой своего хозяина. За время пребывания у Клодта Воля, как называли волка, ни разу не попытался убежать, никого не укусил, а лаять волки просто не умеют. Если же к хозяину шел какой-то посторонний человек, Воля поднимался во весь свой немалый рост и встречал посетителя громким протяжным воем. Этого было вполне достаточно, чтобы у пришель-

ца по спине мурашки побежали. Впрочем, грозился Воля или приветствовал посетителя — понять было трудно. Он ведь и хозяина встречал тем же воем. Хвостом вилять он тоже не умел — вот ему и оставалось только выть и тереться о ноги уважаемого им человека.

А кота Ваську Воля презирал еще, возможно, и потому, что кот был единственным обитателем кладовского зверинца, который имел право жить в комнатах. Пыталась, правда, проникнуть туда еще и огненно-рыжая лисица. Она и впрямь была красавицей, но — увы! — пахло от нее отнюдь не духами, и по этой причине вход в комнаты был ей запрещен. Гордая и обиженная, она не признавала никакого общества, и если по ночам Воля уходил спать к собакам, то лиса всегда была одна, на ночь отыскивала укромный уголок и, завернувшись в собственный пушистый хвост, чутко ждала рассвета.

Наиболее общительным в зверинце был медведь Мишук. Смешно косолапя, семеня он за Петром Карловичем, не отставая ни на шаг, охотно играл с ребятами и был равнодушен к сладостям. Чуть увидит у кого-нибудь в руках коврижку — сразу на задние лапы встает и давай танцевать! Особенно любили его танцы помогавшие скульптору в отливке рабочие. Однажды они Мишука даже водочкой угостили. Принял он чарочку, закусил кашей-размазней — и ну реветь, куврыкаться через голову, танцевать! Вскоре, правда, устал, грохнулся на землю и уснул.

И если Воля был упрямым домоседом, то Мишука всегда тянуло куда-то в неведомое. Сколько раз он убегал из мастерской! В книге «Памятные встречи» М. В. Ямщикова, печатавшаяся под псевдонимом Ал. Алтаев, рассказывает о том, как однажды, прогулявшись по мастерской, Мишук залез за ящики,

стоявшие у стены в углу, и притаился. Дождался часа, когда все ушли, когда верный помощник Петра Карловича Арсений запер снаружи дверь на замок. Тогда Мишук вылез из засады, забрался на стол, открыл широкую форточку и вылез на улицу. «Ночь была звездная, а Нева искрилась серебром. На снегу реки чернели вехи — крошечные досочки мостков. В синем свете морозной ночи черной глыбой на просторе Невы выделялся Мишук. В это время по мосткам шел, возвращаясь с работы, один из маляров, живших недалеко от Академии. Он издали принял медведя за собаку и ласково к себе поманил. Но когда мишка поднялся на задние лапы и доверчиво пошел за парнем, тот ясно разглядел медведя... Дрожа всем телом, он рванулся и пустился бежать от страшного зверя. А мишка, думая, что маляр с ним играет, весело побежал сзади... Маляр стремглав влетел в квартиру артели; бледный, дрожащий, с выпученными глазами, бросился он на лавку и закричал, задыхаясь: «Ребята... за мной... медведь...» Вслед за ним мохнатым комом ввалился мишка, весь в снегу, с веселым радостным ревом... Маляры, часто работавшие в Академии, хорошо знали клодтовский зверинец и, увидев Топтыгина, расхохотались: «Да ведь это же клодтовский Михайло Иваныч!»

Наутро его вернули в зверинец. Пробовал Мишук совершить и второй побег через форточку, но на этот раз застрял, и пришлось его вынимать из окна, сломав рамы.

Пришлось посадить Мишука на цепь.

Зато натурщиком он был великолепным! Петр Карлович решил изобразить его героем басни «Медведь у пчел», и стоило только приказать, Мишук мигом забирался на дерево и сидел там не шевелясь.

Не меньше хлопот было и с Макашкой — так называли пронырливую, юркую и безмерно любопытную макаку. Все ему было интересно. То раскидает по комнате карандаши, то развернет, растеребит тряпки, которыми обычно укутывают только что вылепленную скульптуру, то запустит яблоком в волка, то вцепится петуху в хвост! Понадобилось и для Макашки заказывать ошейник с цепью.

Но грозой домашнего зверинца был все-таки не волк, не медведь, не Макашка, а, как это ни странно, журавль Жура. Расхаживает он на своих длиннущих ногах по двору и все норовит кого-нибудь длинным клювом ткнуть. И Воле от него доставалось, и Мишуку, но чаще всего огненно-красному красавцу петуху. Тот и сам был весьма задирист, но, лишь издали приметив Журу, мгновенно давал такого стрекача, что и не догонишь! Жура позировал скульптору для рельефов к басне «Волк и Журавль», а петух — сразу для двух басен: «Петух и жемчужное зерно» и «Кукушка и Петух».

Жура был еще и героем барельефа к басне «Лягушки, просящие царя». Лягушек в своем зверинце Петр Карлович не держал. Когда надо, их приносили мальчишки целыми корзинками. Только попроси — сразу набегут, лишь бы разрешили посмотреть зверей!

Для басен «Вороненок» и «Ворона и Лисица» требовались, разумеется, вороны. Их было вокруг достаточно, а одного вороненка поймали скульптору плотники. Вот он в зверинце не прижился: так надоедливо кричал, что, едва вылепив его из глины, Петр Карлович поспешил избавиться от шумного вороненка.

«Приходящим» был и козел. Его приводила скульптору некая старушка, жившая поблизости. Было ей самой, видимо, лестно увидеть своего любимого коз-

лика отлитым в бронзе. Козлик же, который «жил-был у бабушки», имел на этот счет свое мнение. Подходя к воротам клодтовского зверинца, он гневно тряс бородой и упирался всеми копытами, чтобы только не заходить во двор. Да его и можно понять: ведь волком пахнет, медведем! Все же, несмотря на упорное сопротивление, стал он бронзовым героем крыловского «Квартета».

Не держал Петр Карлович в своем зверинце и свиней. Их вокруг было предостаточно. И дубов тоже. Так что и барельеф к басне «Свинья под Дубом» был создан с натуры. Вола же скульптор лепил на своей даче Халола в Финляндии.

Чтобы вылепить слона, скульптору пришлось просить разрешения посещать царский слоновник. Там доживал свой век тот самый, подаренный шахом, слон. Натурщиком он был образцовым, часами мог стоять неподвижно, лениво покачивая хоботом. Льва и барса Клодт ходил лепить на Мойку в зверинец Зама. А вот орла — героя басни «Кукушка и Орел» — приносил в зверинец слуга одного украинского помещика. Птицу эту поймал помещик в степи и всюду возил с собою. Впрочем, после открытия памятника он возгордился еще больше и всем своим друзьям рекомендовал: «Мой-то орел куда взлетел! В столице живет, в Летнем саду! Сам великий Клодт отлил его в бронзе для памятника баснописцу Крылову!»

В мае 1853 году Клодт отлил памятник в бронзе. Статуя Крылова была отлита не по частям, а сразу вся целиком. Это свидетельствует о большом мастерстве Петра Карловича не только как скульптора, но и как мастера художественного литья.

Встал вопрос: где поставить памятник? Разные поступали предложения. На набережной Невы между

Академией наук и университетом, где неподалеку жил баснописец; в сквере у Публичной библиотеки, в которой Иван Андреевич Крылов проработал долгие годы; на могиле поэта в Александро-Невской лавре... Клодт выбрал Летний сад. Может быть, потому, что здесь когда-то, до страшного наводнения 1777 года, по проекту архитектора М. Г. Земцова был сооружен зеленый лабиринт, а перед входом в него стояла отлитая из свинца статуя великого баснописца древности Эзопа и множество животных — персонажей его басен, — отлитых из свинца в натуральную величину, располагались рядом. А может быть, потому, что Иван Андреевич Крылов любил этот сад, часто гулял по его тенистым аллеям, сочиняя свои басни.

Да в недалеком прошлом он ведь и жил здесь рядышком: в доме И. И. Бецкого, стоявшем над Невой и окнами выходившем на Лебяжью канавку и Царицын луг (нынешнее Марсово поле). В ту пору он «с товарищи» И. А. Дмитриевским, П. А. Плавильщиковым и А. И. Клушиным задумали издавать журнал «Зритель». Был Иван Андреевич тогда молод, не менее, чем в баснях, язвителен и писал: «Дабы получить успех в изучении мудрости, надлежит лучше быть зрителем, а не действующим лицом в тех комедиях, которые играют на земле».

Чтобы осуществить издание журнала, «Крылов с товарищи» решили завести собственную типографию. Подали они соответствующее прошение, получили разрешение, и в феврале 1792 года петербуржцы уже ли- стали первый номер журнала «Зритель».

Типография была организована на паях, но — увы! — не мог молодой Крылов внести своего пая, беден был. А потому в ту пору некогда ему было отдыхать в Летнем саду, сидеть на скамеечках.

В «Зрителе» же читатели могли прочесть «Речь, говоренную повесою в собрании дураков» или большую повесть с продолжением «Каиб». Вроде бы Крылов писал в ней о каком-то восточном властелине, но на поверку всегда выходило, что все его подданные в Петербурге живут либо в других губерниях России. И все выглядят неприглядно. Не было тогда в стране никого сильнее вельмож Потемкина, Вяземского и Безбородко, а у крыловского Каиба тоже три визиря: Дурсан, Ослашид и Грабилей. Как тут не понять, в кого писатель метит, коли все трое визирей российских вельмож напоминают!.. Не удивительно, что в типографию «Крылова с товарищи» вскоре нагрянула полиция.

Пришлось Ивану Андреевичу уезжать из Петербурга. Кто тогда мог знать, что столицу покидает будущий великий баснописец, что в мае 1855 года в Летнем саду ему откроют памятник?

Что же стало с домашним зверинцем Клодта?

После создания памятника звери, жившие у скульптора, стали ему больше не нужны. Содержать же столь большой зверинец было трудно. Ведь его многочисленных обитателей надо было и кормить, и чистить. А кто это будет делать? Верный Клодту Арсений был все же формовщиком, а не служителем зоосада. Помогали Арсению всего лишь два мальчика и две девочки. Ну и все дети Клодта. Однако не так богат был скульптор, чтобы содержать стольких животных...

Пришлось с ними расстаться, передать в зверинец Зама. Как это ни было грустно, как ни привыкли скульптор и его дети к четвероногим и крылатым друзьям своим, пришлось всех их отвезти на Мойку. На Васильевском острове остались только кот, петух и Журя.

«— Мастерская быстро опустела, — вспоминал

М. П. Клодт. — Через два месяца мы отправились навестить старых друзей в зверинец Зама. ...Мы шли мимо клеток со львом и львицей, с тиграми, черной пантерой и вдруг я увидел нашего Волю. Я сразу узнал его. Он лежал с унылым видом и исподлобья смотрел на подошедших. Видимо, он не ожидал нас увидеть и равнодушно повернул голову. Со всех сторон раздался крик: «Воля! Воля!» Это кричали в один голос мы, дети. Волк вытянул морду, глаза его сверкнули. Приподнявшись, он издал дикий радостный вой и вдруг завизжал и забился о прутья клетки, готовясь их разломать, чтобы вырваться к друзьям. Но клетка была крепка и животное с жалобным воем опустилось на пол, покорно и грустно приникнув горячим языком к протянутому сквозь прутья клетки детским рукам. И другие звери нас узнали. Узнал Макарка, печальный, похудевший в неволе, узнал и мишка, ставший в клетке грустно-степенным. И больно было покидать зверинец...»

Теперь этих зверей можем увидеть и мы. Но только бронзовых — на пьедестале памятника Ивану Андреевичу Крылову.

ПЕРВЫЙ ЗНАМЯ ПОДНЯВШИЙ

Если уж называть Ленинград музеем под открытым небом, то надо иметь в виду, что это не только архитектурный музей, не только художественный — это еще и музей исторический. Многие его здания являются свидетелями выдающихся событий, площади — местами борьбы и сражений.

Конечно, одно от другого отделять не следует. В этом «музее» все переплетено, все связано воедино.

Для примера, взять хоть Казанский собор.

Широко распахнул он свои каменные крылья, целую рощу могучих колонн вывел на Невский проспект.

Когда-то на этом месте стояли деревянные флигеля госпиталя, казармы для служителей. Потом архитектор М. Земцов построил здесь церковь. За полвека церковь обветшала. Да и не украшала она центральный

проспект столицы. В октябре 1800 года был объявлен конкурс на проект нового собора. Знаменитые архитекторы приняли в нем участие: Ч. Камерон, П. Гонзаго, Тома де Томон! Победителем же вышел малоизвестный в то время архитектор Андрей Никифорович Воронихин. Он-то и был назначен «первенствующим членом» комиссии построения Казанского собора.

Немало довелось поудивляться петербуржцам, пока собор строился. Перво-наперво прослышали они о том, что возводить его, украшать будут только русские мастера. Ни одного иностранца! Скульптуры и барельефы для стен собора лепят ваятели С. Пименов, Ф. Гордеев, И. Мартос, В. Демут-Малиновский. Стены внутри расписывают В. Боровиковский, О. Кипренский, В. Шебуев, А. Егоров, А. Иванов. О каменотесах и плотниках говорить не приходится!..

Удивляли могучие колонны из пудожского камня! Да ведь его чуть ли не пилой пилить можно! Топором тесать! Ножом резать! Мягкий он. Но в том-то и дело, что мягок этот камень, лишь пока в земле лежит, возле деревни Пудость, что под Гатчиной. А вынь его из земли — другое получается. Чем больше на воздухе находится, тем тверже становится! Обрабатывать камень легко, а по прочности он цементу не уступит!

Удивлял и купол. Впервые в мире собирали его конструкции из кованого железа. Такое небывалое решение испугало даже старого зодчего Ивана Егоровича Старова.

«Не выдержат опоры подобной тяжести», — доказывал он.

Выдержали. Все выдержали. Опоры — купол. Воронихин — экзамен.

Удивляли двери. «Всего же любопытнее, — писал в 1838 году в «Путеводителе по Санкт-Петербургу» его

автор В. Бурьянов, — и достойнее удивления великолепная бронзовая дверь. Она отлита... с таким искусством, что самые малейшие углубления не было нужды чеканить».

Что же это за дверь?

Более пяти веков тому назад итальянский скульптор Лоренцо Гиберти украсил двери одного из соборов во Флоренции десятью бронзовыми барельефами на библейские сюжеты. Четверть века создавал он этот шедевр. Когда великий Микеланджело увидел его работу, он несколько часов не отходил от дверей и наконец, оторвавшись от барельефа, сказал: «Они так прекрасны, что достойны быть вратами рая!»

С той поры двери так и называют: Врата рая. Алебастровый слепок с них имелся в Петербургской Академии художеств. Его-то Воронихин и решил использовать для дверей Казанского собора. Решил, твердо зная, что есть в России мастер, который сумеет повторить творение Гиберти не хуже самого автора. Этим мастером был Василий Екимов.

Никому не известно, когда и где он родился. В Санкт-Петербург привели его солдаты Семеновского полка. Шли они с юга в столицу походным маршем, где-то по дороге подобрали безродного сироту и привели. А дальше как? Отдали Васю Екимова в ремесленную школу при Академии художеств — обучаться медному и чеканному делу.

Еще учеником Екимов сумел заявить о себе. Отлично отлил модель создававшегося тогда Медного всадника. Потом случилось так, что и в отливке самого памятника довелось участвовать Екимову, ставшему литейных дел мастером.

Лоренцо Гиберти в юности был ювелиром и свои бронзовые рельефные панно для дверей флорентийско-

го собора выполнил тоже с ювелирной точностью. Каким же надо было обладать мастерством, чтобы отлить точно такие же панно, не прибегая к чеканке!.. Да, знал Андрей Воронихин, кому поручал создание деталей собора! Двери — Василию Екимову, колонны — артели Самсона Суханова.

В мае 1903 года журнал «Исторический вестник» опубликовал воспоминания одного иностранного путешественника, посетившего Санкт-Петербург как раз во время строительства Казанского собора. Иностранца поразило то, что он увидел на строительной площадке: «Им, этим простым мужикам в рваных полушубках, не нужно было прибегать к различным измерительным инструментам; пытливо взглянув на указанный им план или модель, они точно и изящно их копировали. Глазомер этих людей чрезвычайно точен. С окончанием постройки собора торопились; несмотря на зимнее время и 13—15-градусные морозы, работы продолжались даже ночью; крепко зажав кольцо фонаря зубами, эти изумительные работники, забравшись наверх лесов, старательно исполняли свое дело. Способность даже простых русских в технике изящных искусств поразительна!»

15 января 1811 года собор был открыт. Почти сразу же суждено ему было стать и памятником. Уже в декабре 1812 года «отрядами конногвардейского и лейб-гвардии Конного полков препровождены были в Казанский собор вновь присланные сюда из армии трофеи, состоявшие из отбитых у неприятеля, при поражении его, двадцати семи французских знамен и штандартов». А полгода спустя, 11 июня 1813 года, сюда доставили тело фельдмаршала М. И. Кутузова. Из этого собора ушел он на войну с Наполеоном, здесь под гранитными плитами решено было и похоронить полководца. Хо-

ронил его весь Петербург. Прах фельдмаршала, умершего вдали от родины, встретили на границе города. Лошадей выпрягли. Траурную колесницу, сменяя друг друга, везли солдаты и офицеры кутузовских полков, мастеровые столицы, студенты, чиновники. В потоке провожающих шел и молодой поэт Кондратий Рылеев. Возможно тогда родились у него строки:

*...И бич, и ужас для французов,
Скончался телом ты, Кутузов,
Но будешь вечно жить, герой.*

А 25 декабря 1837 года, в 25-ю годовщину изгнания наполеоновских войск из России, перед Казанским собором встали два памятника героям Отечественной войны 1812 года — М. И. Кутузову и М. Б. Барклаю-де-Толли.

Стоит еще раз обратиться к Казанскому собору, подумать: кто же его создал? Сам собор создан трудами бывшего крепостного графа Строганова Андрея Воронихина.

Памятники полководцам двенадцатого года создал другой крепостной — Б. И. Смирнов. До тридцати лет был он рабом одного из помещиков Орловской губернии и, лишь выйдя на волю, взял себе новую фамилию — Орловский. А отливал памятники тот же сирота — Василий Екимов.

И здесь вплотную к нам подходит история еще одного рабочего человека — Якова Потапова.

...Когда закончилось строительство Казанского собора, распахнулась перед ним почти прямо на Невском проспекте площадь, вымощенная булыжником.

На этой-то площади 6 декабря 1876 года и произошло событие, взбудоражившее всю столицу.

Был понедельник. День зимнего Николы. Казанский собор наполнили молящиеся.

Погода выдалась морозная и дежурный городской Есипенко, прохаживаясь между огромными колоннами собора, думал лишь о том, чтобы скорее смениться с поста да подсесть к пышущему жаром самоварчику. Но вскоре почудилось ему что-то неладное. Уж больно много молодых людей стало собираться на площади. Обычно-то в храм ходят все больше пожилые, степенные люди, молодежь его сторонкой обходит, а тут...

Стал Есипенко присматриваться. Одна группа, другая...

Одни в собор идут, другие на площади о чем-то шепчутся.

Одни, судя по всему, студенты в «пледах», накинутых на плечи, в шляпах с большими полями. Курсистки «стриженные» между ними, в темных очках. Иные — в полушубках, на мастеровых больше похожи. Этих-то как сюда занесло? Рабочий люд по окраинам столицы живет, в центр города и не заходит почти. Что им тут делать? Магазины не по карману, театры, рестораны — все для господ тут...

Каким ветром могло сюда мастеровых занести? Не к добру это.

Между тем в соборе шла служба. К священнику протиснулась группа молодых людей, потребовала воздать молитву во здравие Николая. А какого-такого Николая — не говорят. Николая, и все тут.

«Уж не государственного ли преступника Чернышевского?» — насторожился священник. В просьбе решительно отказал. Вокруг молодых людей зашикали. И тогда несколько сот собравшихся в соборе повернулись к выходу.

Городового Есипенко от дверей оттиснули. Да он этому только и рад был. Побежал, захрустел по свежему снежку в участок — приставу докладывать.

Толпа же из собора вышла. К подножию одной из колонн приблизился молодой человек в черном пальто, снял шляпу, и ветер растрепал его русые волосы.

— Плеханов! — узнали в толпе. — Он! Из Горного института студент.

Молодой человек поднял руку и не очень громко, но достаточно твердо сказал:

— Товарищи! Друзья! Мы собрались здесь, чтобы протестовать против произвола царских властей, заточивших в тюрьму нашего дорогого старшего товарища Николая Гавриловича Чернышевского, других беззаветных борцов за волю народную. Мы собрались, чтобы заявить перед всем Петербургом, перед всей Россией нашу полную солидарность с этими людьми, с их борьбой за лучшую долю. Наше знамя — их знамя!

И тут стоявший рядом со студентом Плехановым паренек распахнул полушубок, и над толпою словно пламенем полыхнуло.

Участник демонстрации у Казанского собора А. Бибергаль писал потом: «...было выкинуто красное знамя, но без древка оно плохо развertyвалось... Тогда молодой рабочий Потапов взял знамя в руки, после чего был поднят с ним высоко над головами».

О демонстрации у Казанского собора писал впоследствии и сам Георгий Валентинович Плеханов — один из первых революционеров-марксистов, чье имя носит сейчас улица, идущая от Невского проспекта мимо Казанского собора. Чье имя носит и Ленинградский Горный институт, где когда-то учился Георгий Валентинович.

«В то время, — писал он, — у всех была в памяти демонстрация, ознаменовавшая весною 1876 года похороны убитого тюрьмою Чернышева. Она произвела очень сильное впечатление на всю интеллигенцию, и все лето того года мы, что называется, бредили демонстрациями. Но в той демонстрации рабочие не принимали участия... И вот рабочим захотелось сделать с в о ю демонстрацию... Рабочие уверяли нас, что если хорошо взяться за дело и выбрать для демонстрации праздничный день, то на нее соберется до 2000 рабочих.

...Еще за несколько дней до демонстрации мы увидели, как несбыточны были розовые надежды задумавших ее революционных рабочих, но отступить было уже поздно... Вечером 4 декабря собрание, на котором, кроме нас, землевольцев, были влиятельнейшие рабочие с разных концов Петербурга, почти единогласно решило, что демонстрация должна состояться, если на ней соберется хотя бы несколько сот человек. На этом же собрании была предложена и одобрена мысль о красном знамени...»

Его и поднял 18-летний рабочий фабрики Торнтон Яков Потапов.

Недолго оно полыхало над площадью. Со всех сторон уже слышались полицейские свистки и ругань. Придерживая шашку, бежал пристав. Спешил за ним городской Есипенко. Не отставали другие городовые. А следом за ними надвигались плотной стеной «добровольные помощники»: дворники, извозчики, носильщики Гостиного двора... Все молодцы дюжие, до драк охочие, выслужиться — тем более!

Яков Потапов быстро затерялся в толпе. Демонстранты построились в широкую колонну и двинулись к мосту через Екатерининский канал.

Кто-то запел «Марсельезу», сотни голосов подхватили песню.

А на пути уже стояли конные городовые.

Плеханова демонстранты уберегли. Ему удалось скрыться и избежать ареста. Потапова же схватили, избili и, всего окровавленного, приволокли в полицейский участок.

«Дело о преступной демонстрации, бывшей на Казанской площади 6 декабря 1876 года» в царском суде разбиралось целую неделю. Прокурор постарался докопаться до сути. «Демонстрация была задумана от начала до конца, — говорил он, — кроме того, все, что было задумано, приведено в исполнение, не удалось только распространить беспорядок далее, т[о] е[сть] выйти на Невский проспект, одну из оживленнейших улиц С.-Петербурга, и тем еще более развить, хотя бы по внешности, движение, долженствовавшее иметь окраску движения рабочего».

Шестеро обвиняемых были приговорены к каторжным работам, другие — к ссылке в Сибирь.

Якову Потапову выпала иная участь. Он и его товарищ рабочий Матвей Григорьев считались еще несовершеннолетними. (По законам Российской империи совершеннолетними считались люди, достигшие двадцати одного года.) Им двоим да еще 23-летнему рабочему Василию Тимофееву ссылка в Сибирь была «всемилоостивейше» заменена «разосланием в отдаленные монастыри на покаяние». Срок «покаяния» определялся в 5 лет. В приговоре указывалось, что ссылаются Потапов, Григорьев и Тимофеев «с поручением их особому попечению монастырского начальства для исправления их нравственности и утверждения оных в правилах христианского и верноподданнического долга».

Синод — главное церковное учреждение России — 2 месяца искал, куда бы послать Потапова, и выбрал наконец Спасо-Каменский монастырь под Вологдой.

Повезли Яшу Потапова по каналам Мариинской системы, по Ладогe, по Свири, по Онежскому озеру, по Белому... 40 дней везли, пока не причалили к берегам Кубенского озера — к стенам Спасо-Каменской обители.

Епископ Вологодский Феодосий повелел «бунтаря» в келью заточить, приставил к нему самых опытных монахов-«перевоспитателей». И началось!.. То проповеди, то молитвы, то увещевания. Недели не прошло — до того монахи Потапову надоели, что хоть беги! Только не убежать ведь. Отвернется он от своих «наставников» лицом к стене и молчит. А то наоборот: смеется им в глаза. Да еще и поколотить грозит.

Два года бились монахи с «бунтарем» — из сил выбились. Сам Феодосий не выдержал, в Петербург письмо отправил: дескать, сей преступник для монастыря зело опасен, «распространяет антиправительственные взгляды, разлагает монашескую общину». Просит Феодосий: заберите вы от нас сего грешника, паки присмотр за ним «требуется не монастырский, а строгий полицейский».

Из Синода письмо епископа переправили шефу жандармов Дрентельну. Порешили совместно: отправить Якова Потапова в Соловецкий монастырь. Тот монастырь, что и говорить, построже. Среди студеного Белого моря на острове стоит.

22 июля 1879 года привезли Якова в Соловки. Настоятель, архимандрит Мелентий, над жильем для узника долго не задумывался. Есть у монастыря под каменными стенами мешки земляные, есть темницы в башнях, есть кельи, на каменные гробы похожие.

В одну из них и кинул Якова. «Воспитателем» приставил иеромонаха Паисия — хитрого, злобного. Поклонился Паисий архимандриту, пообещал сломить упрямого грешника.

Только не таков был первый красный знаменосец, чтобы монахам сдаться. Ни тесные сырые стены, ни сладкоголосые монашьи речи не могли свернуть его с пути, который он еще мальчишкой выбрал. В долгие холодные ночи вспоминал он деревню свою Казнаково, что осталась темнеть худыми избами на Тверской земле, вспоминал детство свое голодное, вспоминал, как четырнадцать лет ушел из родного дома в город, в артель записался, на одних нарах спал с ткачами, красильщиками, железнодорожниками... Хорошего человека встретил там. мастерового с фабрики Торнтон-Петра Алексеева. Услышал раз, как тот частушку спел, — и сразу поверил молодому ткачу. Озорная была частушка, колючая:

*Столица наша чудная
Богата через край.
Житье рабочим трудное,
Миллионерам — рай!*

А вечером как-то Алексеев такие стихи прочитал — мурашки по спине побежали!

*Эй, работники, несите
Топоры, ножи с собой!
Смело, братья, выходите
За свободу в честный бой!*

Справедлив был Петр Алексеев. К хозяевам, к порядкам царским непримирим. Умел за рабочее дело по-

стоять. А ему, Яше Потапову, доверял. Потом даже разные поручения давал, тайные.

Старался Яша, выполнял их толково — с задоринкой, с хитринкой. Но однажды все-таки попался. В Киеве. Сцапали его жандармы. Уж как они вокруг него кружили тогда! И страшали, и денег сулили, и вопросами разными путали, сбивали с толку. Только ни разу он, Яша, не проговорился. Поверили «фараоны», что и не знает он ничего, выслали на поруки к отцу.

Недолго он тогда дома прожил. Что в деревне делать? Тишь, глушь, скукота, да и есть нечего. Опять удрал. В Питер. Устроился на фабрику Торнтонга, думал там Петра Алексеева встретить, да не довелось...

Не знал Яков Потапов, что вскоре после той демонстрации на Казанской площади, всего два месяца спустя, судил царский суд и Петра Алексеева. Не слышал Яша, как сказал на суде его старший товарищ: «Подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда — и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!»

Слова эти по всей России разнеслись, но монастырских стен не пробили. Другое гудел Яше по-комариному отец Паисий. До того надоед, что Яша огрызаться стал. Тот ему — слово. Яша иеромонаху — три! Тот ему — про помазанника божьего на земле, царя российского, Яша в ответ — про угнетателя народа, того же царя.

Поспешил, поспешил Паисий архимандриту заверения давать!.. Ничего у него с «перевоспитанием» не получилось. Он уже и увещевал грешника, и наказывал — на хлеб и воду сажал, цепями к стене приковывал — не сдается. Пришлось теперь Мелентию о своем бессилии в Петербург писать, обер-прокурору Синода Победоносцеву докладывать: ничего, дескать,

с грешником Потаповым не получается. Приведешь его в церковь, а он вместо молитвы насмешки строит, никакого к господу богу почтения не проявляет. Сообщите, мол: что с ним дальше делать?

И хотя толсты были стены Соловецкого монастыря, пустынно море вокруг, но и туда проникла весть, что 1 марта 1881 года революционеры-народовольцы убили царя Александра II. Приказано было во всех церквях России провести молебствия по убиенному императору. На молебствиях этих присутствовать должны были все без исключения, в том числе и узники монастырских тюрем. Привели в церковь и Яшу. Голодного, оборванного. Смотрит он на разжиревшие рожи монахов, напустивших на себя грустные мины, и радуется в душе. Нашлись все же смелые люди! Значит, живет дело, за которое и он боролся! Не зря, значит, терпит он голод и муки. Как встал Яша, прислонясь к стене, так и простоял всю молитву.

Закончил Мелентий речи свои, к выходу пошел. Тут и шагнул к нему Яша, потребовал облегчить тюремный режим. Архимандрит только злобно глазами сверкнул, процедил сквозь зубы:

— Увести и запереть покрепче!

Не выдержал Яша. Размахнулся пошире да так треснул Мелентия, что тот с ног повалился. Это в церкви-то! При огромнейшей толпе богомольцев разных! Такой неслыханный поступок должен был караться высшей мерой наказания. Знал об этом Яша. Может быть, потому и крикнул:

— Теперь я свободен и доволен! Держите меня теперь сколько угодно!

Навалились на него. Повалили. Замолотили кулаками, сапогами!.. Очнулся Яша уже в своей камерке. И задумал совсем неслыханное: бежать!

И откуда только силы взялись! Просунул ножку табуретки между прутьев оконной решетки, отогнул прутья. Из полотенец веревку связал. Спустился по ней на землю. На первых порах повезло: никого во дворе монастырском!.. Все на службе в соборе. И ворота открыты. Вышел через них Яков, смешался с толпой богомольцев. А дальше как? Три шага шагнул — море бескрайнее перед ним. Лодка нужна. До Кеми хотя бы добраться. Ошибся тут Яша: доверился одному богомольцу, открылся, кто он есть, попросил помочь...

Тем временем и в монастыре побег обнаружили, в погоню кинулись.

Снова Яшу до полусмерти измолотили, в кандалы заковали. И на ногах железа, и на руках...

Снова предстоял суд. За оскорбление архимандрита и за побег сразу. 4 сентября 1881 года Потапову новый приговор вышел: «...лишить Якова Потапова всех прав состояния и сослать на поселение в отдаленнейшие места Сибири с преданием церковному покаянию».

6 лет пробыл Яша в монастырских тюрьмах. Теперь покидал их даже с радостью, хотя и знал: впереди тоже не сладко будет. Снова повезли его водою на барже. Теперь по Северной Двине. В Котласе сошли на берег. Начался пеший путь — на Урал, за Урал, через всю Сибирь. Гремят кандалы, не дают шагу сделать, а конвойные все равно поглядывают да подгоняют. Осень сменилась зимою, зима — весною, весна — летом, — а он все шел и шел. Ноги в кровь избил, обессилел, но шел.

2 года продолжался невыносимый путь. Наконец студеным зимним днем, коченея от стужи, пришел он в конце января 1884 года в Якутск.

Якутский губернатор прочел в казенной бумаге: «отдаленнейшие места» и определил Якову местом

жительства Вилюйск, еще в пятистах километрах от Якутска лежащий. Слышал Яков, что был когда-то сослан туда и Николай Гаврилович Чернышевский, потому про себя улыбнулся: стало быть и он, Яков Потапов, знаменосец первой рабочей демонстрации в России, — важнейший государственный преступник.

Только провезли его мимо Вилюйска, еще дальше загнали. В такое глухое место, что и не одного русского человека уже рядом не было. Поселили Потапова в наслеге (волости) Кобяй, возле Иннокентиевской церкви. Отдали «на попечение» местной якутской общины.

Предстояло медленно умирать. В монастырях, в тюрьмах на него хоть царские деньги шли — «кормовые». Теперь он «поселенцем» стал — никаких денег на питание ему уже не полагалось. Заработать? Да где, как в этой глуши холодной заработать можно? С якутскими старшинами-тойонами, со священником он в первую же неделю поругался. Отверг все обряды церковные. Оставалось кормиться одним подаванием. Только много ли могли подать ему такие же бедные, забитые, запуганные якуты?

И тогда Яков Потапов начал писать губернатору. Требовал, чтобы отправили его домой, в деревню Казнаково, ибо давно уже вышел 5-летний срок заключения, определенный ему царским судом. Губернатор все потаповские письма в стол кидал не читая. Шесть писем получил — ни на одно взглянуть не удосужился. Уже после революции нашли их в губернаторском столе.

Вместо определенных судом пяти лет ссылки пробыл в ней Потапов пятнадцать.

А площадь перед Казанским собором не раз еще собирала борцов против царизма. 4 марта 1897 года на ней грянула новая демонстрация. Пришлось вызывать

войска, чтобы разогнать собравшихся. У солдат царских по этому поводу даже припевка сложилась:

*Как четвертого числа
Нас нелегкая несла
Смуту усмирять!
Целый день нас не кормили,
Только водкою поили,
Водкою одной!
Много силы у солдата,
Но давить родного брата
Можно лишь спьяна!..*

Спустя 4 года, тоже 4 марта, вновь увидела Казанская площадь демонстрантов. Они уже были лучше организованы. В передаваемых из рук в руки прокламациях можно было прочесть строчки Н. А. Некрасова:

*Душно без счастья, без воли,
Ночь бесконечно темна,
Буря бы грянула, что ли, —
Чаша с краями полна!*

И вновь над площадью свистели нагайки. Лилась кровь. Производились аресты. Возмущенные расправой над студентами, 75 петербургских писателей, в том числе А. М. Горький, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Н. Г. Гарин-Михайловский, подали правительству протест.

Аресты, избиения царю не помогли. Время самодержавия близилось к закату. Всего лишь год прошел, и 3 марта 1902 года Невский проспект снова заполнили ряды демонстрантов и опять запылали над их головами кумач лозунгов: «Долой самодержавие!», «Да здравствует свобода!».

В течение сорока лет площадь перед Казанским собором чуть ли не ежегодно видела демонстрации, митинги поднимающихся на борьбу с царизмом людей.

Якову Семеновичу было уже почти 40 лет, когда наконец «милостиво» разрешили ему вернуться в родные края, на Тверскую землю. А по сути дела, надсмеялись над человеком. Как же через всю страну ехать, коли нет ни копейки? Да и не мог он уже один, без провожатого отправиться в такой далекий путь. До Якутска добрался, а дальше — никак.

И все-таки пришел к Якову Потапову радостный день. В октябре 1917 года пала власть буржуев и помещиков, а 1 июля 1918 года Советская власть пришла и в Якутск. Затрепетали на ветру алые полотнища флагов. Над колоннами демонстрантов запылали, над домами! Смотрел на них Яков Потапов и вспоминал то, первое, что вспыхнуло красной искрой у Казанского собора. Вон их сколько теперь, красных знамен! Через тюрьмы, ссылки, бои на баррикадах прошли они и — победили!

В НАЧАЛЕ ПУТИ

Гостей своих Ленинград чаще всего встречает на Московском вокзале.

Вокзал этот — один из старейших в стране. В 1847—1851 годах возвел его архитектор К. А. Тон. Внешний облик здания сохранился и по сей день, внутри же вокзал неоднократно перестраивался. С каждым годом все больше прибывало к нему поездов, а потому он увеличил количество своих платформ. Чтобы прибывающие, отъезжающие и провожающие не теснились, на вокзале убрали мелкие помещения, расширили залы, построили подземные переходы, ведущие к станции метро «Площадь Восстания».

Едва выйдя из вагонов, гости Ленинграда попадают в просторный зал и сразу видят бюст Владимира Ильича Ленина на высоком пьедестале, а на стене за

ним читают строки из постановления II съезда Советов от 26 января 1924 года:

«...Удовлетворить просьбу Петроградского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, поддержанную резолюциями рабочих всех фабрик и заводов Петрограда, о переименовании города Петрограда в Ленинград.

Пусть отныне этот крупнейший центр пролетарской революции навсегда будет связан с именем величайшего из вождей пролетариата, Владимира Ильича Ульянова-Ленина».

Памятник в большом зале вокзала был открыт в 1968 году.

Совсем иным был этот вокзал в конце прошлого века. И поезда к нему шли не так часто и не так быстро, как теперь. В одном из них в конце августа 1890 года и ехал молодой, исключенный из Казанского университета студент Владимир Ульянов.

За окном мелькали подернутые желтизной осени березы и рябины, убегали назад ветхие избенки. Где-то уже далеко-далеко осталась Казань, 4 декабря 1887 года, сходка, на которой студенты протестовали против закона, запрещавшего принимать в гимназии детей «кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и т[ому] п[одобных] людей».

В тот день попечитель Казанского учебного округа Н. П. Масленников получил от инспектора Казанского университета список студентов, участвовавших в недозволенном собрании и произнесении противоправительственных речей. Под № 139 в списке стояло имя: «Ульянов Владимир Ильич» и рядом красовались три креста, что означало: исключен. Написали «исключен» — и словно отрубили топором от всего, что любил, что было смыслом жизни.

Через три дня пришло и свидетельство об исключении, а три недели спустя за бывшим студентом полиция установила негласный надзор.

Надзор полиции не самое страшное. Гораздо хуже то, что нельзя вернуться в университетские аудитории...

И мама от огорчения извелась вся. Прошение за прощением пишет. То в Казанский университет, то министру просвещения, то в департамент полиции... Просит разрешить сыну хоть экстерном держать экзамены в любом из университетов страны. Экстерном — это значит, не посещая лекций, самому засесть и прочитать все необходимые книги, пройдя всю программу многолетнего обучения, приехать и — сдать.

На годы растянулась переписка, и наконец вот оно, разрешение.

Надо ехать в Петербург, все узнать как следует, оставить прошение.

Какой он, Петербург? Где-то есть в нем Съезжинская улица, Тучков переулок... Жил там брат Александр. Улицы остались, дома целы, а брат казнен в Шлиссельбургской крепости. Есть в столице и неведомый пока Васильевский остров, на нем — Бестужевские курсы... Там занималась сестра Анна. Теперь Оля туда поступает. Скоро уже увидит он и Неву, здание университета над нею...

Да, судя по всему, трудненько ему придется. К тем, кто сдает экзамены экстерном, экзаменаторы подходят куда как строже! А он еще и брат «государственного преступника», учившегося в тех же аудиториях.

Впрочем, первый приезд молодого Владимира Ульянова в Петербург был кратковременным. Оставил прошение, ознакомился с программой, купил книг и уехал. Даже адреса, где он останавливался, не

сохранилось. Но и года не прошло — Владимир Ульянов вновь в Петербурге. Живет на Тучковой набережной (ныне набережная Макарова, 20), готовится к экзаменам.

К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича был издан первый том (из 12): «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника». Листаешь страницы этой книги и видишь, каким напряженным был 1891 год для молодого Владимира Ульянова. Экзамены! Экзамены!.. Но не только они одни.

«...Пишет сочинение по уголовному праву».

«...Сдает экзамены по истории русского права и государственного права».

«...Сдает экзамены по политической экономии и статистике».

«...Посещает преподавателя Технологического института Л. Ю. Явейна... и берет у него марксистскую литературу».

«...Сдает экзамен по истории римского права».

«...Встречается с некоторыми петербургскими марксистами, получает марксистскую литературу».

«...Сдает устные экзамены по полицейскому праву».

«...По церковному и международному праву».

Экзаменационный лист испытательной юридической комиссии при Петербургском университете, помещенный 1891 годом, сохранился до наших дней. Выглядит он обычно. Тринадцать фамилий экзаменующихся, против каждой — полученные ими оценки. Среди оценок больше всего «У» (что означало «удовлетворительно»), попадаются и «НЕУ» («неудовлетворительно»). Против имени «Владимир Ульянов» — ровненький строй одних только «ВУ» («весьма удовлетворительно»).

Не изменил себе Владимир Ульянов: гимназию закончил с золотой медалью, университет — с дипломом первой степени.

На обширном листе диплома перечислено множество сданных предметов. Но ведь был и еще один — марксизм. О нем экзаменаторы не знали. Но именно он-то и стал главным в жизни Владимира Ильича.

И когда в дождливый холодный день 31 августа 1893 года снова сошел он с поезда на платформу Николаевского вокзала, цель его приезда в Петербург была уже совсем иной. Умещалась она в одно короткое слово: борьба.

На привокзальной Знаменской площади (ныне площадь Восстания) не было еще широкоизвестного памятника, прозванного народом «Пугало». Да и быть не могло! Живо было еще само «пугало» — император Александр III.

По Невскому проспекту спешили наперегонки конные экипажи, пролетки и набравшие силу первые «авто». Несмотря на пасмурную погоду, по проспекту спешила, колыхалась, мельтешила толпа. Нырни в нее — и затеряешься. Однако приезд из Самары молодого юриста Ульянова, находящегося под негласным надзором полиции, был отмечен донесением петербургского охранного отделения: «ФАМИЛИЯ — Ульянов, ИМЯ — Владимир, ОТЧЕСТВО — Ильич, ЗВАНИЕ — сын действительного статского советника. Прибыл 31 августа 1893 года в С.-Петербург и поселился в д[оме] № 58 по Сергиевской улице, 4-го участка Литейной части».

Сергиевская — это нынешняя улица Чайковского. Здесь на доме № 58 в 1963 году была установлена мемориальная доска. Надпись на ней гласит: «В этом доме с 31 августа до начала октября 1893 года жил

Владимир Ильич Ленин. С этого времени началась его деятельность по созданию революционной марксистской партии в России».

Видимо, квартира на Сергиевской не очень понравилась молодому Владимиру Ильичу. Кругом богатые особняки, кареты, усатые городовые!.. Поэтому вскоре и переехал он на более тихую, неприметную Ямскую улицу (ныне улица Достоевского). «Комнату, — пишет он матери, — я себе нашел наконец-таки хорошую, как кажется: других жильцов нет, семья небольшая у хозяйки, и дверь из моей комнаты в их залу заклеена, так что слышно глухо. Комната чистая и светлая. Ход хороший. Так как при этом очень недалеко от центра (например, всего 15 минут ходьбы до библиотеки), то я совершенно доволен».

Прочитайте повнимательнее это письмо еще раз. И увидите: писал ее революционер-подпольщик. Какую он себе комнату выбрал? А вот какую: «других жильцов нет», «дверь... заклеена», «слышно глухо», «ход хороший». И что весьма существенно для Владимира Ильича, «всего 15 минут ходьбы до библиотеки».

От книг молодой революционер ни на один день не отрывался. Пройдем по другим адресам, где в ту пору жил Владимир Ильич, — все они неподалеку от Публичной библиотеки. Большой Казачий переулок (ныне переулок Ильича), Таиров переулок (ныне переулок Бринько), Верейская улица, Гороховая (ныне улица Дзержинского). Отовсюду до библиотеки рукой подать.

Было в тот приезд у Владимира Ильича письмо — от нижегородских марксистов к петербургским. Очень хотелось молодому волжанину поскорее свести с ними знакомство, да та же конспирация подпольщика подсказывала: не торопись! Пусть недреманное око поли-

ции поуспокоится, дремать начнет. Лишь через месяц после приезда навестил Владимир Ильич студента Петербургского университета Михаила Сильвина, вручил ему письмо.

«Вероятно, это было в октябре 1893 года... — вспоминал впоследствии М. А. Сильвин. — Владимир Ильич пришел ко мне не рано, часов около одиннадцати... В переданном им письме, которое я тут же просмотрел, нижегородцы предлагали отнестись к Владимиру Ильичу с полным доверием и упоминали об Александре Ильиче. Это было более чем достаточно, и я сейчас же понял, какого рода знакомства ищет мой посетитель».

Через некоторое время к помощнику поверенного Ульянову зашли домой С. И. Радченко и Г. Б. Красин. Вспоминал сам Красин: «Мы явились к Владимиру Ильичу с целью познакомиться и произвести попутно легкий теоретический экзамен ему по части твердости его в принципах марксизма». Владимира Ильича они застали «в скромной, но все же довольно просторной, на студенческий лад обставленной комнате. Перед нами предстал, как мне показалось тогда, относительно «пожилой», но необычайно оживленный, веселый человек, глаза которого не смотрели, а буквально производили обстрел. Вместе с тем он был прост, товарищески радужен и настолько непринужден, что сразу же вселил к себе доверие и расположение». «Проекзаменовать» же приезжего «оказалось делом довольно трудным, так как сами мы сразу же оказались в положении экзаменуемых».

Вскоре Владимир Ульянов вступает в марксистский кружок студентов-технологов. «За обнаженный лоб и большую эрудицию, — вспоминал другой участник этого кружка Г. М. Кржижановский, — Владимиру

Ильичу пришлось поплатиться кличкой «Старик», находившейся в самом резком контрасте с его юношеской подвижностью и бившей в нем ключом молодой энергией. Но те глубокие познания, которыми свободно оперировал этот молодой человек, тот особый такт и та критическая сноровка, с которыми он подходил к жизненным вопросам и к самым разнообразным людям, его необыкновенное умение поставить себя среди рабочих... все это прочно закрепило за ним придуманную нами кличку».

В ту пору добраться из центра до городских окраин было куда как ближе — город сейчас разросся необыкновенно. Но вот то, что добираться тогда было гораздо труднее, — это точно. И дело тут не в одном транспорте. За рабочими окраинами зорко следила охранка. Боялся русский царь рабочего люда. Но именно туда, на Васильевский остров, за Нарвскую и Невскую заставы, больше всего и стремился молодой Ленин. Там видел он главную силу революции.

Есть много книг о Владимире Ильиче. А в Ленинграде создана о нем еще одна удивительная книга. Ее страницы вырублены из мрамора, золотом сверкают буквы. Страницы эти — мемориальные доски на стенах десятков домов.

Одна из них укреплена на стене дома № 12/4 по улице Комсомола. Надпись гласит: «Здесь осенью 1895 года под руководством В. И. Ленина состоялось совещание петербургских марксистов, на котором произошло организационное оформление общегородской социал-демократической нелегальной организации, вскоре получившей название «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

...Среди огромных новых домов Невского района стоит на Ново-Александровской улице небольшой де-

ревянный домик. Четыре окна сверху, четыре снизу. Вокруг — булыжная мостовая.

В конце прошлого века в этом домике снимал комнату рабочий Обуховского завода Василий Андреевич Шелгунов. Комнатка была невелика и вмещала немного: железную кровать, маленький столик с керосиновой лампой на нем, несколько старых стульев да этажерку. Невелика, но удобна. Спускался над Невской заставой вечер, зажигались редкие тусклые фонари, и поодиночке шли к Шелгунову рабочие: И. В. Бабушкин, Н. Е. Меркулов, В. А. Князев, В. И. Яковлев... Ночью так же поодиночке расходились.

В квартире Шелгунова Ленин вел кружок. Вначале строку за строкой читали книги Маркса и Энгельса. Если встречалось что-либо непонятное, Ленин останавливал чтение, тут же разъяснял встретившуюся сложность. Вопросы сыпались на Владимира Ильича в изобилии. Но это до перерыва. После него вопросы сыпались в том же изобилии уже на слушателей. Ленина интересовало все. Каковы условия труда на заводах? Велика ли зарплата? Много ли рабочих недавно приехало из деревни? За что штрафуют? В итоге само собой получалось, что без борьбы с хозяевами-капиталистами лучшей доли не жди! А для борьбы нужно единство всех рабочих и работниц. К этому их следует звать и готовить.

Как объединять? Как готовить? Для начала хотя бы листовками.

В 1894 году, в канун рождественских праздников, рабочим Семянниковского завода не выдали зарплаты. Вспыхнул стихийный «бунт». Хозяева с помощью полиции подавили его. Но неожиданно и для хозяев, и для охраны «бунт» этот стал «виновником» появления первой листовки.

«Первый «листок», — рассказывала позже Н. К. Крупская, — написал Ленин, переписал от руки печатными буквами в 4-х экземплярах, Бабушкин разбросал по заводу. Два листка подняли сторожа, а два были подняты рабочими и пошли по рукам — это считалось большим успехом тогда».

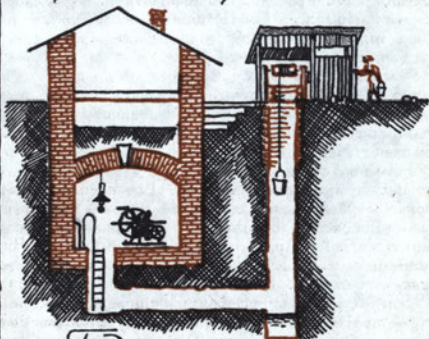
Семяниковский завод стоял на левом берегу Невы. На правом возвышались корпуса фабрики Торнтонов. Много лет владели фабрикой английские капиталисты Торнтоны, порядки там завели жестокие. Ткачи, как солдаты, жили в казармах, ютились на нарах. Продукты вынуждены были втридорога покупать в фабричных лавках, где их обирали немилосердно. В архивах сохранились сведения, из которых видно, что за 10 лет Торнтоны заграбастали больше 14 миллионов рублей. Один лишь Чарльз Торнтон получал за неделю столько прибыли, сколько не могли заработать и 2 тысячи ткачей.

— И все этим кровососам мало, — услышал как-то Владимир Ильич в комнате Шелгунова. — Торнтон опять расценки снизил, а плату за квартиры поднял. Бастуют ткачи. Из пятисот бастовавших ткачей тридцать оказались в тюрьме.

«Союз борьбы за освобождение рабочего класса» решил откликнуться, поддержать ткачей. Об условиях работы на фабрике Ленину рассказал рабочий Кроликов. «Потом я с Аполлинарией Александровной Якубовой, — вспоминает Н. К. Крупская, — подвязавшись платочком и придав себе вид работниц, ходили сами еще в общежитие фабрики Торнтон, побывали и на холостой половине, и на семейной. Обстановка была ужасающей. Только на основании так собранного материала писал Владимир Ильич корреспонденции и листовки».

Дом Шелгунова

Подпольная типография

Зато и на фабрике сразу же поверили, что писал листовку «К рабочим и работницам фабрики Торнтон» кто-то из своих, из фабричных.

Было этих листовок всего несколько десятков, и, наверное, это чудо, что одна из них сохранилась до наших дней.

Листовка призывала ткачей держаться до конца, бастовать, пока хозяин не отменит своих наценок. И англичанин Торнтон сдался, отступил.

То на одном, то на другом заводе происходят волнения рабочих. Охранка взволнована не на шутку. Что за «Союз борьбы»? Где он? Велик ли? Прибавилось работы полицейским ищейкам, с утра до ночи шныряют по городу. Но и революционеры на чеку. Со дня своего приезда в 1893 году В. И. Ленин 6 раз меняет адреса. Лишь только осенью 1895 года несколько раз переезжает он с квартиры на квартиру.

И продолжает борьбу. Вслед за листовками Ленин пишет брошюру «Объяснения закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах». Чтобы сбить полицию с толку, местом издания на брошюре обозначен город Херсон.

Но много ли можно рассказать в рукописных листовках, в маленькой брошюре? Вот если бы иметь свою газету!.. И Ленин задумывает издание такой газеты — «Рабочее дело». Для ее первого номера он сам пишет статьи: «К русским рабочим», «О чем думают наши министры?», «Фридрих Энгельс». Сам и переписывает их для набора.

Это встревожило Петра Запорожца. «Не дело это, — подумал Петр Кузьмич, — стоит рукописям попасть в руки к «фараонам», сразу же найдут, кто писал!» И он переписывает все ленинские статьи своей рукою.

Конечно, Запорожец был прав. Предусмотрительно и надежно прикрыл он собою Владимира Ильича. Когда велось следствие по делу «Союза борьбы», все захваченные тексты полиция приписала Петру Кузьмичу и даже на самой папке со следственными материалами было крупно начертано: «Дело Запорожца».

Не суждено было «Рабочему делу» дойти до заводских цехов. Царской охранке все же удалось выследить руководителей «Союза борьбы». В ночь с 8 на 9 декабря 1895 года был арестован и Ленин.

В те годы на Шпалерной улице (ныне улица Воинова) стояла печально знаменитая тюрьма — Дом предварительного заключения. Много борцов за свободу томились здесь в тесных камерах. Рассовали по камерам-одиночкам и членов «Союза борьбы». Лязгнула замком камера № 193, закрывая дверь за Владимиром Ильичем. Жандармам казалось, что заперли они «бунтаря», отделили его от друзей, от Петербурга, от его заводских окраин. Только просчитались царские слуги. Настоящий революционер и в тюремной камере продолжает борьбу.

Совсем немного времени прошло, и Ленин сумел связаться с оставшимися на воле товарищами.

«Как на воле Владимир Ильич стоял в центре всей работы, так и в тюрьме он был центром сношения с волей», — вспоминала Н. К. Крупская. Прежде всего, Владимир Ильич заботится о товарищах, арестованных вместе с ним. Пользуясь шифром и книгами тюремной библиотеки, пишет им в камеры, подбадривает, поддерживает. «В каждом письме на волю, — вспоминала Н. К. Крупская, — был всегда ряд поручений, касающийся сидящих. К такому-то никто не ходит, надо подыскать ему «невесту», такому-то передать на свидании через родственников, чтобы искал письма в такой-то

книге тюремной библиотеки, на такой-то странице, такому-то достать теплые сапоги...» А помочь, поддержать друзей было необходимо. Не всякий мог выдержать одиночное заключение. Неизлечимо заболел нервным расстройством П. К. Запорожец, обнаружился туберкулез у А. А. Ванеева. А чем еще мог им помочь Ильич кроме дружеской записки? «Я не в состоянии, — вспоминал спустя годы сидевший тогда же на Шпалерной Г. М. Кржижановский, — воспроизвести теперь нашей деятельной тюремной переписки с Владимиром Ильичем, но отчетливо помню лишь одно, получить и прочесть его письмо — это было равнозначно приему какого-то особо укрепляющего и ободряющего напитка, это означало — немедленно подбодриться и подтянуться духовно».

Не смогли тюремные стены оторвать Владимира Ильича от борьбы. Там, «за семью замками», пишет он для рабочих брошюру «О стачках», листовки «Рабочий праздник 1 мая» и «Царскому правительству». Пишет и передает на волю.

Как он это делает? С виду очень даже просто. Вылепит из хлебного мякиша чернильницу, нальет туда молока или лимонного сока и пишет в какой-нибудь книге между строчками. Чуть шаги за дверь — «чернильницу» в рот! Вкусно, питательно!.. А строчки, написанные «химией», как тогда говорили, потом «проявит» на воле Надежда Константиновна Крупская, перепишет и отправит куда надо.

И не только листовки, не только брошюры писал Ленин в тюрьме. Там он задумал написать огромную книгу «Развитие капитализма в России» и начал над ней работу. «За все 14 месяцев отсидки, — вспоминал тот же Г. М. Кржижановский, — мне ни разу не пришлось где-нибудь столкнуться с Владимиром Ильичем

в каком-нибудь из длинных коридоров предварилки... Но когда в тех же коридорах с грохотом волокли целые корзины книг, я прекрасно отдавал себе отчет, что пожирателем этих книг мог быть только один Владимир Ильич». Два раза в неделю с пачками книг в руках приходила в тюрьму сестра Владимира Ильича Анна Ильинична. Из каких только библиотек не приносила она в предварилку книги в те 14 месяцев!

Наконец 13 февраля 1897 года было объявлено «высочайшее повеление». Владимир Ульянов высылался в Восточную Сибирь сроком на 3 года.

Сохранился и широко известен снимок В. И. Ленина с руководителями «Союза борьбы». Как же мог Владимир Ильич, такой хороший конспиратор, собрать своих товарищей и пойти фотографироваться? Ведь такой снимок в руки полиции только дай! А все дело в том, что снимок этот сделан уже после того, как все снимавшиеся на нем «высочайшим повелением» были определены по местам ссылок. На сборы в далекую дорогу им дали 3 дня. Вот тогда-то Владимир Ильич и повел своих товарищей в фотографию Веземберга и К° на Вознесенский проспект, дом № 32 (ныне проспект Майорова), все вместе они и сфотографировались на память: В. И. Ленин, А. А. Ванеев, П. К. Запорожец, Г. М. Кржижановский, А. Л. Малченко, Л. Мартов, В. В. Старков.

Но еще раньше, до 14 февраля, когда Ленин был выпущен из Дома предварительного заключения, полиция получила небольшой сюрприз. Господа жандармы уже довольно потирали руки, считая, что «Союз борьбы» ликвидирован, как вдруг на стол перед ними городской положил листовку. Свеженькую!

«...Полиция ошиблась в адресе. Арестами и высылками не подавить рабочего движения: стачки и борьба

не прекратятся до тех пор, пока не будет достигнуто полное освобождение рабочего класса из-под гнета капитала. Товарищи! Будем по-прежнему дружно защищать свои интересы».

Под листовкой стояла подпись: «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Чины полиции полагали, что борьба закончилась, а она еще только начиналась.

Далеко протянулся по Невскому району проспект Обуховской Обороны. В начале нашего века он назывался Шлиссельбургским. В 1901 году на нем и разразилась гроза.

В ту пору Обуховский завод выполнял заказы военного министерства, хозяевами его были представители царской армии. И вдруг — под их-то надзором! — забастовка! 1 мая более тысячи обуховцев не вышли на работу. Кара последовала незамедлительно: на другой день 26 человек были уволены.

И тогда забурлила вся Невская застава. В знак протеста против увольнения двадцати шести обуховцев 7 мая решено было провести всеобщую забастовку. Были выработаны и требования к начальству:

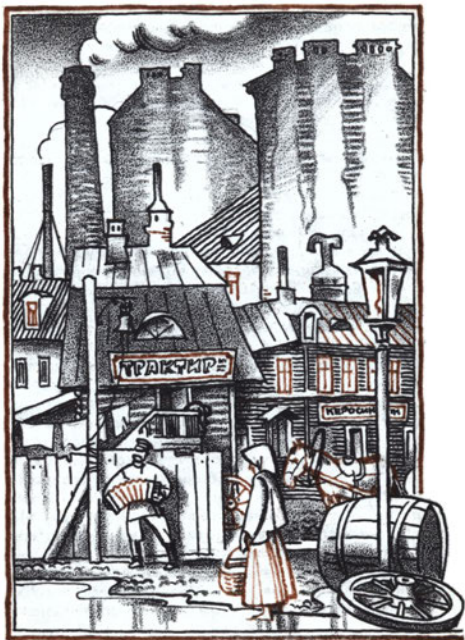
во-первых, считать 1 мая табельным днем (то есть таким же, как дни рождения царя и царицы) и праздновать его свободно, без удержания заработной платы;

во-вторых, всех уволенных немедленно вернуть на завод;

в-третьих, ввести 8-часовой рабочий день.

На старом Шлиссельбургском тракте перед заводом собрались сотни рабочих. Помощник начальника завода подполковник Иванов прочитал врученные ему требования, усмехнулся:

— Вы еще, пожалуй, потребуете и увольнения министров?

— И самого царя! — откликнулся кто-то из толпы.

Улыбку с подполковничьего лица как ветром сдуло. Побагровел, шею вытянул, поверх голов вдоль проспекта смотрит. Рабочие мигом догадались, в чем тут дело: жандармов ждет.

И верно: скачут «фараоны»!

Мигом спустили рабочие находившийся поблизости шлагбаум.

Жандармы остановились. Вперед выехал на лошади офицер:

— Раз-зой-тись!

Никто не шевельнулся.

— Шашки наго-ло!

И тогда вздрогнула под ногами обуховцев булыжная мостовая. Полетели в жандармов вывороченные из нее булыжины. За ними понеслись вслед и заранее приготовленные, припасенные в карманах железные гайки, болты. Одна гайка офицеру прямо в лоб угадала. Тот так и грохнулся с лошади.

В ответ загремели выстрелы, хлынула на мостовую кровь.

Скоро «фараонам» удалось загнать рабочих во двор дома, где жили работницы Карточной фабрики.

Жила здесь и Марфа Яковлева — младшая сестра Василия Яковлева, посещавшего кружок Ленина на Ново-Александровской и арестованного 6 лет назад. Конечно, Марфа тут же кинулась помогать рабочим. А с нею и многие работницы Карточной фабрики. Через закрытые ворота летели булыжники. В ответ гремели выстрелы.

Только поздним вечером жандармы одолели рабочих, загнали их на стоящую на Неве баржу и повезли на Шпалерную, в Дом предварительного заключения.

Позднее арестовали и Марфу Яковлеву. Но не испугали ее ни допросы, ни тюремная камера. На суде она гордо заявила: «Да, я не скрываю, что сознательно участвовала в событиях седьмого мая. Я помогала беззащитным рабочим отбиваться от вооруженной полиции. Разве это преступление? Я стояла за братьев».

Булыжных мостовых в Ленинграде давно уже не осталось. Асфальтом покрылись улицы и проспекты. Но возле домика на Ново-Александровской булыжины лежат. И не подумайте, что этот участок города просто забыли заасфальтировать. Нет, эти булыжины — экспонат музея.

Да и сам домик стал музеем. 8 августа 1967 года, когда исполнилось 100 лет со дня рождения Василия Андреевича Шелгунова, рабочие района открыли здесь Народный музей революционной истории Невской заставы. Собрали множество интересных документов, старинных фотографий, газет, брошюр, заботливо благоустроили площадку возле домика, посадили молодые серебристые елочки, у кромки площадки установили большой гранитный куб с барельефом Владимира Ильича. Саму же площадку решили покрыть булыжником: пусть она будет такой, какою была в конце прошлого века.

И вдруг оказалось, что булыжника-то и нету!.. Во всем районе нету! Исчез! В работу включились дорожники, стали искать. Не сразу, но все-таки нашли: на Большой Смоленской улице, уже под слоем земли.

Долгие годы прошли, прежде чем встретились старые бойцы первых отрядов партии — Владимир Ильич Ленин и Василий Андреевич Шелгунов.

Жизненный путь Ленина вам хорошо известен. В. А. Шелгунов тоже много потрудился для партии, для освобождения рабочего класса. Даже страшный недуг — слепота — не сумел выбить его из рядов борцов за народное дело.

А 19 июля 1920 года в Таврическом дворце состоялось открытие II конгресса Коммунистического Интернационала. Много съехалось туда делегатов из нашей страны, из капиталистических стран. Из-за стола президиума Ленин внимательно оглядывал зал. Вдруг он неожиданно прищурился, всматриваясь в последние ряды, даже привстал... Там, почти у стены, сидел человек в темных очках. Ленин вышел из-за стола президиума и быстро пошел к последним рядам.

Шелгунову, очевидно, подсказали, что к нему идет Ленин, и он тоже встал. Огромный зал не понимал, что происходит, но все делегаты тут же увидели, как Владимир Ильич подошел к человеку в темных очках и они крепко обнялись — два старых боевых друга, учитель и ученик, солдаты одной партии. «Мне кажется, — вспоминал делегат конгресса И. Ольбрах, — что они не сказали друг другу ни слова. И все же их встреча была прекрасна своей яркой человечностью».

КРОВАВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

В мастерской скульптора царил тот кажущийся беспорядок, который всегда неизбежен во время работы. Вокруг альбома по столу были разбросаны карандаши, какие-то основательно исчерканные клочки бумаги, несколько книг... На полках, на подоконниках, на полу стояли вылепленные фигурки, еще мало чем отличающиеся от обычного, слегка помятого куска глины. Скульптор то присаживался к столу и брал карандаш, то вставал, побродив по комнате, подходил к окну и долго смотрел на заснеженные крыши домов, на белые сугробы, выросшие по обеим сторонам улицы.

Тогда, 9 января 1905 года, был такой же морозный день.

Снег скрипел под ногами тысяч людей. Недовольно

скрипел, ворчливо. Словно хотел сказать людям: «Куда вы? Вер-ни-тесь!» Но люди шли. Со всех рабочих окраин — к царскому дворцу. Столько лет им твердили о добром «царе-батюшке», что не каждый мог отказаться от этой веры. И они шли. Несли петицию, ими же и написаную:

«Государь! Мы, рабочие и жители города С.-Петербурга, разных сословий, наши жены, дети и беспомощные старцы-родители, пришли к тебе, государь, искать правды и защиты.

Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся, как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать.

Мы и терпели, но нас толкают еще дальше и дальше в омут нищеты, бесправия и невежества, нас душат деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, государь! Настал предел терпению. Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук».

Скульптор знал слова этой петиции. Вот они перед ним — на странице книги. Знал и ответ «царя-батюшки»: ружейные залпы, свист нагаек, кровь на снегу. Три дня назад он был на кладбище. Бывшем Преображенском, а теперь имени Жертв 9 Января. Был на закладке памятника. Создать памятник предложили ему — скульптору Матвею Генриховичу Манизеру — и архитектору В. Витману.

Скульптор читал книги, ходил на Дворцовую площадь и к Нарвским воротам. Нужно было понять, нет — увидеть этот день. Но ведь и он, тот день 9 января, не пришел вдруг с рассветом. Много других дней вели к нему, как много улиц вели с окраин к Дворцовой площади.

Кто был всему виною? Поп Гапон? Мастер Тетявкин, незаконно уволивший с Путиловского завода четырех рабочих? Да нет конечно! Вины сотни таких тетявкиных и гапонов, сотни капитанов и поручиков, командовавших: «Огонь!», целая свора «промышленных тузов», «господ-хозяев». Все вместе они назывались одним страшным словом «царизм».

Тетявкин был не просто злым самодуром, хозяйским холоум. Ну, выкинул он в конце декабря 1904 года не понравившихся ему рабочих — и весь тут сказ. А дальше — уже не Тетявкин. За Тетявкина вступились директор завода Смирнов, фабричный инспектор Чижев.

Весь завод встал стеной за уволенных. За справедливость встал. Да где ее искать, эту справедливость? У петербургского градоначальника Фуллона, что ли? Посылали и к нему депутацию, да все без толку.

И тогда 3 января 1905 года 13 тысяч путиловцев прекратили работу. Случай из ряда вон выходящий! Во время войны остановился завод, выпускающий для русской армии всю легкую артиллерию и сотни других военных заказов!

Вот уж никак не ждал градоначальник, что из-за четырех уволенных такой пожар разгорится! А дело-то было не только в них. Требовали стачечники 8-часового рабочего дня, отмены сверхурочных, повышения заработной платы, установления расценок с участием представителей от рабочих, обуздания мастеров. Требования путиловцев и обуховцам понятны были и рабочим Франко-Русского завода. Присоединились и они к стачке. Поддержали их рабочие Металлического завода, Невского судостроительного, железнодорожных мастерских Александровского вагоностроительного, Екатерингофской бумагопрядильни, Резиновой

мануфактуры... К концу дня 5 января бастовало уже 26 тысяч человек.

Задуматься бы градоначальнику! Да больно он на попа Гапона надеялся. Министру внутренних дел писал, что, дескать, может тот «рассчитывать на спокойное течение стачки только при условии оставления священника Гапона и общества рабочих на свободе, так как через них воздержит рабочую массу от беспорядков». Градоначальник знал то, чего не знали рабочие. Был Гапон не только священником Петербургской пересыльной тюрьмы, но был еще и провокатором, платным агентом полиции.

Уже не первое десятилетие боролись жандармы с нарастающей революцией. Поначалу просто ловили бродяг за лучшую долю народную, казнили их, по тюрьмам морили, на каторгу ссылали. Не помогло. Тогда хитрее способы придумали: стали засылать на заводы своих тайных агентов, а то и открывать с их помощью всякие «общества», которые отвлекали бы пролетариев от борьбы за свои права. Вот и Гапон такое общество открыл: «Собрание русских фабрично-заводских рабочих окраин Петербурга».

Вовсю старался Гапон отвлечь рабочих от «политики», от борьбы с царской властью, уговаривал требовать только повышения зарплаток, уменьшения рабочего дня. Из кожи лез вон, убеждая, что не равенства, не свободы добиваться надо, а бесплатного лечения, улучшения санитарных условий.

Большевики-ленинцы понимали, куда гнет Гапон, как могли разъясняли это рабочим. 5 января Петербургский комитет РСДРП в листовке «Ко всем рабочим Путиловского завода» писал: «Нам нужна политическая свобода, нам нужна свобода стачек, союзов, собраний; нам необходимы свободные рабочие газеты.

Нам необходимо народное самоуправление (демократическая республика)». Стоило появиться этой листовке — возлютовал Гапон! По данным департамента полиции, он «просил рабочих листов этих не читать, а уничтожать, разбрасывателей же гнать и никаких политических вопросов не затрагивать».

— Мирным, праздничным шествием с церковным пением да хоругвиями пойдем мы к государю нашему, — уговаривал поп-провокактор. — Скажем ему о горькой нашей доле, и велит он хозяевам не притеснять, не обижать работный люд. Петицию напишем, в собственные руки государю императору передадим.

«Такой дешевой ценой, как одна петиция, хотя бы и поданная попом, свободы не покупают, — писали большевики в обращении «Ко всем петербургским рабочим». — Свобода покупается кровью. Свобода завоевывается с оружием в руках и в жестоких боях. Не просить царя и даже не требовать от него, не унижаться перед нашим заклятым врагом, а сбросить его с престола и выгнать вместе с ним всю самодержавную шайку — только таким путем можно завоевать свободу...»

...Матвей Генрихович Манизер захлопнул книгу. Да! Конечно! Центральной фигурой памятника должен быть рабочий-борец! Левой рукой он будет прижимать к сердцу урну с прахом павших товарищей, а правой, высоко взметнув ее вверх, будет призывать к борьбе. У ног должен стоять молот, а с наковальни свисать разбитые цепи.

Но очевидно, одной фигуры мало... Нужно сделать еще несколько бронзовых рельефов и на них рассказать о событиях 9 января.

Гапону тогда поверили десятки тысяч рабочих. Решили идти с ним к «царю-батюшке».

Гладились праздничные платья и платки, чистились полушубки и сапоги. К шествию готовились, как к празднику.

Царь тоже готовился. 8 тысяч солдат получили со складов боевые патроны. 3 тысячи кавалеристов проверяли свои шашки и нагайки. Уже с утра 8 января все мосты через Неву, вокзалы, трамвайные парки, электрическая и телефонная станции были заняты войсками.

И вот пришло в город хмурое утро 9 января. Протяжное пение церковных псалмов — молитв разбудило чиновников, купцов, обывателей. Кинулись они к окнам, продули на заиндеветших стеклах круглые «глазки», увидели: тихо, мирно идут по улицам колонны празднично одетых рабочих.

Самая большая колонна шла с Нарвской заставы. Впереди ее, неся в руках подписанную десятками тысяч рабочих петицию, шагал Гапон. До Нарвских ворот оставалось шагов двести, когда в толпу врезался эскадрон конногренадеров. Толпа сжалась, дала проход, пропустила сквозь себя конников, снова сомкнулась и пошла дальше, вперед.

Нарвские ворота были уже совсем рядом, когда в морозном воздухе пропела труба и грянул залп. За ним прогремел второй, третий... Упали шедшие впереди, падали бегущие, падали те, кто успел забежать в ближайший двор. Стреляли и по дворам. Снег на площади побурел. Темные тела убитых лежали в лужах крови, кричали раненые, валялись брошенные хоругви и царские портреты.

В суматохе, никем не замеченный, Гапон удрал с площади.

В тот день выстрелы гремели на Выборгской стороне и за Невской заставой, у Троицкого моста и на

Васильевском острове. И все-таки, группами и в одиночку, десятки тысяч рабочих пробрались к Дворцовой площади. Около Александровского сада колыхалось море голов. Мальчишки, чтобы увидеть, чтобы не прозевать выхода монарха к народу, облепили решетку сада, забрались на деревья. Глупые любопытные мальчишки! По ним-то и хлестнул в первую очередь ружейный залп...

Расстрелом мирных людей у Дворцовой площади командовал будущий палач Московского вооруженного восстания полковник Риман. Снова пропел рожок и загрохотали залпы.

...Скульптор Манизер отложил карандаш. Перед ним на листе альбома была картина расстрела. Огромная толпа и направленные в нее винтовки. Возле стволов — дымки от выстрелов.

Матвей Генрихович долго вглядывался в рисунок и наконец решительно перелистнул страницу, снова взялся за карандаш. Нет! Не так! То, что хорошо для картины, не годится для металлического рельефа памятника. Слишком много мелких фигур! Не видно лиц! И нельзя, нельзя над могилой погибших показывать их убийц! Куда как важнее показать революцию, происшедшую в сознании людей за одни только день — с утра до вечера. Поутру шли к царю с просьбой — в полдень взялись за оружие!

Карандаш снова забегал по белоснежному полю альбомного листа. Появились знакомые улицы и переулки, окружающие Академию художеств. Скульптор тоже был петербуржцем. В день восстания ему было почти четырнадцать, потом он учился в Академии и хорошо помнит старый Васильевский остров.

«...На-ва-лись! Е-ще раз!» — разносилось над 5-й линией.

Со скрипом затрещали ворота. Несколько десятков рабочих ворвались в типографию Гаевского, встали к наборным кассам, к тискальным станкам. Вскоре они уже выходили из типографии с пачками прокламаций, остро пахнущими свежей краской. Одну прокламацию приклеили прямо на стену здания, и она забелела на темной штукатурке призывными строчками:

«К оружию, товарищи! Захватывайте арсеналы, оружейные склады и оружейные магазины... Свергнем царское правительство, поставим свое. Да здравствует революция!..»

А около дома № 35 по 4-й линии уже сооружалась баррикада. Сюда отступили те, кто не мог прорваться к Зимнему дворцу. Возле Академии художеств их встретили залпы солдат Финляндского полка. Конные атаки лейб-уланов и казаков довершили избиение. Но и отступая василеостровцы не считали себя побежденными. Они взломали оружейную мастерскую Шаффа и вооружились (к сожалению, только холодным оружием), повалили поперек улицы телеграфные и телефонные столбы, уложили на них афишные тумбы, бочки, доски, снятые с домов ворота. Перед баррикадой в несколько рядов натянули телеграфную проволоку. Алым пламенем восстания вспыхнул над баррикадой красный флаг.

Встала баррикада и на Невском проспекте. Разогнанные с Дворцовой площади рабочие собрали скамейки у Казанского собора и перегородили проспект. По словам командира роты Преображенского полка, атаковавшего баррикаду, он и его солдаты «подвергались непрерывной брани и ругани, осыпались льдинами, камнями, палками». Лишь получив подкрепление, «доблестные» гвардейцы-преображенцы смогли овладеть баррикадой и растащить ее.

Тем временем на Васильевском острове рабочие громили полицейский участок. Гремели залпы на Малом проспекте.

Спустившаяся ночь не принесла тишины. До утра скакали по улицам казачьи разъезды. На площадях дымили походные солдатские кухни. Усиленные караулы охраняли мосты, правительственные здания, вокзалы, телеграф, почту.

Не спали царские войска.

Не спали и рабочие заставы.

Утром пришла на окраины листовка Петербургского комитета РСДРП «Ко всем!»

«Товарищи! — говорилось в ней. — Кровь пролилась, она льется потоками. Рабочие еще раз узнали царскую ласку и царскую милость... Вы видите, что значит просить царя, что значит надеяться на него. Так научитесь же брать силой то, что надо, научитесь надеяться только на себя. Вас сотни, но что вы сделаете голыми руками? Вооружайтесь, где только можно, чем только можно... Оружие — во что бы то ни стало! Только силой и кровью добывается свобода и справедливость!»

Началась первая русская революция. Всколыхнула страну, гулким эхом прокатилась по государствам Европы.

Месяц спустя министр финансов Коковцев докладывал Николаю Кровавому: в стране бастуют 2792 предприятия! 463 297 рабочих! Бастуют в Петербурге и в Москве, в Варшавской, Лифляндской, Екатеринославской и Владимирской губерниях! Митинги протеста проходят в Брюсселе, Риме, Стокгольме, Вене, Праге, Кракове. В Париже в зале Тиволи на митинге — 5 тысяч рабочих. Выступали Жорес и писатель Анатолий Франс. Союз синдикатов Сены прислал обращение

к русским рабочим, в котором говорится: «Союз синдикатов Сены, глубоко потрясенный петербургскими массовыми убийствами, ужас которых напоминает ужас убийств кровавой недели 1871 года, шлет вам от имени парижских рабочих свою живейшую моральную поддержку в деле революции, которую вы начали и которую никакие расстрелы не остановят».

Царское правительство и само было перепугано тем, что совершило.

Ведь на улицах и площадях города было убито и ранено 4600 человек. Народ назвал день 9 января Кровавым воскресеньем.

Трудно было скрыть следы злодеяния, но царские слуги все же пытались сделать это. Генерал Мешетич докладывал в Главный штаб: «В ночь на 12 января, ввиду предстоящего перевезения трупов убитых 9-го января из больниц на кладбище, войсками, по требованию полиции, были приняты соответствующие меры предосторожности. В районе Васильевского острова, около больницы Марии Магдалины, к 2 часам ночи была расположена полусотня казаков, которая затем следила за перевозкой трупов до соприкосновения с кавалерийской частью, высланной на Петербургской стороне... Кроме того, I эскадрон улан просматривал всю местность в районе перевозки, и I рота лейб-гвардии Финляндского полка была скрыто расположена у Тучкова моста».

Убитых везли в наскоро сколоченных гробах, а то и просто в рогожах. На Преображенском кладбище спешно рыли огромную яму, долбили ломами мерзлую землю.

...Карандаш Матвея Генриховича Манизера нанес на странице последний штрих. Да! На рельефе он покажет трагедию рабочих. Крупно. Если смотреть

на рельеф слева направо, все увидят этот день. Вот упал сраженный пулями рабочий. Рядом раненый старик держит в руке злосчастную петицию, словно пытается прикрыться ею от залпов свинца. Третий стоит, разорвав на груди рубаху: «Стреляйте, палачи!» Женщина, пытающаяся прикрыть собою маленькую девочку. Еще убитые... И вот уже фигуры рабочих, берущихся за оружие! Пока это оружие всего лишь вывороченный из мостовой булыжник, палка. Но это только начало. Приближается время баррикад.

Хоронили тайно. Но огромные братские могилы не сровняешь с землей. К свежим заснеженным холмам на Преображенском кладбище потянулись нескончаемые потоки вдов и сирот. Дня не было, чтобы у могил не стояли люди с обнаженными головами.

10 месяцев спустя после Кровавого воскресенья их посетил и только что вернувшийся из эмиграции Владимир Ильич Ленин. Еще там, в Швейцарии, расстрел мирно шедших рабочих он назвал самым подлым, хладнокровным убийством и, возвратясь на родину, в первые же часы своего пребывания в Петербурге пошел к могилам погибших.

Прошло еще 12 лет, и рабочие Петербурга, солдаты, осознавшие свое единство с народом, свергли царя. В первые годы Советской власти на кладбище, названное именем Жертв 9 Января, каждую зиму приходили тысячи рабочих, склоняли над холмами красные победные знамена с траурными лентами на древках. И уже тогда думали о памятнике своим павшим товарищам.

Долгие годы гражданской войны, послевоенной разрухи не давали возможности взяться за его сооружение.

22 января 1931 года памятник был открыт.

Памятник виден издалека. Ведь высота его без малого 18 метров. Высота только одной фигуры рабочего около семи метров.

На граните высечены слова Владимира Ильича Ленина:

«Без генеральной репетиции 1905-го года победа Октябрьской революции 1917-го года была бы невозможна. Ленин».

Есть на памятнике и вторая надпись:

«Тысячи убитых и раненых — таковы итоги Кровавого воскресения 9-го января в Петербурге. Немедленное низвержение правительства — вот лозунг, которым ответили на бойню 9-го января петербургские рабочие. Ленин».

СМОЛЬНЫЙ

Ленин. Революция. «Аврора». Смольный.
Всем знакомые четыре слова.
Нет в нашей огромной стране такой отдаленной
самой маленькой деревушки, где бы их не знали.
Эти слова не требуют перевода на другие языки.
К каждому из нас они пришли в детстве и оста-
лись навсегда.

И когда говорят: «Ленинград», — за гордым име-
нем города всегда стоят эти четыре слова:

Ленин. Революция. «Аврора». Смольный.

На фасаде здания висят две мемориальные доски.
Одна из них говорит:

«ЗДЕСЬ, В СМОЛЬНОМ, В ДНИ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬ-
СКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

ПОМЕЩАЛСЯ ШТАБ ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ РАБОЧИХ, СОЛДАТ И МАТРОСОВ.

ИЗ СМОЛЬНОГО ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН НЕПОСРЕДСТВЕННО РУКОВОДИЛ ВООРУЖЕННЫМ ВОССТАНИЕМ».

Другая дополняет:

«В СМОЛЬНОМ 25—26 ОКТЯБРЯ (7—8 НОЯБРЯ) 1917 г. ЗАСЕДАЛ ИСТОРИЧЕСКИЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД РАБОЧИХ, СОЛДАТСКИХ И КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ, СОЗДАВШИЙ СОВЕТСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ПЕРВОГО В МИРЕ ГОСУДАРСТВА ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ ВО ГЛАВЕ С В. И. ЛЕНИНЫМ.

СМОЛЬНЫЙ С МОМЕНТА ЗАВОЕВАНИЯ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА ПО МАРТ 1918 г. ЯВЛЯЛСЯ БОЕВЫМ ЦЕНТРОМ, ОТКУДА В. И. ЛЕНИН ОСУЩЕСТВЛЯЛ ПАРТИЙНОЕ И СОВЕТСКОЕ РУКОВОДСТВО ПЕРВЫМ В МИРЕ ПРОЛЕТАРСКИМ ГОСУДАРСТВОМ».

«ДА ЗДРАВСТВУЕТ ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА!» — написано на памятнике В. И. Ленину.

Штаб революции и сегодня штаб. Партийный штаб города Ленина.

Смольный был штабом боевого Ленинграда в годы Великой Отечественной войны.

Смольный остается штабом трудового Ленинграда в дни мира.

Распахнутый ветром Балтики, реет над ним красный стяг революции.

* * *

Писцовая книга Водской пятины земель новгородских сообщала в 1500 году, что здесь, на месте

сегодняшнего Смольного, стоял русский посад в 316 дворов. Именовался он Спасским Городенским посадом Ореховского уезда. В 1611 году на другом берегу Невы, как раз напротив посада, завоеватели-шведы заложили крепость Ниеншанц. Начал от нее расти город. На землях посада тоже укрепление возвели — форт Сабина.

27 апреля 1703 года пришли к тому форту русские полки под командованием фельдмаршала Б. П. Шереметева, овладели Сабиной, а следом, после пятидневной осады, пал и Ниеншанц.

Стал на берегах Невы расти город. Начал возводить свои крепости — Петропавловскую и Адмиралтейскую. Первую — для обороны отвоеванных русских земель, вторую — чтобы еще и корабли строить. На валах Адмиралтейства стояли пушки, под их охраной корабелы создавали русский Балтийский флот.

Флот в ту пору был деревянным, а потому требовал крепкого смоления. Смола же — материал горючий, рядом с сухим деревом да парусиной держать опасно. Вот и отнесли Смоляной двор подальше от Адмиралтейства — к Спасскому посаду.

Построили за Смоляным двором и небольшой деревянный дом с садом — царю Петру I. После его смерти императрица Екатерина I повелела на участке того Смоляного дома возвести загородный летний дворец. Подарила его дочери своей — Елизавете.

Долго жила в нем Елизавета, до 1741 года, до воцарения своего. А еще 7 лет спустя было объявлено, что «ея императорское величество намерено при С.-Петербурге, на том месте, где ея императорского величества дворец, называемый Смольным... воздвигнуть вновь девичий монастырь». 30 октября

1738 года звон колоколов и пушечная пальба оповестили петербуржцев о закладке Воскресенского Новодевичьего монастыря. Имя это официальное не прижилось, монастырь тоже стали называть Смольным.

Проектировать и возводить кельи его и соборы поручили Франческо Бартоломео Растрелли.

Восемь царствований пережил на берегах Невы этот архитектор. Приехал в город с низенькими приземистыми домами — нам в наследство оставил изумляющие своей красотой дворцы: Зимний над Невой, Воронцовский на Садовой улице, Строгановский на Невском проспекте, дворцы и павильоны в Царском Селе, Петергофе, Стрельне..

Уже уволенный Екатериною II в отставку «в расуждении старости и слабого здоровья», архитектор составил подробное «Общее описание всех зданий, дворцов и садов, которые я, граф де Растрелли, обер-архитектор двора, построил в течение всего времени, когда я имел честь состоять на службе их величеств всероссийских, начиная с года 1716 до сего 1764 года». О строительстве Смольного он пишет:

«По моем возвращении из Москвы я начал большое здание монастыря для благородных девиц, который должен был содержать 120 келий, кроме того, — большое здание для госпожи настоятельницы с очень большой трапезной. Это здание имело в плане параллелограмм, в каждом из четырех углов которого была построена часовня; для удобства воспитанниц имелось посредством большого коридора сообщение с каждой церковью. В первом этаже этого обширного монастыря каждая воспитанница имела свою кухню и маленький погреб с помещением для своей прислуги. В центре большого внутреннего двора названного монастыря я построил большую церковь с купо-

лом, причем капители, колонны и их базы были сделаны из чугуна, большая колокольня, которая была выстроена при въезде в названный монастырь, должна была иметь высоту 560 английских футов. Я не могу достаточно превознести великолепие этого здания, украшенного снаружи прекраснейшей архитектурой, а внутри, в большой трапезной и в апартаментах госпожи настоятельницы, — лепной скульптурой и плафонами. Кроме того, четыре часовни были также выполнены в отличнейшем вкусе. Это большое строительство осуществлялось с усилиями на протяжении 12 лет, включая постройку ограды, которую я сделал в виде высокой стены, с несколькими небольшими башнями, которые украшали и укрепляли эту стену».

В этом описании не все верно. Колокольню, к примеру, выстроить зодчий не успел, только спроектировал. А задумал он ее — грандиознейшую! Шестью ярусами должна была взметнуться эта колокольня выше всех городских зданий, выше шпиля собора Петропавловской крепости.

Но собор вырос не маленьким. Высота его, включая крест, — 92,34 метра. Под его основанием забито без малого 13 тысяч свай

Над Невой вставал не просто монастырь, а монастырь-дворец.

Довести же строительство до конца Растрелли не удалось. В 1832 году была учреждена «Комиссия докончания собора», поручившая достройку и отделку внутренних помещений архитектору В. П. Стасову.

С годами монастырь все более терял свое монастырское обличье. В 1764 году в южном его корпусе открылось первое в России женское учебное заведение: Воспитательное общество благородных девиц.

Принимали туда только дочерей дворян. Год спустя в северном корпусе открылось и Училище для малолетних девушек не дворянского происхождения. Петербуржцы сразу же разделили их по названиям на Смольный институт и Мещанское училище. Собор же был «наименован собором всех учебных заведений».

В Мещанском училище занимались дочери солдат, лакеев, конюхов, дьячков. Готовили их там «к употреблению ко всем женским рукодельям и работам, т[о] е[сть] шить, ткать, вязать, стряпать, мыть, чистить...»

Воспитанниц Смольного института обучали музыке, танцам, рисованию, представлению театральных пьес. С науками дело обстояло похуже, и комиссии отмечали «весьма недостаточное знание языков иностранных и особливо своего российского».

Выдающийся русский педагог К. Д. Ушинский, ставший в середине прошлого века инспектором классов обоих учебных заведений, пытался было изменить методы обучения и воспитания в них, но его вынудили покинуть стены Смольного.

Монастырь как таковой прекратил свое существование в 1797 году. Но его кельи трудно было приспособить под учебные классы, и в начале прошлого века архитектор Джакомо Кваренги на месте бывшего монастырского двора, с его пекарней, лазаретом, сарайчиками, строит новое большое здание.

Строилось оно довольно быстро. В 1806 году заложили, а в 1808-м в новое здание Смольного института уже переезжали воспитанницы.

Монастырские же помещения, которые они занимали до этого, отдали под Вдовый дом — богадельню, где доживали свой век «заслужившие монаршую

милость» престарелые и обедневшие вдовы военных и придворных.

Не менее величественно здание и внутри. Растекаясь на два узких марша, сливаясь в один широкий, приглашает вас подняться лестница. Прямой как стрела коридор кажется продолжением таких же прямых улиц города. В левом, южном, крыле — Актовый зал с потолком, поднятым на 10 метров. Два яруса окон заливают его дневным светом. Две шеренги колонн отделяют боковые проходы. На бронзовых золоченых цепях свисают огромные люстры...

Город может гордиться великолепным памятником архитектуры.

Но еще больше — славной революционной историей Смольного.

Она началась 4 августа 1917 года, когда в оставленный своими воспитанниками институт переехал из Таврического дворца Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов.

Хлынул к нему поток рабочих с Нарвской и Невской застав, с Выборгской стороны и Васильевского острова.

Особенно людно было в комнате № 18, где помещалась большевистская фракция Петроградского Совета. Спешили сюда представители фабрик, заводов, революционных полков и кораблей. Спешили за советом и руководством.

На дверях комнат еще висели таблички: «Класс», «Классная дама», но хозяином здания был уже другой класс — рабочий.

В августе, когда вспыхнул контрреволюционный мятеж, поднятый генералом Корниловым, Смольный стал центром обороны революционного Петрограда. Не Временное правительство, а партия большевиков

дала решительный отпор царскому генералу и еще больше заслужила уважение у рабочего люда.

В октябре в Смольный перешел и Центральный Комитет РСДРП(б) — главный штаб ленинской партии, принявший резолюцию о вооруженном восстании. В трех комнатах на третьем этаже начал работать Военно-революционный комитет. Сюда к нему спешили посыльные отрядов Красной Гвардии, связанные революционных полков. Смольный был ярко освещен, толпы народа заполняли его коридоры. «Когда попадаешь в этот водоворот, — вспоминал позже нарком просвещения А. В. Луначарский, — то со всех сторон видишь разгоряченные лица и руки, тянущиеся за той или иной директивой или за тем или иным мандатом.

Громадной важности поручения и назначения делаются тут же, тут же диктуются на трещащих без умолку машинках, подписываются карандашом на коленях, и какой-нибудь молодой товарищ, счастливый поручением, уже летит в темную ночь на бешеном автомобиле».

Тихий парадный двор Смольного превратился в военный лагерь. Подходили и подъезжали на грузовиках, ошестинившихся штыками, отряды Красной Гвардии. Пылали костры. Стояли в козлах винтовки. Занимали свои посты караулы. Уходили в сумрак города патрули. На крыше расположились пулеметы.

Владимир Ильич Ленин был еще в подполье и руководил подготовкой к восстанию, живя на Выборгской стороне, на Сердобольской улице, в доме № 1, в квартире Маргариты Васильевны Фофановой. Нетерпеливо ждал он известий. Их приносили то сама Маргарита Васильевна, то Эйно Рахья. Обстановка в столице накалялась с каждой минутой.

На заводы, на фабрики, к революционным солдатам спешили из Смольного связные с предписанием № 1 Военно-революционного комитета:

«Петроградскому Совету грозит прямая опасность: ночью контрреволюционные заговорщики пытались вызвать из окрестностей юнкеров и ударные батальоны в Петроград... Предписывается привести полк в боевую готовность. Ждите дальнейших распоряжений...».

В казармы Преображенского полка привел красногвардейцев завода «Русский Рено» Григорий Чудновский. Там уже бушевал митинг. Решение солдат было кратким: присоединиться к восстанию.

За Нарвской заставой Красная Гвардия занимала подходы к городу. Рабочие патрули оседлали железную дорогу от села Смоленского до станции Сортировочная.

На сторону восставших перешел гарнизон Петропавловской крепости. По приказу Военно-революционного комитета крепость была приведена в боевую готовность. На стенах установлены пулеметы, усилены караулы, розданы рабочим 100 тысяч винтовок.

В 5 часов дня восставшие заняли телеграф.

В 8 часов вечера в Гельсингфорс полетела телеграмма: «Центробалт. Высылай устав».

Означала она: немедленно присылайте боевые суда и отряды моряков.

— Наконец-то! — встретил Владимир Ильич пришедшего из города Рахью. — Какие новости?

— Главным штабом отдан приказ развести мосты, — доложил Рахья. — Контрреволюция готовится отразить удар.

— Нужно срочно ехать в Смольный! — заключил Владимир Ильич.

Рахья растерялся. Центральным Комитетом партии ему было приказано охранять Ленина и без приказа ЦК из квартиры на Сердобольской не выходить. Не так давно товарищ Шотман сказал ему: «Ты, Эйно, за Старика перед всей партией отвечаешь, перед всей Россией». Но знал Рахья: если Ленин что-нибудь твердо решил, переубедить его трудно. Рахья пытался сослаться на то, что еще светло и ходить по улицам опасно.

— Безопасных революций не бывает, — ответил Ленин. — Сидеть в подполье я больше не имею права. Сейчас промедление смерти подобно. Немедленно идемте!

Когда Маргарита Васильевна вернулась в свою квартиру, она нашла на столе записку: «Ушел туда, куда вы не хотели, чтобы я уходил. До свидания. Ильич».

До Боткинской улицы они доехали на трамвае, дальше пошли пешком. Миновали Литейный мост, свернули на Шпалерную, столь знакомую Ильичу. Здесь, в Доме предварительного заключения, царская охранка держала его с 9 декабря 1895 года до 14 февраля 1897-го. Совсем недавно, в июльские дни, на этой улице был убит рабочий Иван Воинов, раздававший прохожим «Листок правды».

Поздним вечером 24 октября они пришли в Смольный.

Ленин сразу же поднялся на третий этаж в комнату № 75—76 (по старой нумерации), где помещалось бюро Военно-революционного комитета.

Член ЦК партии А. Ломов вспоминал этот приход Ильича:

«Днем чувствуется некоторая нерешительность. Ни мы, ни Керенский не рискуем стать на путь

окончательной схватки. Мы выжидаем, опасаясь того, что наши силы еще недостаточно подобрались, организовались...

Вдруг появляется т[оварищ] Ленин. Он еще в парике, совершенно неузнаваем. Все решительно изменяется... И с этого момента мы переходим в решительное наступление».

Ленин спрашивает, советует, приказывает, потирает, требует удара за ударом. В разных концах города. Деятели Временного правительства должны быть сбиты с толку, растеряны.

«Он то и дело посылал к нам курьеров с записками, — вспоминал председатель Военно-революционного комитета Николай Ильич Подвойский, — на которых было написано два-три слова: «Взята ли Центральная телефонная станция и телеграф?», «Захвачены ли мосты и вокзалы?» и т[ак] д[алее]. На словах и в записках он настаивал на том, чтобы мы проверяли все свои распоряжения. Он спрашивал, действительно ли надежный человек находится в таком-то пункте, такая-то улица имеет исходное положение. Занята ли она? Особенно большое значение придавал Владимир Ильич взятию Зимнего дворца, где находилось контрреволюционное Временное правительство».

С третьего этажа Ленин спускался на первый, где в комнате № 36 находились члены Центрального Комитета партии.

Ленин руководил восстанием и одновременно думал о составе первого Советского правительства, об организации новой, пролетарской власти.

Заседание в комнате № 36 затянулось до глубокой ночи.

Над городом уже занималась заря 25 октября —

первого дня нашего государства — рабочих и крестьян.

Забрезжившее за окнами утро застало Ленина за работой. Он быстро писал, перечеркивал и писал снова. Наконец поставил последнюю точку и прочитал товарищам первый документ новой власти: «К гражданам России!». В нем говорилось.

«Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона. Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!»

В тот же день обращение «К гражданам России!» было напечатано в большевистской газете «Рабочий и солдат». Радиотелеграфист крейсера «Аврора» отстукал его ключом радиотелеграфа: «Всем! Всем! Всем!»

В 14 часов 35 минут Актовый зал Смольного заполнили депутаты Петроградского Совета, собравшиеся на экстренное заседание. К ним присоединились и начинающие прибывать в город делегаты II Всероссийского съезда Советов — солдаты, матросы, красногвардейцы.

Рабочий Путиловского завода И. Ф. Еремеев, состоявший тогда в красногвардейской путиловской пулеметной дружине в Смольном, вспоминал:

«Мы слышали гул голосов. Не зная, в чем дело,

схватили винтовки и бросились в коридор. Но тревога была напрасной: это участники заседания восторженно приветствовали появившегося на трибуне Владимира Ильича Ленина».

Наконец наступила тишина и, обращаясь к залу, Ленин произнес:

— Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась...

Поздним вечером в Смольном открылся II Всероссийский съезд Советов. В первом его заседании Ленин не участвовал. Он еще руководил продолжающимся восстанием.

Ночью в Смольный прибыл самокатчик. Требуется Ленина.

Соратник Ильича по борьбе Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич вспоминал:

«...Владимир Ильич подходит:

— Что скажете, товарищ?

— Вы и есть Ленин? — смотря с любопытством на Ильича, говорит самокатчик. Глаза его радостно поблескивают. Он быстро отстегивает клапан у сумки, достает листок бумаги, бережно передает его Владимиру Ильичу, берет под козырек и кратко рапортует:

— Донесение!..

— Зимний дворец взят. Временное правительство арестовано. Отвезено в Петропавловку. Керенский бежал! — вслух быстро читает Владимир Ильич... И только дочитал, как раздалось «ура», подхваченное красногвардейцами.

— Ура! — несло повсюду».

Восстание победило.

Старой России пришел конец.

Новому государству трудящихся — начало.

В городе еще кое-где гремели выстрелы, когда в Смольном был принят первый закон Страны Советов: Декрет о мире.

Вечером 26 октября в Актовом зале Смольного открылось второе заседание съезда Советов.

Вышедшему к трибуне Ленину пришлось подождать, пока в зале стихнут овации.

Улучив момент, когда стало потише, он сказал коротко и просто:

— Теперь пора приступить к строительству социалистического порядка.

И, переждав новый взрыв аплодисментов, продолжал:

— Первым нашим делом должны быть практические шаги к осуществлению мира...

Вопрос о мире есть жгучий вопрос, больной вопрос современности. О нем много говорено, написано, и все вы, вероятно, не мало обсуждали его. Поэтому позвольте мне перейти к чтению декларации, которую должно будет издать избранное вами правительство.

Он читал спокойно, неторопливо, особенно подчеркнул слова декларации о том, что продолжать войну «правительство считает величайшим преступлением перед человечеством и торжественно заявляет свою решимость немедленно подписать условия мира».

На том историческом заседании съезда Советов присутствовали два иностранных журналиста — Джон Рид и Альберт Рис Вильямс. Позже они оба написали честные книги о нашей революции.

Вспоминая же выступление Ленина с докладом о мире, Альберт Рис Вильямс писал:

«Итак, свершилось. Принят первый декрет новой власти. Люди заулыбались, глаза их засияли, головы гордо поднялись. Это надо было видеть!

Рядом со мной поднялся высокий солдат и со слезами на глазах обнял рабочего, который тоже встал с места и яростно аплодировал. Маленький жилистый матрос бросил в воздух бескозырку... Выборгский красногвардеец с воспаленными от бессонницы глазами и осунувшимся небритым лицом огляделся вокруг, перекрестился и тихо сказал:

— Пусть будет конец войне...

В конце зала кто-то запел «Интернационал», и все тут же подхватили.

...Первый декрет молодой республики. Ее первый закон. В грохоте пушек империалистической войны — о мире!

Революция и мир!

Они ровесники — наша революция и наша борьба за мир.

В ту же ночь с 26 на 27 октября съезд Советов принял и второй важнейший закон: Декрет о земле. Веками мечтал русский крестьянин о своем клочке земли, со Степаном Разиным еще, с Пугачевым поднимался на борьбу за землю, за волю, за лучшую долю.

В канун революции 30 тысяч помещичьих семей, а точнее, 150 тысяч человек владели семидесятью миллионами десятин земли. И столько же приходилось на долю пятидесяти миллионов крестьян. Сотни десятин у помещика — и ни клочка у крестьянина. Гнул пахарь спину на чужой земле. Что ни вырастит — все отдай! Самому оставалось только новой

весны ждать, дотянуть бы до нее, не умереть бы с голоду...

И вот Ленин читает в Смольном слова декрета:

«Помещичья собственность на землю отменяется немедленно, без всякого выкупа.

Помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные со всем их живым и мертвым инвентарем, усадьбами постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов».

Утром делегаты съезда разъезжались по своим городам и деревням. Каждый вез текст Декрета о земле, берег его, как самую большую драгоценность. Совсем не случайно сохранились до наших дней газеты, вышедшие 27 октября, листовки с текстом декрета — стали сейчас музейными экспонатами.

В Смольном Ленину оборудовали кабинет. В комнате № 67, на третьем этаже в южном крыле здания. На дверях ее и до сих пор висит табличка: «Классная дама». На память оставили. Сразу за дверью располагалась первая, совсем маленькая комнатка, где едва уместились два стола управляющего делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевича и секретаря Совнаркома Н. П. Горбунова. Следующая комната, побольше, одним своим окном выходила на Неву и двумя на Смольный проспект. Была она тоже невелика, и, когда здесь собирались на совещание первые наркомы нового государства, в комнате сразу становилось тесно.

Первый нарком социального обеспечения Александра Михайловна Коллонтай вспоминала:

«Обстановка заседаний Совнаркома была самая деловая, и даже более чем деловая, недостаточно

удобная для работы. Стол Владимира Ильича упирался в стену, над столом низко висела лампочка. Мы, наркомы, сидели вокруг Владимира Ильича и частью за его спиной. Ближе к окнам стоял столик Н. П. Горбунова, секретаря СНК, который вел протокол. Всякий раз, когда Ленин давал кому-нибудь слово или делал указания Горбунову, ему приходилось оборачиваться. Но переставить стол поудобнее никто не подумал тогда, заняты были большими делами. Не до себя было!..»

Охрану комнаты Ильича доверили боевой пулеметной дружине путиловцев.

В. Д. Бонч-Бруевич сразу обеспокоился тем, что к Ленину стремился попасть каждый. По делу и не по делу. В одной из комнат нашел он папки для бумаг, разрезал их на аккуратные квадратики и сделал из каждого квадратика пропуск, пронумеровал, на каждом расписался и поставил печать. Пропуск № 1 вручил Владимиру Ильичу.

В 1959 году у входа в первый рабочий кабинет Ленина в Смольном установили мемориальную доску. На ней написано: «В этой комнате, после образования Советского правительства на Втором Всероссийском съезде Советов, был первый кабинет Председателя Совета Народных Комиссаров Владимира Ильича Ленина.

Здесь В. И. Ленин подписывал первые декреты и распоряжения Советского правительства, проводил заседания Совнаркома, встречался с рабочими, крестьянами, солдатами, делегатами Второго Всероссийского съезда Советов».

В этой же комнате, за невысокой перегородкой, стояла и простая железная кровать, на которой Владимир Ильич отдыхал.

Недели через две Ленину и Надежде Константиновне Крупской оборудовали и жилую комнату. Тоже небольшую, разгороженную пополам перегородкой.

«Вход в нее, — вспоминал первый комендант Смольного матрос с «Дианы» П. Д. Мальков, — был через умывальную с множеством кранов, здесь раньше умывались институтки. В комнате — небольшой письменный стол, диванчик да пара стульев, вот и вся обстановка. За перегородкой простые узкие железные кровати Владимира Ильича и Надежды Константиновны, две тумбочки, шкаф. Больше ничего.

Прикомандировал я к «квартире» Ильича солдата Желтышева. Он убирал комнату, топил печку, носил обед из столовой: жидкий суп, кусок хлеба с мякиной и иногда кашу — что полагалось по пайку всем. Бывало, Ильич и сам шел вечером в столовую за супом. Несколько раз встречал я его с солдатским котелком в руке».

Так у Владимира Ильича Ленина появилась в Петрограде первая своя квартира. Сколько лет до этого прожил он в городе над Невой и никогда не имел своего угла. Снимал у хозяев. Скрывался у друзей. Или даже в шалаше под Разливом. И только с победой Октября — первая своя комната.

124 дня провел Ленин в Смольном. Здесь он руководил партией, первым правительством нашей страны, выступал с докладами, принимал делегатов и крестьянских «ходовков». Здесь он написал около двухсот работ.

В первых числах марта 1918 года коменданта Смольного П. Д. Малькова вызвал Яков Михайлович Свердлов.

— Принято решение, — сказал он, — о переезде правительства в Москву. Охрана поезда Совнаркома возлагается на вас.

Грозные дни нависали над молодой Республикой Советов. К Петрограду рвались войска германского кайзера Вильгельма. Они уже захватили Псков, Ревель (Таллин), вплотную подходили к Нарве. До Петрограда оставалось два-три перехода. Здесь их с нетерпением ждало всякое вражеское отребье. В. Д. Бонч-Бруевич писал о тех днях:

«Разведывательные сведения, стекавшиеся в 75-ю комнату Смольного, ясно говорили, что устремления множества шпионов, международных авантюристов и белогвардейцев всецело были направлены на прежнюю царскую столицу и что жить здесь новому правительству становилось небезопасно».

26 февраля 1918 года на закрытом заседании Совнаркома было принято решение о переводе столицы молодого Советского государства из Петрограда в Москву. Соображений здесь было несколько. Москва в географическом отношении лучше была связана со страной, являлась древней столицей нашего государства. На Петроград остервенело рвались немцы, и в этих условиях нельзя было подвергать опасности столицу, откуда осуществлялось руководство всей страной.

Было отдано секретное распоряжение сформировать три состава классных вагонов и поставить их в укромном месте. Поезд с Лениным решено было отправить со станции Цветочная.

Враги революции, конечно, прослышали о переезде правительства в Москву и всеми силами старались узнать: когда и каким поездом поедет Ленин? А узнав, организовать крушение этого поезда.

И вдруг большевики сами открыли этот строжайший секрет. Утром 10 марта газета «Известия» напечатала официальное сообщение: «...настоящим объявляется, что Совет Народных Комиссаров предполагает выехать в Москву 11 марта, вечером...».

Откуда? Кинулись по вокзалам шпионы. На Николаевском вокзале обнаружили два готовых к отправке пассажирских состава. Казалось бы, тайна была раскрыта, большевики сами проговорились!.. Но ликовать врагам революции было рано.

Поезд под № 4001 стоял не на Николаевском вокзале, а на станции Цветочная. И тронуться в путь собирался он вовсе не 11 марта.

Поздним вечером 10 марта из Смольного выехал на Шпалерную улицу (ныне улица Воинова) темный лимузин. Машина мчалась с зажженными фарами, но, миновав Московские ворота, фары погасли. Повернули влево на Заставскую улицу и вскоре были уже на Цветочной.

Ровно в 22.00 без всяких предварительных сигналов 4001-й тронулся в путь. Шел он с затемненными окнами, и Ленин даже спросил Бонч-Бруевича: неужели все время придется ехать в темноте?

— Выедем на главную магистраль, — ответил Владимир Дмитриевич, — включим электрическое освещение.

Это обрадовало Ленина.

— Можно будет почитать! — улыбнулся он.

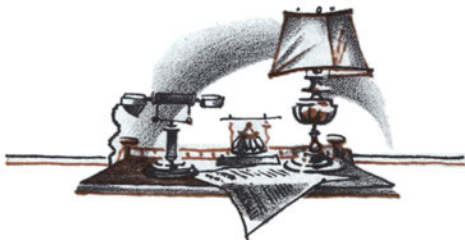
Враги революции так и прозевали ленинский поезд. Они были твердо уверены, что он отойдет от Николаевского вокзала, и успели заложить заряд динамита под одним из мостов. Там его вскоре и обнаружили бойцы железнодорожной революционной охраны.

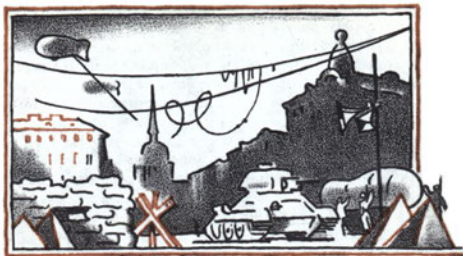
А 4001-й летел в ночи. Все разошлись по купе, спали. Только в купе Владимира Ильича светилась лампочка. Рядом с нею на столике лежал лист бумаги, и вскоре на нем появился заголовок будущей статьи: «Главная задача наших дней».

Написав его, Ленин на минуту задумался и написал эпиграф — знаменитые некрасовские строки:

*Ты и убогая, ты и обильная,
Ты и могучая, ты и бессильная,
Матушка-Русь!*

Такой она и проплывала за окном. Но Ленину в его статье она виделась уже другою — действительно могучею, богатою, социалистическою.

СБЕРЕГЛИ, СОХРАНИЛИ

Среди многочисленных памятников Ленинграда есть особенный — памятник длиной в 200 километров! Его монументы, стелы, обелиски стоят на рубежах обороны города в годы Великой Отечественной войны. Молчаливо, словно охраняя завоеванный в битвах покой, замерли на гранитных пьедесталах танки, артиллерийские орудия, серыми конусами дыбятся надолбы, прямо у волн Ладожского озера поднялось «Разорванное кольцо». На бетонных плитах под ним четко отпечатан след автомобильной колеи — он уходит прямо в озеро на трассу бывшей легендарной Дороги жизни. А на площади Победы всех, кто едет в город со стороны Пулков, встречает величественный монумент героическим защитникам Ленинграда.

...Я помню тот день — 22 июня 1941 года.

Тогда на самых людных перекрестках города, на

стенах зданий появилось много репродукторов — длинных серых раструбов. С утра они гремели мелодиями духового оркестра, потом началась передача для детей... И оборвалась на полуслове. Длинная непонятная пауза словно перехватила дыхание репродукторов. Вновь они заговорили совсем по-иному. Серьезно, тревожно, грозно:

«...Сегодня в четыре часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну...»

И уже на следующий день, в самом его начале, в 1 час 45 минут, над городом взвыли сирены. Надрывно гудя, их песню подхватили паровозы, пароходы, заводские гудки. Из репродукторов впервые донеслось к ленинградцам:

«Внимание! Внимание! Говорит штаб местной противовоздушной обороны города. Воздушная тревога! Воздушная тревога!»

Когда говорят о мужестве на войне, то в первую очередь, конечно, имеют в виду воинов. Но это совсем не значит, что мирных жителей — женщин и детей, ученых и музыкантов — мужество обходит стороной. Совсем не значит... Ленинградцы доказали это.

...В Летнем саду рыли траншеи. Тем летом, 1941 года, весь Ленинград покрылся узкими сырыми щелями, куда можно было спрятаться во время бомбежек.

Но в Летнем саду рыли не щели — траншеи. Возле них стояли высокие треноги с таями, суетились землекопы, такелажники, деловито и грустно перебегал от одной траншеи к другой скульптор-реставратор

Георгий Александрович Симонсон. Нелегкое выпало ему задание: зарыть в землю знаменитые скульптуры Летнего сада.

Георгий Александрович спешил. Стояли по-летнему теплые дни, но приближалась осень, и нужно было торопиться.

На пересечении 6-й и 9-й аллеи ушла в землю юная Аврора, скрылись в свое подземное убежище царственный Аполлон и прекрасная Нимфа. Богиня охоты Диана словно в последний раз улыбнулась зверинцу на памятнике дедушке Крылову. Старый баснописец сидел молча. Сурово насупясь, он наблюдал, как один за другим исчезли его белораморные соседи, как землекопы старательно притапывали землю на месте зарытых траншей.

Скоро на темно-коричневых шрамах сада уже зазеленела трава, и лишь несколько человек знали, где спрятаны знаменитые скульптуры.

Конечно, знал это и Симонсон. Но знал и другое: не успели! Не все успели укрыть! Надвинувшиеся морозы, нехватка людей, подступающий голод не позволили закончить работы. Осталась неукрытой скульптурная группа «Амур и Психея», Эльфальская ваза...

После каждой бомбежки Георгий Александрович спешил в Летний сад. Но с каждой неделей путь от Загородного проспекта становился все длиннее. Голод давал себя знать. Таяли последние силы. В один из дней Георгий Александрович мог сделать лишь несколько шагов и опустился на лестничную ступеньку. Сил хватило только на то, чтобы доползти обратно в квартиру. Около умершего скульптора нашли листки, вырванные из общей тетради. Нетвердой рукой на них были начерчены аллеи Летнего сада, стояли

крестики с цифрами. На других листочках против цифр было написано: «17 — Немезида, 18 — Рок, 22 — Искренность...». Георгий Александрович, конечно, знал, что план зарытых скульптур существует и без его листочков, но что, если он случайно потеряется, погибнет при пожаре? Ведь не вечно лежать скульптурам в земле! Настанет день, придет Победа, и он все должен будет вернуть городу. Сохранить и вернуть! И, умирая, он чертил план Летнего сада.

...В ясные солнечные дни сверкают над Невой купола соборов, врезаются в небо золотые иглы шпилей. Ничего не скажешь, красиво! Только что для фашистов красота? Подойдя вплотную к стенам города, рассматривая его в бинокли, в куполах и шпилях они видели не красоту — ориентиры для своих дальноточных орудий. Глядя на сверкающие шпили, производили они свои расчеты. Чуть-чуть правее — «военный объект» № 9 — Эрмитаж, еще чуть правее и чуть ближе — «объект» № 192 — Дворец пионеров.

Нужно было отнять у врага эти ориентиры, спрятать их.

Маскировкой Исаакиевского и Никольского соборов, Инженерного замка, Адмиралтейства, колокольни Предтеченской церкви на Лиговской улице руководил архитектор С. Н. Давыдов. А выполнили это по-настоящему фронтное задание люди самых разных профессий. Виолончелисты М. И. Шестаков и А. Н. Сафонов, пианистка О. А. Фирсова, архитекторы В. Н. Захарова и Ю. П. Спегальский, художница Т. Э. Визель. На пять куполов и три шпиля натянули серые халаты, золотую «лысину» Исаакия и шпиль Петропавловской крепости покрыли серой краской. И назло врагу слились «ориентиры» с хмурым ленинградским небом, исчезли...

И все-таки гремели взрывы бомб, рвались на улицах снаряды, свистели их смертоносные осколки. Хорошо, что с Аничкова моста успели снять бронзовых коней Клодта.

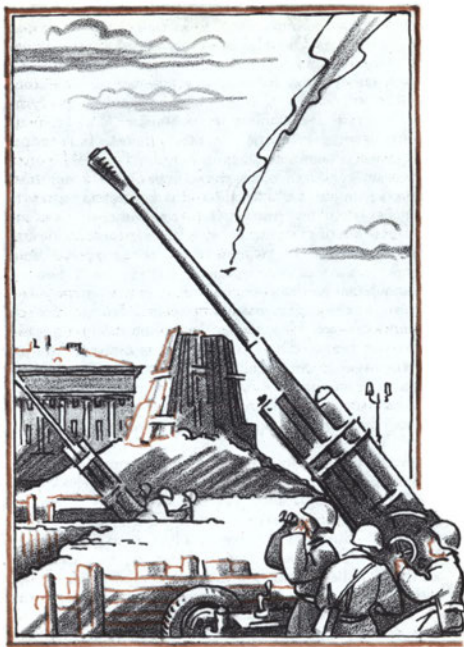
Но памятников в Ленинграде было много. И каждый из них нужно было спасти, сберечь. Не жалели для этого сил ленинградцы! 14 памятников было укрыто, 95 закопано в землю.

Памятник В. И. Ленину у Финлянского вокзала и памятник С. М. Кирову обнесли деревянной опалубкой из досок и засыпали песком. Земляная гора выросла и над Медным всадником. Хотели было снять его с Гром-камня и опустить на дно Невы, но к архитекторам пришел старый архивариус, работавший в Центроархиве. Пришел и рассказал, что среди бумаг 1812 года сохранилось любопытное письмо некоего старожилы города, адресованное царю. Тогда, в 1812 году, перепуганные петербургские вельможи ждали, что со дня на день Наполеон повернет свои войска на столицу, разумеется, возьмет Петербург, и что делать? Решили вывезти из города наиболее ценные реликвии, в том числе и памятник Петру I — Медный всадник. И тут как раз — письмо царю. Писал старожил, что приснился ему сон, будто сам Петр I пришел к нему и повелел передать царю следующие слова: «Покуда я стою в граде сем, ни один враг не ступит на землю его!» Письмо это обнаружили в архиве только в 1941 году, и архивариус решил его показать архитекторам. Наверное, это письмо произвело впечатление, но важнее было то, что погружение в воду могло испортить выдающийся памятник. Решили оставить его на месте — соорудить особо прочный каркас из досок, засыпать двойным количеством песка.

Памятник Николаю I на Исаакиевской площади укрыли мешками с песком. Первый конный памятник России — фигура Петра I у Инженерного замка срезали с пьедестала, густо смазали тавотом, завернули в бумагу и рубероид и закопали. Рядом в Михайловском саду укрыли под землей и знаменитое «Пугало» — памятник Александру III работы П. Трубецкого. Во дворе бывших Конногвардейских казарм были закопаны «Диоскуры» А. Трискорни. И когда уже шли бои под Пулковом, к воротам Мясокомбината на Средней Рогатке подошел трактор с платформой, погрузил на нее тяжелых «Быков» скульптора В. Демут-Малиновского и увез через весь город, спрятал под кроны деревьев Александровской лавры.

Памятники покидали свои пьедесталы, укрывались шпиль и купола, замаскировывались целые городские кварталы. Неумоимо ездил из района в район Николай Николаевич Белехов, возглавлявший Государственную инспекцию по охране памятников Ленинграда. 40 специальных бригад ленинградских художников маскировали город.

Ленинградцы хорошо знают памятник В. И. Ленину «Шалаш» в Разливе. Создал его в 1927 году архитектор Александр Иванович Гегелло. 10 лет спустя его трудами встала над Невой стела в память исторического выстрела «Авроры». Строил Александр Иванович и многие здания: Дворец культуры имени М. Горького, Дом культуры имени И. Газа, Выборгский дом культуры, кинотеатр «Гигант». Словом, украшал город. А тут дано ему задание целый район изменить до неузнаваемости! Точнее, замаскировать Смольный. Вместе с архитектором, Иосифом Александровичем Ваксом, решали они эту задачу.

Тут надо еще раз хорошенько себе представить, что такое для Ленинграда Смольный. Самое главное здание! И в дни Октябрьской революции, и в блокаде. Штаб обороны города!

Понимаете, как хотелось фашистам его разбомбить?

Не вышло! Всю войну летали над Ленинградом, а Смольного так и не нашли. Исчез Смольный. Спрятали его военные маскировщики.

Правда, дело тут предстояло серьезное. Смольный не шпиль, не купол. На него «шапку-невидимку» не наденешь. Если бы только само здание спрятать, так раскрасил крышу зеленым, желтым, коричневым — и дело с концом. Но фашисты тоже не дураки, они бы сразу по соседним зданиям определили: вот он, Смольный, покрашенный только. Нет, тут надо было спрятать и все соседние здания тоже. Что же, все дома разрисовать? И асфальт? И дворы? И панели? Тоже не годится. В солнечную погоду упадут от домов тени — и конец всей маскировке! Рассекречена.

Решили над Смольным и всеми домами вокруг, над скверами и аллеями натянуть огромную сетку. А на ней нарисовать деревья, кусты, аллеи, аттракционы, пруд — парк культуры.

Представляете, картина?! Я где-то читал, что самой большой картиной мира считается полотно итальянца Тинторетто «Рай». Так она всего 22×7 метров. А тут!.. Где такую сетку достать? Все запасы собрали — мало. Еще стали искать. Нашли. В универмаге «Дом ленинградской торговли». Гамаки нашли. Заготовили их там к лету, а летом-то война пришла...

Отпутали гамаки от палок, сплели вместе, добавили другие сетки: рыболовные, волейбольные — какие только удалось отыскать, да еще специально

доплели — и получилась всем сеткам сетка! Наклеили на нее сверху куски материи, прикрепили листы фанеры, разрисовали, натянули на крепких тросах — и исчез Смольный. Картина получилась. Пейзаж.

Только если обычно картины один раз рисуют, то эту пришлось каждый год четыре раза перерисовывать. Иначе было нельзя. На деревьях осенью листья желтеют, а тут что же получается: вечнозеленые липы?

Приходилось спускать сетку, добавлять на картину осенние краски: желтые, оранжевые, красные. А зимой надо было все покрывать снегом, застеклять пруд ледяной коркой.

Приходили весна и лето. Зеленела и опадала листва на деревьях. Шли дни и месяцы. А Смольный стоял цел и невредим. Не под толстой стальной броней, а под тоненькой сеточкой. Пуще глаза берегли его от фашистских стервятников наши летчики, наши зенитчики и наши художники-маскировщики.

Ускользнул от врага и «объект» № 9 — Эрмитаж.

Бесценные сокровища хранил он в своих залах и галереях. Шедевры мировых мастеров резца и кисти! Никак нельзя было подвергать их опасности.

Уже в июне 1941 года гулкие этажи Зимнего дворца наполнились стуком молотков. Сотрудники Эрмитажа, художники, скульпторы, школьные учителя снимали со стен полотна картин, упаковывали скульптуры — готовили сокровища к дальней дороге. Тяжелых ящиков набралось столько, что сами работники музея не могли погрузить их на автомашины. На помощь пришли курсанты, красноармейцы, моряки.

1 июля застучали по рельсам колеса эшелона из двадцати семи больших пульмановских вагонов: со-

кровища, вывозимые в первую очередь. Самые ценные из них были помещены в бронированные вагоны.

В тот же день грузились на автомашины и спешили к вокзалу сокровища Русского музея: около семи с половиной тысяч картин, скульптуры, фарфор...

20 июля отошел второй эшелон сокровищ Эрмитажа из двадцати пяти вагонов.

Третий эшелон отправить не удалось. Гитлеровцы захватили станцию Мга, перерезали последнюю ниточку железной дороги, связывающую Ленинград со страной. Но долго еще слышались шаги в гулких залах Эрмитажа. Из верхних этажей переносили вниз стекло, бронзу, ткани... В античных залах разместились мебель позднейших веков, у статуи Зевса грудой лежали сабли, пики, мушкеты, алебарды...

А далекий городок Мелекесс приютил в своих деревянных Доме учителя и Доме пионеров сокровища нашей Публичной библиотеки.

Война в стены огромного книгохранилища ворвалась так же внезапно, как и везде. Еще 21 июня 1941 года в библиотеке было полторы тысячи читателей. И вдруг — война. Здание опустело в первые дни. Остались лишь одни библиотекари. Около ста из них сразу же стали командой МПВО. Одна из сотрудниц библиотеки писала в те дни в письме:

«22 июня ворвалась в нашу жизнь война. На другой же день в библиотеке началась сумасшедшая работа. Ведрами, по живому конвейеру, поднимали мы на чердак песок и там развозили его на тележках. Лето было душное, жаркое. Все мы, почти голые, обливаясь потом, носились под раскаленной крышей, напоминая собой чертей в аду. А окраска балок... Сначала нам эта работа показалась занимательной, но потом мы очень устали от нее. Краска разъедала

лицо и руки, часто, несмотря на защитные очки, попадала в глаза; руки, не привыкшие держать тяжелую кисть, ломило невыносимо.

Более 3 тысяч кубометров песка подняли тогда на чердаки огромного здания женские руки. Во дворе они же выкопали вместительный водоем. А потом переносили и переносили книги — вниз, в подвалы. Конечно, 10 миллионов изданий туда было не упрятать, но хотя бы самое ценное из оставшегося! И они несли и несли! Тысячи томов книг, картотеки, справочные издания. Пока одни носили фонды, другие дежурили на крышах: ведь в любую минуту могли посыпаться с неба «зажигалки»!

К сожалению, не все коллекции можно было вывезти из города или немедленно спрятать. И хотя одна из таких коллекций была в земле, ее, наоборот, следовало как можно скорее выкопать и непременно сохранить.

Была это коллекция картофеля. Ценнейшая коллекция! Еще в начале века стали собирать ее ученые. В первую очередь Сергей Михайлович Букасов. Он разыскивал высокоурожайные сорта картофеля в нашей стране и далеко в Южной Америке, его видели на склонах Анд и на жарком мексиканском плоскогорье. Около тысячи образцов картофеля привезла его экспедиция в дом № 87 на набережной реки Мойки — во Всесоюзный научно-исследовательский институт растениеводства. Не для того привезла, чтобы выставить напоказ: смотрите, мол, какую мы картошку откопали! Для того, чтобы вывести из этих сортов — «культурных» и «дикарей» — такой сорт картофеля, который не боялся бы ни жары, ни морозов, давал высокие урожаи и каждому пришелся по вкусу. Ведь картофель — это второй наш хлеб!

К тому же из него делают крахмал, спирт, синтетический каучук...

Картофель нужен был для лабораторной работы.

Вот ведь какая это коллекция. Ее не разложишь по стендам, не упрячешь для хранения в ящики — ее каждую весну нужно было сажать в землю и убирать по осени. Это была живая коллекция и всегда должна была оставаться живой. И поэтому все сорта картофеля из этой коллекции, все их виды, гибриды, разновидности каждый год высаживались на делянках опытной станции в Павловске.

Высадили их и весной 1941 года. Урожай еще не успел созреть, когда война вплотную подошла к делянкам. Стали рваться на них снаряды фашистских пушек. Смертельная опасность нависла над уникальной коллекцией!

На делянках работали тогда научные сотрудники института Абрам Яковлевич Камераз и Ольга Александровна Воскресенская. В августе Ольге Александровне удалось собрать клубни ранних сортов. Но «дикари» никак не хотели созревать побыстрее. Эти упрямые «южноамериканцы» и знать не хотели о том, что с каждым часом война все ближе. Лишиться же клубней было просто невозможно!

Фронт почти вплотную приблизился к Павловску. Жители покинули город. Чтобы ездить на свои картофельные делянки, Камераз обзавелся специальным пропуском. И каждый день ездил туда — навстречу огню. Один раз его ударило взрывной волной, но, отлежавшись в ботве, он продолжал свой обход. Отыскивал первые клубни «дикарей». Размером они были с горошины!.. Но это были драгоценные горошины.

Над полем уже тарахтела пулеметная дробь, когда Камераз решил поставить точку. Он выкопал по

одному кусту около пятисот перспективных гибридов и до сотни южно-американских образцов, успевших дать клубни. Ему было даже не свезти всего собранного, пришлось просить машину у военных. Командир инженерной части понял всю ценность собранного ученым и выделил большую грузовую машину.

Спасенный картофель разместили на стеллажах, оборудованных в подвале. Но о спасении коллекции говорить было рано. Приближалась зима. И холод был здесь союзником оккупантов, он мог уничтожить уникальное собрание.

А зима пришла рано и сразу же заявила о себе лютыми морозами. К тому же Камераз скоро ушел на фронт. Ольга Александровна осталась одна. Один на один пришлось ей сражаться с холодом, с полчищами крыс, наводнявших подвалы. Силы были далеко не равны. Все более лютый холод, все более голодные крысы и с каждым днем слабеющий от голода человек. Крысы, голод и холод. Рядом лежали килограммы картофеля. Словно приглашали: свари нас, подкрепись! Но Ольга Александровна не могла себе позволить этого. Ведь не картошка была в ее подвале — редчайшее собрание!

Вконец заболевшую, обессиленную Воскресенскую увезли. Ее подвал принял научный сотрудник Вадим Степанович Лехнович.

Все ниже и ниже падал столбик ртути в термометре. И значит, все больше угрожал холод коллекции. Подвал нужно было отапливать. Но и дрова в ту зиму были на вес золота. Ненасытные «буржуйки» давно уже поглотили все деревянные заборы, скамейки садов и скверов.

В верхних этажах здания находился госпиталь. Иногда из жалости к «старiku» санитары давали ему

кусочки разрубленных столов, стульев, шкафов. Санитары ошибались, Лехнович был еще не стар, и лишь голод да богатая «патриаршая» борода делали его таким. Он с благодарностью принимал куски мебели, но чем они были для его единственной печурки на весь подвал? Не пламенем, а только искрой. Комендант института тоже изредка давал ученому «дровяной паек» — вязаночку полешков. Все это было ничтожно мало. Помог Октябрьский райисполком: вручил Лехновичу ордер на четверть кубометра дров. Выпросив у госпитальных санитаров лист фанеры, истощенный ученый сам привез эти четверть метра в свой подвал. Он тщательно законопатил все щели в дверях — ватой, тряпьем, кусками мешков. В подвале стало чуть теплее. Только чуть-чуть. Поединок холода с человеком продолжался. По много раз в день поглядывал Вадим Степанович на термометр. Восемь градусов, шесть, было и два... Но до нуля температура ни разу не опускалась. А это означало, что картофель жив и поединок не проигран!

Второму «противнику» — крысам — тоже пришлось отступить. Раздобыв электрический фонарик, Вадим Степанович разведal все выходы из крысиных нор, натаскал битого кирпича и как мог натолкал его в норы. Крысиные вылазки почти прекратились, но Лехнович все время был начеку, один нес свою тяжелую вахту.

От Камеразы пришло письмо. Писал он, что стал разведчиком, сражается в одном из полков под Ленинградом, очень беспокоится о состоянии коллекции картофеля, в том числе и о выведенном им сорте «Камераз-1».

С коллекцией было все в порядке. И сорт «Камераз-1» после войны получил широкое распростране-

ние. Не боялся он ни ядовитой фитофторы, ни рака, давал хорошие урожаи и обладал отличным вкусом. За выведение этого сорта картофеля ученый был удостоен Государственной премии СССР.

В ту зиму этот сорт тоже лежал на стеллажах в подвале и ждал весны. Она пришла в точно назначенное время. Оставалось только высадить картофель в землю. Для посадки выделили участки: один — в тресте зеленого строительства, второй — в совхозе «Лесное». К весне вернулись силы и к Ольге Александровне Воскресенской. Вместе с Лехновичем вывезли они свою драгоценную картошку на поля...

Была в этом институте и еще одна уникальная коллекция — зерновые культуры из ста восемнадцати стран: 100 тысяч образцов пшеницы, ржи, кукурузы, риса, проса, гречихи... Не каждое даже крупное государство могло похвастаться таким собранием. Когда враг приближался к Ленинграду, эту коллекцию тоже приготовили к отправке в тыл. Упаковали семена в специальные ящики, но отправить не успели. Ящики оставили в институте. Коллекцию надлежало сберечь. Как это было трудно! Ведь в ящиках лежало не что иное, как хлеб. И именно хлеба не было в Ленинграде. От голода умирали люди, а рядом лежали зерна ржи и пшеницы.

Укутанные шарфами сотрудники института продолжали работу. Они охраняли ценнейшую коллекцию и продолжали ставить опыты. Они точно так же воевали с крысами и по щепочке собирали дрова для своих печурок. Крысы же смелели с каждым днем. Голод гнал их к ящикам и мешкам с зерном. Как спасти собранное? Кому-то пришла в голову дельная мысль: пересыпать зерно в железные банки. Это было далеко не просто. Ослабевшим от голода

людям пересыпать зерно! Но они прошли и через это испытание. 28 сотрудников института погибли в ту голодную зиму, но ценнейшая коллекция была сохранена!

А что было делать с теми коллекциями, которые надо было не только сохранить, но и ежедневно... кормить?

Умер, пытаясь сохранить школьную коллекцию аквариумных рыб, делясь с ними своим пайком, учитель Д. Н. Чубинов. А в Петроградском районе, в Институте экспериментальной медицины, ученый-физиолог Александр Николаевич Промптов охранял, берег, лелеял большую коллекцию птиц.

С детства пернатые были его самыми большими друзьями. Став студентом, Александр Промптов умудрился записать 1600 птичьих песен только лишь в Московской области и еще 511 на берегах реки Уфы. Оказалось, что даже птицы одной породы в разных местах поют по-разному. И тогда молодой ученый решил изучить, как влияет обстановка, в которой живут птицы, на их песни, на их повадки, на их характер. Для этого перед самой войной он с большим трудом вывел птенцов прямо в лаборатории, сам выкормил их с ложечки. Ведь это было очень интересно. Птицы, никогда не видевшие ни леса, ни поля, — сохраняют ли они «обычаи» своих предков? Но грянула война. Враг подошел к Ленинграду. Наступил голод. Чем кормить птиц?

Сам ослабевший от голода, под непрерывным во-ем снарядов ходил он по улицам, забирался в заснеженные скверы — всюду разыскивал корм для своих пернатых друзей. Он менял на крупу собственные вещи, выпрашивал у знакомых хотя бы зернышко, делился с птицами собственным пайком, но корма все

равно было мало. В ту пору подопытные животные были еще в Колтушах. Иногда оттуда Александру Николаевичу присылали творожные лепешки. Вернее, даже не присылали, а сообщали, что он может за ними прийти. И ученый шел через весь город и приносил корм своим питомцам.

И конечно, когда он выходил на улицу, то на птиц обращал гораздо больше внимания, чем на снаряды. Свиста снаряда он даже порою и не слышал, а вот посвистывание какой-нибудь пичуги слышал всегда. Вместе с женой они даже вели дневник: «Наблюдение над птицами в дни осады Ленинграда». Любопытные в нем были записи. Оказывается, с приходом войны птиц в городе стало больше. Появились даже такие, которых раньше никогда и не бывало в городских парках и скверах. В руинах разрушенных домов поселились трясогузки, горихвостки. Над Невским проспектом пели жаворонки. А на углу Невского и улицы Гоголя поселилась целая колония ласточек. Скорее всего птицы тоже бежали подальше от грохота и грома войны, улетали из пылающих лесов и селились в городе. Вот только воробьев стало меньше. Они ведь питаются тем же, чем и люди, и в голодную пору покинули город...

Птенцы, выведенные Промптовым, пережили голодную зиму — и соловей, и серая мухоловка, и варакушка. И уже после войны ученый закончил свой труд о птицах.

О ленинградцах часто говорят: выстояли! Да, выстояли. И не только выстояли сами, но и сберегли, сохранили свой город, его несметные богатства, ценнейшие коллекции. Ни один из них не покинул своего поста. Сохраняя, сберегая, они жили одной жизнью с городом, помогали ему, чем могли.

Я говорил, что в первый день войны опустели залы Публичной библиотеки. Но уже 23 июня туда пришел 391 человек. С тех пор читатели приходили каждый день. Правда, не довоенные — новые вопросы интересовали их. По льду Ладоги прокладывалась Дорога жизни, и потребовались материалы о свойствах льда, о строительстве легких переправ, о прокладке временных дорог по болотам. Требовались книги о съедобных диких растениях. Много заявок поступало от военных врачей. 26 января 1942 года было выключено электричество. В библиотеке появились «коптилки». Взрывами выбило стекла окон, холод гулял по залам Публичной библиотеки, но читателей принимали в бомбоубежище, в зале Рукописного отдела, в кабинете директора. Библиотека работала!

А в Эрмитаже в один из дней, когда был особенно ожесточенный налет, 17 октября 1941 года, ученые отмечали 800-летие азербайджанского поэта Низами. В декабре в одном из залов, в стенах которого стоял 20-градусный мороз, прошло торжественное заседание, посвященное 500-летию великого узбекского поэта Навои. Звучали его стихи, экспонировалась роспись фарфора на темы этих стихов, выполненная членом «пожарной» команды Эрмитажа художником М. Мохом. И ехал к защитникам города академик Иосиф Абгарович Орбели. «Мы знаем в истории времена варваров, вандалов, предшественников нынешних немецких фашистов, — говорил он бойцам и командирам, — но никогда в истории не было ничего более кровавого, дикого и зверского, чем нынешний немецкий фашизм, вооруженный такими разрушительными средствами истребления. А поэтому не было миссии более великой, более почетной, чем наша — мы

должны истребить всех до последнего немецких злодеев, задумавших захватить нашу землю...»

Сохранился альбом зарисовок. На титульном листе его написано: «Собрание рисунков, сделанных в 3-м бомбоубежище Эрмитажа, частью с натуры, частью по памяти во время осады Ленинграда осенью и зимой 1941 года Александром Никольским». На рисунках — занесенная снегом набережная перед служебным входом в музей; дверь в бомбоубежище, где долгую голодную зиму жили его сотрудники; «Бомбоубежище № 5 — под египетскими залами»; «Бомбоубежище № 7 — под итальянскими залами»; пустой и темный Двадцатиколонный зал... Рушились стены, пылали дома, а действительный член Академии архитектуры СССР Александр Сергеевич Никольский писал в своем дневнике: «Сдавать город нельзя. Лучше умереть, чем сдаться. Я твердо верю в скорое снятие осады и начал думать о проекте триумфальных арок для встречи героических войск, освободивших Ленинград». И на листы бумаги ложились четкие карандашные линии будущих арок Победы.

В насквозь промерзшем здании на улице Герцена художники блокадного города тоже сражались своим искусством. Большие картины писать тогда было трудно, самым боевым жанром стали плакаты. На стенах ленинградских домов в самые трудные дни они четко выделялись: «Защитим город Ленина!» художника В. А. Серова, «Все ли ты сделал для помощи фронту?» В. Б. Пинчука, «Будь бдителен!» И. В. Серебряного. И если кто-нибудь вам скажет сейчас, что скованный голодом и холодом город перестал улыбаться, — не верьте! Я и сам помню, как на нашей булочной висел очень смешной плакат: «О крысе голодной и силе народной». Люди смотрели и

улыбались, видя, как прожорливая фашистская крыса укололась о русский колос, ошестинившийся штыками. В верхнем левом углу плаката стояла марочка: «Боевой карандаш». На ней были нарисованы художническая палитра, карандаш и винтовка с примкнутым штыком. Но только после войны узнал я, с каким трудом создавались эти плакаты.

Обычно контур плаката наносится на литографский камень, с него уже снимаются оттиски. Холодный камень — хороший помощник художника. И требует он немного: только чтобы его подогрели. Но в здании Союза художников лютował холод. Отопления не было. Как же снять оттиск? И тогда художники согревали камень теплом своего тела. Ложились на него, сложив ладони трубочкой, дышали на отдельные участки камня. Они сами ужасно мерзли, но камень согревали, чтобы сделать еще три-пять новых боевых плакатов.

«Карандашисты» были воистину веселыми художниками. Во время самого лютого голода про некоторых из них даже веселую историю сочинили: «Повесть о том, как В. Кобелев, В. Курдов и Н. Муратов белогвардейских генералов и крысу Шушару съели». Герой этой повести, художник Николай Евгеньевич Муратов, об этой истории рассказывает так:

«Случилось это в 1942 году, в феврале месяце. Было голодно... Генералы те были особенные, точнее сказать — скульптурные, вылепленные мною из хлебного мякиша еще в довоенное время.

Юденич, Деникин, Колчак — этот хотя и адмиралом был, но контрреволюцией по-сухопутному занимался, — Врангель, бандит Махно, а к ним в придачу старая злая крыса Шушара — персонаж из сказки

Алексея Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино». Каждый из персонажей величиной с добрый кулак.

И хотя это были всякие злодеи, но вылепил я их в свое время из хлеба настоящего, довоенного, без примеси целлюлозы или других каких-либо заменителей, и по тем временам представляли они собой существенный продовольственный ресурс.

Но как их есть?

Затвердели белогвардейские генералы до невозможности, ну, натурально каменные, а у нас к тому времени уже и зубы от цинги стали пошатываться.

Разве разгрызешь такое?

Однако Василий Алексеевич Кобелев нашел выход. Утопил всех генералов с адмиралом Махно и крысу Шушару в полведерной кастрюле на ночь — пусть отсыреют. Утром, сняв всевозможный наплыв (краску, спички, каркас крысы), приготовил раствор заправил его лавровым листом, поперчил, подсолил и стал варить на медленном огне, доведя это варево до кисельной густоты.

Несколько дней принимали мы граммов по пятьдесят «белогвардейских генералов».

Частенько рисунки художников добирались до самой передовой. И не только наклеенные на башни танков.

К солдатам переднего края в 1942 году приехал художник-карикатурист Владимир Александрович Гальба. Приехал и стал рисовать карикатуры — на Гитлера, Геббельса, Геринга. Но не на бумаге рисовать, а на огромных кусках марли, натянутых на такие же большие рамы — 3×4 метра. Нарисовал. Ночью наши разведчики выставили эти карикатуры перед передним краем. Схлынул туман белой ночи,

и открылись перед гитлеровцами «портреты» их «фюреров». Сначала было смех послышался из вражеских окопов. Потом стало тихо. Думали-думали фашисты, как же им в таком случае поступить: стрелять по своим «фюрерам» или не стрелять? Наверное, по телефонам совещались и все-таки стали стрелять. Но что для марли фашистские пули! Пролетела она через тонкую ткань, а «картина» как стояла, так и стоит. Тогда несколько гитлеровцев вылезли из окопа и поползли к стоящим перед нашей передовой рамам. Ну, тут уж наши снайперы не промахнулись! Позже художник, рассказывая эту историю, никогда не забывал шутить: «Вот уж когда сатира убивает! Наповал! В полном смысле этого слова».

Войну Владимир Александрович Гальба закончил в Берлине. На обуглившейся стене рейхстага написал: «Гитлер, я в Берлине, а где ты? Владимир Гальба».

В январе 1944 года пришел блокаде конец. Наши войска погнали захватчиков на запад. Над заснеженной Невой прогремели залпы победоносного салюта. Теперь уже твердо можно было сказать: «Богатства города, его красоту — сберегли, сохранили!»

ЛЕНИН ГОВОРИТ С БРОНЕВИКА

Труднее всего было завязать шарф. Толстое зимнее пальто, натянутое на пиджак, на телогрейку, словно связывало руки, и они никак не хотели подниматься, тем более загибаться туда, назад, за шею, чтобы затянуть этот проклятый узел. Конечно, во всем виновато это толстенное ватное пальто! Признаться самому себе в том, что ослаб, не хотелось. Ничего он не ослаб! Преспокойненько дойдет, посмотрит и вернется обратно.

Примолкшая, застывшая в сугробах улица Союза Печатников была пустыня. Лишь у самого подъезда встретилась соседка, спросила:

— Куда это, Сергей Александрович, в мороз-то?

— Да тут, неподалеку, — выдохнул он из высоко поднятого воротника. — Скоро вернусь.

Миновав площадь Труда, вышел к Неве и пошел по набережной. Стоявший у самой гранитной стенки крейсер «Киров» на какое-то время заслонил его от ветра, но, едва корабль остался позади, ветер налетел снова, с удивительной настойчивостью впиваясь в щеки. Именно в щеки! Единственное уязвимое место. Все остальное он предусмотрительно закрыл низко надвинутой ушанкой, шарфом. Усы — тоже вотгодились в борьбе с морозом!.. А щеки приходилось растирать. Останавливаться и растирать варежкой.

Конечно, дело тут не только в низкой температуре: голодному и легкий морозец страшен...

Сергей Александрович шел медленно, и потому как-то медленно вспоминалось... Да-да, тогда, в январе двадцать четвертого, был точно такой же мороз. Жгучий мороз. И вокруг был такой же притихший город. Людей, разумеется было больше, но шли они молча, торопливо, низко опустив головы, смотря себе под ноги. Просто не укладывалось в сознании, что Ильича не стало...

Нет, не страх, не растерянность, а самая настоящая человеческая боль пригибала к земле. Так ведь и говорят: боль утраты.

Куда он тогда шел? К себе, конечно, в мастерскую. С Марсова поля на Алексеевскую, нынешнюю улицу Писарева. В мастерской тоже было холодно. На подрамниках пестрели холсты недорисованных декораций. Но руки потянулись почему-то к глине. Ни о чем не думалось, а пальцы лепили и лепили. Сами. Лишь какое-то время спустя стало понятно, что они лепят фигурку Ленина. Маленькую фигурку с решительно выброшенной вперед рукой. Именно таким запомнил он Ильича в день его возвращения из эмиграции, 3 апреля 1917 года.

Ленин выступал тогда с балкона особняка Кшесинской, и под его рукой волновалось море голов. Матросские бескозырки, рабочие картузы, кепки, белые платки женщин!..

...Сергей Александрович остановился. Ого! Он уже миновал Марсово поле, Фонтанку! Сколько же он идет? Надо посмотреть на часы... Так... Почти два часа. Пора отдохнуть. Присесть на гранитную скамейку и чуть-чуть отдышаться. А потом — туда, на лед. Наискосок через Неву. Вот и тропинка, словно струнка, протянулась. словно специально для него протоптана. Да и ветер приутих вроде. И не стреляют. Что, если обстрел захватит его прямо на Неве? Там-то уж никуда не спрячешься. Впрочем, разве он прятался от обстрелов на улицах? Давно уже не прятался. Привык. Если от каждого обстрела прятаться, когда же работать, ходить в булочную?

Всё! Отдохнул! Долго сидеть на морозе не рекомендуется. Надо идти дальше. И снова вспоминать. Это отвлекает от холода.

На чем же он остановился? Да-да, на статуэтке. Целый месяц она стояла статуэткой и больше ничем. Разве могла тогда прийти к нему в голову мысль о памятнике? Он ведь, по существу, и не был скульптором. Был художником-декоратором. Оформлял метерлинковскую «Синюю птицу» во МХАТе для Станиславского. Потом перебрался в Петроград и тоже — декорации, декорации! А скульптура — ну разве что для какого-либо спектакля требовалось поставить на сцену статую! Тогда лепил.

Нет, решительно он и думать не мог о памятнике! Знал, конечно, что о памятниках Ленину говорит вся страна. Читал в «Правде» статью Красина Льва Борисовича. Ох и споры пошли после той статьи!

Каким должен быть памятник Ленину? Музеем, хранящим все рукописи вождя, все его фотографии, документы? Гигантским Дворцом труда? Ленинской библиотекой? Народным Домом спорта? Немецкая художница Кете Кольвиц вообще считала, что не родился еще такой мастер, который мог бы создать достойный скульптурный портрет Ильича. Зато Володя Щуко... Простите, простите! Какой же он Володя? Уже тогда он был уважаемым академиком архитектуры Владимиром Алексеевичем Щуко! Так вот — Володя Щуко дерзнул! Опубликовал проект монумента, предлагая воздвигнуть его на площади Революции рядом с особняком Кшесинской, напротив Петропавловской крепости. Чего он там только не напридумывал! Прежде всего, огромную башню, опоясанную спиралью и стальными фермами. И на этой огромной башне — сама статуя. Тоже огромная. «Клепанная из железа и стальной брони руками всех заводов». Так ведь и написал! Фантазер! Большим фантазером был этот академик архитектуры Щуко! Но в смысле масштабности... О, тут он имел точный глаз!

Ведь что видел в своей вылепленной фигурке он, Сергей Александрович Евсеев? Статуэтку. Не больше. А что увидел Щуко?

Тогда ведь, в феврале, они просто случайно забрели в его мастерскую, Владимир Алексеевич Щуко и Владимир Георгиевич Гельфрейх. Замерзли и завернули погреться. И что же? Володя Щуко два раза обежал комнату, на холсты и внимания не обратил, а статуэтку тут же заметил. Сбоку посмотрел, присел, разглядел снизу и — к Гельфрейху:

— Володя, посмотри-ка! Статуэтка, а дышит монументом!

Так и родился их «тройственный союз».

16 апреля того же двадцать четвертого года, в 7-ю годовщину возвращения Ленина из эмиграции, в скверике перед Финляндским вокзалом заложили памятник. На митинг по случаю его закладки тысячи людей собрались. Под гром пушечного салюта заложили бронзовую доску. На фундамент из бутовой плиты поставили глыбу черного гранита и на ней написали: «Ленину».

В тот же день был объявлен и всесоюзный конкурс на проект памятника. Условия его заключались в четырех словах: Ленин говорит с броневика.

Конечно, «тройственный союз» в составе академика архитектуры Щуко, профессора архитектуры Гельфрейха и его, художника-декоратора, а также немножко скульптора Евсеева, не замедлил включиться в конкурс.

Что они, собственно, тогда делали? Спорили. Искали. Постоянно спорили и снова искали.

Первый проект выглядел довольно громоздким: тяжелый каменный массив со ступенями (в них они тогда видели трибуну для ораторов); над ступенями — двухбашенный броневик (с колесами, кабиной, радиатором!); вокруг броневика — люди (рабочие, матросы, красногвардейцы); но броневик — это всего лишь пьедестал для статуи, на нем-то и стоит выступающий Ленин.

Н-да... Тяжеловато все придумано. Все внимание ушло на броневик, на большую группу слушающих вождя. Поставь такой памятник, фигура Ленина просто затерялась бы во множестве других деталей.

На конкурс, правда, этот проект они представили.

Солидный был конкурс! Шестьдесят одна работа! А мастера какие! Манизер, Фомин, Козлов, Шервуд,

Руднев!.. И что приятно: рядом — никому неведомые самоучки. Кто тогда премии получил? Первую — архитектор Лангбард, вторую — ленинградский скульптор Разумовский, а вот третью — просто инженер! Московский инженер Самородов.

Долго ходила комиссия по залам Академии художеств и все же записала: «Нужно констатировать, что не нашлось скульптора, который бы сумел представить Ленина таким, каким он был и каким его желает видеть ныне в художественном изображении ленинградский пролетариат».

Вот так-то...

Их первый проект премии не получил. Но что-то все-таки сумели они найти в нем верное. Не зря же ведь именно их «тройственному союзу» и было поручено выполнение окончательной модели.

Да, снова тогда они спорили и искали, спорили и искали... Пять раз переделывали проект. Отказались от окружающих фигур, оставив только броневику. Но и этот вариант сами же забраковали. Броневику, «обутый» в толстые шины, выглядел излишне большим, фигура Ленина на нем — маленькой. Но ведь главное-то не броневику, а Ленин! Оставили только одну из башен броневика. И сразу центром скульптуры стал Владимир Ильич. Было найдено именно то, что так долго искалось.

...Обстрел все-таки «изволил быть». Правда, Сергей Александрович уже успел перейти Неву и первый свист снаряда настиг его уже у стенки правого берега. Из-за низко нависшей ваты плотных, напичканных снегом облаков выстрелов гитлеровских пушек, установленных где-то на Вороньей горе, было не слышно. Об опасности предупреждали сами летящие снаряды. Едва заметный вначале свист нарастал,

усиливался и заканчивался грохотом. Стреляли по Финляндскому вокзалу, и потому Сергей Александрович забеспокоился, заторопился туда, где падали снаряды.

— В укрытие! В укрытие! — выросла перед ним женщина с противогазной сумкой через плечо.

Пришлось сворачивать в парадную. Что ж, и впрямь можно передохнуть, посмотреть на часы... Так... Сколько же он шел? Три часа. Назад, очевидно, получится чуть дольше.

Обстрел прекратился, и Сергей Александрович побрел на привокзальную площадь.

Рядом со зданием вокзала, в том месте, где в апреле 1917 года Ленин говорил с броневика, возвышался сейчас широкий дощатый конус с плоским верхом. Вырастал он прямо из земляного холма, засыпанного снегом. Там, под дощатым конусом, обложенным мешками с песком, бережно укрытый от осколков бомб и снарядов, стоял памятник Ленину. Памятник, уже ставший символом Ленинграда.

Сергей Александрович смотрел на припорошенные снегом доски, а видел каждую складочку на скульптуре вождя. Помнил их наизусть.

Как было не помнить!.. Ведь он и лепил ее — огромную статую в 4,5 метра. Даже мастерская академических театров, казавшаяся ему такой просторной, на этот раз оказалась мала. Пришлось ломать потолок. Под проемом в потолке все трое установили они каркас, возвели вокруг леса.

Потом он лепил. Лепил и лепил. Володя Щуко был всегда рядом. Техника ваяния ему была знакома: в молодости брал уроки у скульптора Беклемишева. Но главное — Щуко видел и слышал Ильича. Евсееву повезло лишь один раз: тогда, в апреле семнадца-

того. Щуко же не раз встречался с Владимиром Ильичем. Его постоянные советы были точны и тем особенно ценны. Кстати, он сам и позировал. Невысокий, чуть коренастый, долгими часами простаивал он в трудной позе с выброшенной вперед рукой. А только лишь слезал со специально сделанной круглой тумбы, сразу спешил на леса, придирался к каждой мелочи, к каждой складочке на костюме.

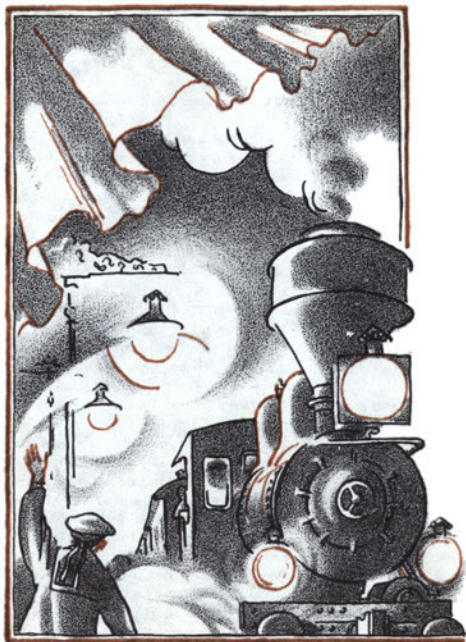
В октябре 1925 года фигура была полностью вылеплена из пасты. В мае следующего года была готова гипсовая модель. И самой статуи, и броневой башни с радиатором.

И тогда в мастерскую хлынул поток рабочих, наверное, со всех заводов и фабрик города. Первыми пришли путиловцы, потом — с Семянниковского завода, потом... уж и не вспомнить. На многих предприятиях был даже проведен специальный анкетный опрос: «Ваше мнение о будущем монументе Ленину?». Сергею Александровичу один ответ особо запомнился, рабочих Выборгской стороны: «Считать модель памятника и фигуру Ленина пригодными и хорошими». С этим согласилась и комиссия, куда входили Сергей Миронович Киров, Николай Михайлович Шверник, представители Института истории партии, Главнауки, скульпторы, искусствоведы...

Памятник можно было отливать.

...Теперь он стоял зашитым в дощатый корпус. Сергей Александрович обошел земляной холм, выбрал как ему казалось, наиболее удобный склон для подъема и стал забираться. Ноги скользили, заставить их упираться в насквозь промерзшую землю было не так-то просто. Но он все-таки добрался до верху и принялся одну за другой ощупывать доски. Осколки не облетали их стороной. То там, то здесь темнели царапины, было

несколько пробоин, но, судя по всему, мешки с песком не пропустили их к бронзе скульптуры. Держались же доски крепко. Сергей Александрович даже улыбнулся про себя: «Молодцы красноыборжцы! И с металлом, и с деревом работают на совесть!»

Иначе и быть не могло: памятник-то их! Они его отливали.

В те годы только они и могли это сделать. Гражданская война крепко подрубила художественно-монументальное литье. Бывшая петроградская бронзолитейная фабрика А. Морана стояла наглухо закрытой. Ни рабочих, ни бронзы. Инженер ее Э. П. Гаккер перебрался на «Красный выборжец» — поближе к медеплавильному производству. На него и легли заботы по отливке памятника.

Но главная-то забота была другой: бронза! Где взять столько бронзы? Шутка ли, 600 пудов!

Был объявлен сбор бронзы. Несли ее отовсюду. Старые подсвечники, уцелевшие еще царские орлы, балконные решетки... Да не все годилось из того, что несли. Для памятника нужна была специальная бронза: сукрасная. Не боявшаяся любых перепадов температур, дождя, снега.

...Сергей Александрович остановился, вспоминая. Как же звали литейщика с «Красного выборжца»? Вот был мастер! Ага, вспомнил! Венедикт Семенович Яскевич. Именно он отбирал тогда металл для памятника! Да как отбирал! Возьмет в руки подсвечник, повертит, на изломы посмотрит — и пожалуйста: абсолютно точно называет состав бронзы, содержание в ней цинковой лигатуры! Не человек — лаборатория! На глаз, а точнее иных анализов! Талант! Это уже талант! И еще — Подмоштов Анатолий Станиславович. Литейщик каких поискать!

Разумеется, собранной добровольными приношениями бронзы не хватило. Выручили гильзы. Старые снарядные гильзы, сохранившиеся со времен гражданской войны. Они-то и пошли на переплавку. Не для новых снарядов пошли, а на художественный памятник великому ратоборцу за мир — Ленину.

...С высоты земляного холма Сергей Александрович спустился вконец уставшим, замерзшим, но каким-то успокоенным: цел памятник! Не тронули его ни бомбы, ни снаряды. Надо будет через месяц еще раз сюда наведаться.

По засыпанной снегом привокзальной площади прошел отряд красноармейцев, и снова осталась она пустой, притихшей.

А какой красавицей была эта площадь 7 ноября 1926 года! Щуко сам продумал ее украшение. Зеленые гирлянды, мачты с развевающимися флагами, транспаранты! Вокруг еще не открытого памятника — почетный караул красноармейцев, моряков, летчиков! И сотни, нет — тысячи людей, пришедших на открытие памятника.

Сергей Александрович обернулся к зданию Финляндского вокзала, отыскал глазами его вышку. Да-да, именно оттуда грянули тогда фанфаристы, и все люди на площади обнажили головы. И тогда загремел орудийный салют. Духовые оркестры грянули «Интернационал», вся площадь сразу подхватила его.

С памятника спало покрывало. Сверкнули грани серо-черного гранита, доставленного с берегов Онежского озера. На сверкающие камни пьедестала легла красная звезда с серпом и молотом, выполненная из живых цветов. А над площадью снова стоял Ленин. Как живой с живыми говоря.

...Возвращаться домой не хотелось. Но ведь надо! Вечер уже надвигается. Сергей Александрович пошел мимо разрушенного бомбой старенького дома, мимо деревянных сараев, раскинувшихся между вокзалом и Невой. Слышал он о проекте реконструкции площади, но все это будет впереди, после победы. Нисколько не сомневался старый скульптор в том, что и победа будет, и площадь изменит свой вид, станет нарядной, просторной. Просто это все еще впереди! А пока надо идти домой. На свою улицу Союза Печатников. Через замерзшую Неву.

...Не раз, не два проделывал этот путь старый скульптор. Когда в городе пошли трамваи, добираться к Финляндскому вокзалу стало быстрее и проще. Да и Сергей Александрович чувствовал себя уже более окрепшим. Теперь он легко взбирался на зеленый холм к деревянным щитам, легко мог узнать каждую новую пробоину от осколка вражеского снаряда.

Так и прошли они вместе через всю войну — памятник и его создатель.

Весною 1945 года пришла долгожданная победа. Пришла и распахнула перед вокзалом огромную площадь. Ленинградцы убрали кирпичный забор, отделявший вокзал от Невы, разобрали пакгаузы, железнодорожные пути, подходившие к самой реке, служебные помещения товарной станции... И открылся простор!

Долго стоял памятник, окруженный тротуаром из каменных плит и чугунными тумбами с цепями, почти у самых стен вокзала. Змеились у его подножия трамвайные рельсы, тарахтели автомобили, по неровному булыжнику мостовой сновала толпа. Тесно было здесь величественному монументу.

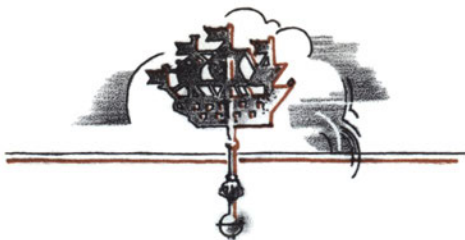
После войны это как-то особенно почувствовалось. И Сергей Александрович даже обрадовался, когда ему позвонили и сообщили, что завтра намечается передвижка памятника. Разумеется, он тоже приехал к Финляндскому вокзалу.

Памятник переезжал. На новую площадь. Его поставили на зеленом холме, окруженном поребриком из черного гранита. Зеленели вокруг него кусты нового сквера, разбитого на небольшом возвышении — стилобате, вспыхнули на зеленом травянистом ковре газона цветы.

Сергею Александровичу Евсееву исполнилось 75 лет. В день его юбилея к нему на улицу Союза Печатников шли и шли друзья, почтальон спешил с телеграммами. А через Неву с простертой вперед рукой стоял памятник Владимиру Ильичу Ленину. Словно тоже приветствовал своего создателя. Впрочем, почему «словно»? С бронзовой башни броневика Ленин и сегодня приветствует всех ленинградцев, отстоявших свой город в великой битве, возродивших его дома и заводы, прославивших его новыми успехами в труде.

Приветствует и зовет вперед, дальше, к новым победам!

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ	3
ЗА КРЕПОСТНЫМИ БАСТИОНАМИ	9
ГЛАВНАЯ ПЛОЩАДЬ	27
ПЛЫВЕТ НАД ГОРОДОМ КОРАБЛИК	47
ПОПУТНОГО ВЕТРА!	65
ДВЕСТИ ЛЕТ ОН СКАЧЕТ НАД НЕВОЮ	91
ПЕРВЫЙ МУЗЕЙ	109
СТРЕЛКА	135
В ЧЕСТЬ ДОБЛЕСТИ И СЛАВЫ	155
СКАЧИТЕ, БРОНЗОВЫЕ КОНИ!	171

КАК ЗВЕРИНЕЦ СТАЛ ПАМЯТНИКОМ	185
ПЕРВЫЙ ЗНАМЯ ПОДНЯВШИЙ	199
В НАЧАЛЕ ПУТИ	217
КРОВАВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ	237
СМОЛЬНЫЙ	251
СБЕРЕГЛИ, СОХРАНИЛИ	275
ЛЕНИН ГОВОРIT С БРОНЕВИКА	299

РЕЦЕНЗЕНТЫ —

доктор исторических наук
Т. П. БОНДАРЕВСКАЯ,

заместитель директора Государственного
музея истории Ленинграда
О. А. ЧЕКАНОВА

Дорогие ребята!

Вы только что закрыли книгу рассказов
о прекрасном городе — Ленинграде.
Конечно, автор не рассказал в ней всего:
история города на Неве
вобрала в себя многие страницы истории
всей нашей страны за три последних века.
Но мы надеемся, что главное дело
«Рассказы о Ленинграде» сделали
и у тебя возник интерес к истории
и сегодняшней жизни города,
его архитектурным памятникам, музеям.
Поиск книг и других материалов о Ленинграде
ты продолжишь уже сам,
а нас интересует твое мнение о книге.
Что тебе больше всего понравилось?
О чем и о ком хотел бы ты узнать подробнее?

Ждем писем по адресу:
191187, Ленинград, наб. Кутузова д. 6.
Дом детской книги.

Суслов В. Н.

С 90 Рассказы о Ленинграде: Очерки и рассказы/
Переизд.; Рисунки и оформл. С. Яковлева. — Л.:
Дет. лит., 1988. — 319 с., ил.
ISBN 5—08—000201—8.

Очерки и рассказы о городе-герое Ленинграде и его истории, памятниках и его людях.

С **4803010102—166** **345—88**
М101(03)—88

Р 2

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Суслов Вольт Николаевич

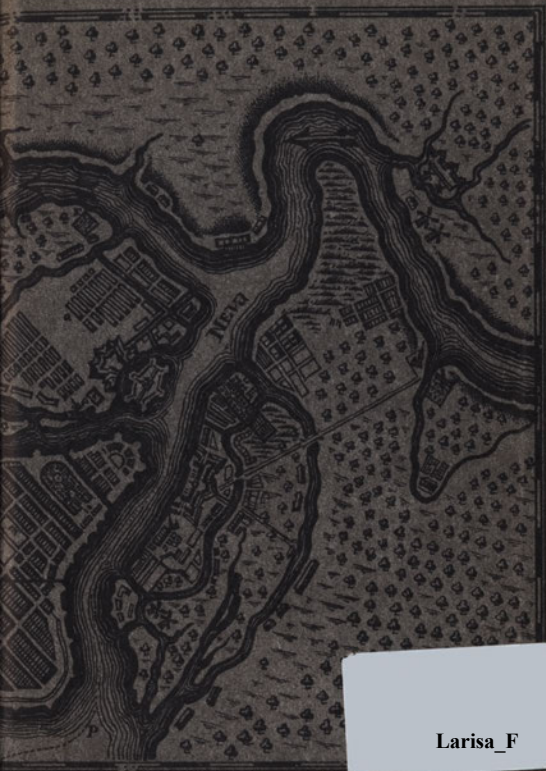
РАССКАЗЫ
О ЛЕНИНГРАДЕ

Ответственный редактор
О. В. Кустова.
Художественный редактор
И. Н. Косарева.
Технический редактор
Т. Д. Раткевич.
Корректор
Т. Г. Янина.

ИБ 9921

Сдано в набор 27.11.87. Подписано к печати 05.07.88.
Формат 70×100¹/₃₂. Бумага офсетная № 1. Печать
офсетная. Шрифт академический. Усл. печ. л. 13. Усл.
кр.-отт. 26,64. Уч.-изд. л. 13,15. Тираж 100 000 экз.
Заказ № 150. Цена 80 коп. Ленинградское отделение
орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы наро-
дов издательства «Детская литература». 191187, Ленин-
град, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2
Росглавполиграфпрома Государственного комитета
РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной
торговли. 193036, Ленинград, 2-я Советская, 7.

Larisa_F